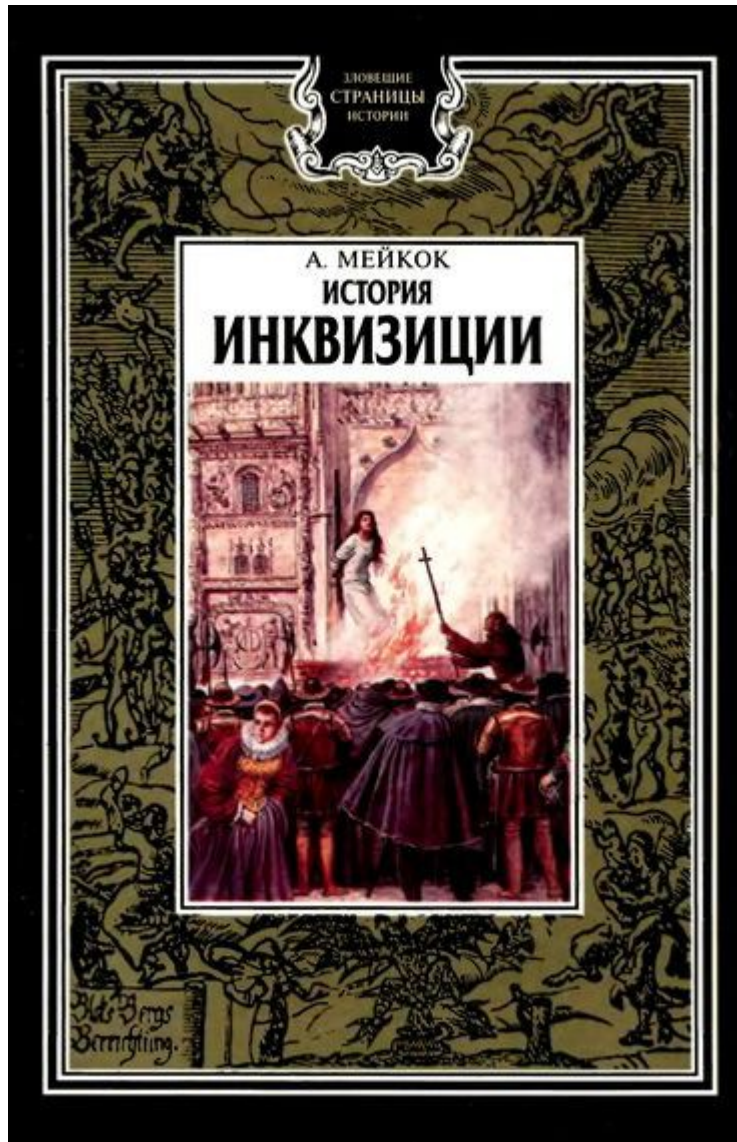


А. Л. Мейкок

История инквизиции



Вступительное слово

Настоящее исследование средневековой инквизиции не претендует ни на всесторонность, ни на оригинальность. Да, это именно исследование, а не история инквизиции, исследование определенной проблемы – средневековой ереси и средств борьбы с нею. Средневековая ересь обладала двойственной натурой – в этом ее интерес и важность. Членство в еретической секте считалось преступлением в глазах государства и грехом в глазах Церкви. В результате этого, с одной стороны, появилось множество светских законов, предписывающих карать ересь смертной казнью, а с другой – возник церковный трибунал, названный инквизицией, целью которого было определять, что такое ересь и кто такие

еретики. Инквизиции принадлежала принудительная власть, и законное наказание могло быть исполнено лишь в том случае, если оно было санкционировано ею.

Кроме того, мы должны признать аналогичную двойственность и самого ведомства инквизиции. Сначала суды инквизиции были призваны исправлять еретиков, а не накладывать на них наказание. Их целью было примирять, а не карать. К примеру, заключение в тюрьму теоретически было, скорее, епитимьей, чем наказанием. Однако если обвиняемый упорно отказывался отречься от своих убеждений или не желал примириться с Церковью, то инквизитору оставалось только одно: лишить нераскаявшегося грешника покровительства Церкви и передать его в руки светских властей, дабы те наказали его как преступника. Разумеется, подобные вещи вызывают множество вопросов и навевают на определенные размышления. Настоящее исследование – это попытка взглянуть на инквизицию в свете тех времен, уразуметь, какие силы привели к ее установлению, обсудить некоторые ее методы и приемы, а также рассмотреть в самом широком спектре деятельность инквизиции в первые полтора века ее существования.

Мы так привыкли к тому, что слова «Церковь» и «государство» относятся к совершенно разным общественным институтам, что поначалу у нас возникли определенные трудности с постижением средневековой позиции. Потому что в Средние века Церковь и государство были просто разными составляющими единого общества – христианского содружества.

«Человечество – это одно «мистическое тело»;...всеобъемлющее объединение, стоящее в основе того всеобщего царства, духовного и светского, которое можно назвать всеобщей Церковью, или в равной степени содружеством человеческой расы... Если бы человечество было единственным или если бы существовало единственное государство, включающее в себя весь род человеческий, то это государство было бы ничем иным, как Церковью, основанной самим Господом Богом».¹¹

Эта концепция определенно выведена из утверждения, что в Средние века крещение было непременным элементом истинного гражданства. Таким образом, отлучение от Церкви вело за собой потерю гражданства и всех гражданских прав. Доктор Фиггис видит в замечании Филиппа II, утверждавшего, что он лучше вообще откажется от власти, чем будет править еретиками, точное выражение средневекового принципа человеком, который все еще в него верил.

Но тем не менее мы должны настороженно относиться к часто повторяемому заявлению, что инквизиция была исключительно преступным судом, завязшим в политических интригах и служившим политикам. Мы также должны признать существование тесной связи между светскими и церковными аспектами ереси. Интересы Церкви и государства совпадали в то время. Надо разобраться в важности этого утверждения для того, чтобы лучше понять предмет нашего исследования. Разумеется, читатель может счесть, что в данной работе этому уделяется слишком много внимания, в результате чего другие, не менее важные вещи, были упомянуты лишь вскользь. В ответ на это автор может лишь сослаться на подзаголовок данной книги. Он никогда не утверждал, что пишет учебник по истории средневековой инквизиции. Автор, скорее, пытался пристально рассмотреть один-два вопроса, которым, по его мнению, прежде не уделялось должного внимания. Инквизиция – одно из наиболее интересных явлений в истории. Автор попытался сделать его не только интересным, но и понятным.

Первые четыре главы – это расширенные варианты очерков, напечатанных в журнале «Девятнадцатый век и дальше» в августе и сентябре 1925 года. Автор благодарит издателя этого журнала за разрешение перепечатать очерки в их настоящем виде.

А. Л. М.

Июнь, 1926

Предисловие

Добрая английская традиция, приверженцами которой мы стали не столько благодаря историческим книгам, сколько благодаря не слишком умным детским романам, научила нас бояться и ненавидеть инквизицию. Забыв о разделяющих нас трех веках, мы воображали, что этот общественный институт возник для того, чтобы противостоять героическому протестантизму Лютера; мы считали, что само слово «инквизиция» – это вежливый эвфемизм, к которому прибегают, чтобы, не говорить прямо о дыбе и тисках для сжимания пальцев; в наших глазах те, кто служил инквизиции, были прототипами Великого инквизитора из романа «Гондольеры», который объясняет, что старая няня находится в камере пыток, но тактично добавляет при этом, что «с нею все в порядке, ей принесли все газеты с иллюстрациями». Недавно такие авторы-некатолики, как мистер Турбервиль и мистер Никерсон, попытались более точно и справедливо объяснить читающей публике, что же представлял из себя этот ужасный суд. История инквизиции, ее размах, причины ее возникновения – все это можно найти в их трудах. Публика постепенно начинает постигать, что инквизиция не только не была создана для того, чтобы противостоять Реформации, а уже почти устарела ко времени ее возникновения и даже успела пережить свой расцвет (можно даже сказать – выжила), столкнувшись с уникальными условиями XVI века.

Хорошо бы какому-нибудь автору в Англии попытаться, как пытается в этой книге мистер Мейкок, исправить наши старые, зачастую преувеличенные понятия об инквизиции, проведя беспристрастное исследование ранней поры ее существования.

Автор-католик не стал бы писать об инквизиции, как о деле прошлом, потому что она существует до сих пор. Правда, сегодня она использует только духовное оружие, ее функции сводятся к функциям духовного тела; она посягает на свободу людей не больше, чем Арчский суд.^[2] Следовательно, автор-католик должен указать, что этот общественный институт развивается вот уже несколько веков, что его нельзя считать изолированным явлением определенного исторического периода. Он должен четко отличать его истинные характеристики от мимолетных, его невольные допущения от его осознанных целей. Он должен рассматривать его как часть общего целого.

Неприятность, испытываемую средним англичанином к инквизиции, можно выразить несколькими нравоучительными высказываниями, которые можно свести к следующим:

1. Церковь не должна ставить во главу угла некую догму, отступление от которой расценивается как ересь и становится причиной отлучения от Церкви.
2. Еще более недопустимо подкреплять духовное наказание отречением от Церкви любым светским наказанием, штрафами, заключением под стражу и т. д.
3. Особенно недопустимо придерживаться той точки зрения, что нарушение этой догмы – настолько серьезный проступок, что он может караться смертной казнью.
4. Ни один суд – ни церковный, ни светский – не может применять пытки.

Если разобраться, чем в общих чертах вызвана неприятность к инквизиции, то сразу можно заметить, что причины недовольства стоят на разных уровнях. Утверждение 1 не примет ни один католик любой эпохи. Утверждение 4, с моей точки зрения, в наши дни принимает большинство католиков, равно как и не католиков. Но неверно было бы говорить, что пытки в наши дни вообще не применяются в цивилизованных странах. Нельзя забывать о допросах третьей степени, то есть с применением пыток. Несмотря на это, в современном мире популярна точка зрения, согласно которой физические пытки ни в каком случае нельзя применять для установления истины. Утверждения 2 и 3 более спорны, одной фразой их не опровергнуть.

Однако историческая перспектива четырех утверждений довольно интересна. Номер один – мечта журналистов, не имеющая, по сути, применения, – это измышление нашего века. Утверждение 2 было нехотя признано в начале прошлого века, когда католики обрели независимость. Доказательством тому, как это было нелегко, могут послужить мятежи

Гордона. Утверждение 3 обрело силу в XVIII веке, когда суды присяжных отказывались выносить обвинительные приговоры по законам против папистов и нонконформистов и когда были отменены суды над ведьмами. Утверждение 4 было признано в XVII веке, точнее, в 1640 году. В долгие годы правления королевы Бесс, когда зародились унаследованные нами предрассудки против инквизиции, об этих четырех утверждениях не слышал никто – ни католики, ни протестанты.

Невозможно вернуться мыслями так далеко назад в историю. Мозг пытается сделать это, но нервы сдают, воображение отказывается подчиняться рассудку. Почти также невозможно в Англии, во всяком случае, представить себя в атмосфере католического государства. Мы так привыкли (несмотря на унаследованный от предков эрастианизм) считать Церковь неким объединением в рамках государства, занимающим в нем определенное место, как, например, крикетный клуб или Ancient Order of Buffaloes, что мы и представить себе не можем государства, признающего независимое существование богооткровенной религии, которая считает существование Бога, единого в трех лицах, таким же бесспорным, как и то, что дважды два четыре. Мы не понимаем, насколько тесно в таком обществе интересы религии связаны с общественной моралью и общественным порядком; насколько естественно (и, можем добавить, справедливо) подозрение, что какая-нибудь тайная секта, нападающая на истины открытого богословия, нападает и на моральные устои всего общества.

Эти соображения применимы особенно к средневековой ереси, с которой инквизиция в первую очередь и должна была бороться. Когда были сделаны все возможные уступки в пользу популярного стремления мазать всех подозреваемых дегтем и всех еретиков стали называть манихеями (что так же верно, как называть всех социалистов большевиками), стало понятно, что, по крайней мере, средневековые еретики пытались извратить институт брака, а, к примеру, движения Амаури и Дучина подвергли серьезным нападениям основы сексуальной морали. Доктрина Уайклифа, согласно которой власть дается милостью Господней, что, в общем-то, свойственно философии манихейства,^[3] не менее яростно нападает на основы общественного порядка. Ее приверженцы утверждают, что если человек, у которого вы снимаете жилье, совершил смертный грех, то вы не обязаны больше платить ему ренту. Существуют бесспорные указания на то, что манихейство породило в XVI веке анабаптистов.^[4] Они были сожжены на костре в протестантской Англии, а дознание проводил Томас Кранмер.

Выходит, что средневековая инквизиция противостояла не столько теологической, сколько социальной опасности. Поэтому не стоит удивляться, что инквизиция не смогла, как это попытался бы сделать современный суд, провести четкое разграничение между теми, кто проводил в жизнь практические доктрины, и теми, кто занимался лишь их разработкой. Главным проступком, с точки зрения инквизиции, было пренебрежение к духовной власти, которое и вело к разработке всяческих доктрин. Идея свободы сознания значила для инквизиторов не больше, чем для Кальвина, однако поскольку она воздействовала на душу, то считалась более серьезным преступлением, чем убийство. Интересы Церкви были важнее интересов государства, и если один из них мог оправдать дыбу, то почему бы этого не сделать и другому? Это, разумеется, кажется сущей ерундой тем многочисленным протестантам, которые в глубине души считают религиозные истины лишь возможными, но не бесспорными. Но если вера достаточно сильна для того, чтобы создавать мучеников, то ее сил хватит и на то, чтобы создать их гонителей.

Впрочем, есть один практический дополнительный вопрос, который с готовностью задали бы большинство протестантов. Благодарные тому, что мы можем предать забвению поведение инквизиции в прошлом, и учитывая обстоятельства того времени, мы хотели бы спросить, как отнеслась бы Католическая церковь к преследованиям, если бы сегодня вздумала вновь преследовать инакомыслящих? Если, к примеру, Италия с ее нынешним режимом стала бы фанатично религиозной, стоило бы свободомыслящим людям опасаться

чего-то пострашнее касторового масла? Или (поскольку благотворительность начинается дома), что если бы Англия стала по преимуществу католической страной? Если бы, скажем, четыре пятых населения обратились в католичество? Стала бы Католическая церковь, это «кровавое и вероломное объединение», как ее шуточно именует декан Индж, соблюдать какие-нибудь принципы религиозной терпимости? Или католики признают эти принципы лишь в тех случаях, когда сами становятся пострадавшими? Вернет ли католическая Англия к жизни имя Смитфилда с такой же уверенностью, с какой протестантская отказывается возродить Тайберна?

Как я уже указывал ранее, опасность того, что Католическая церковь в случае возвращения ей господства вновь станет применять пытки в судопроизводстве не больше, чем опасность того, что мистер Болдуин использует те же методы против коммунистов. Я не думаю, что на практике еще будет применяться такое наказание, как смертная казнь. И я каким-то образом чувствую, что абстрактно преступное отступничество, влекущее за собой увеличение числа отступников от веры, – это грех хуже преступления. Впрочем, в таких делах не стоит полагаться на абстрактное мышление. Откройте какой-нибудь старый номер «Журнала для джентльменов» и посмотрите, как месяц за месяцем, во времена доктора Джонсона, мальчишек лет шестнадцати приговаривали к смерти за кражу лошадей. Мы не лучше наших прапрапрадедов относимся к воровству лошадей, однако такие вещи кажутся нам ночным кошмаром. Должны ли мы считать, что лишь потому, что кардинал Мерри дель Валь так же, как и Торквемада, считает ересь виной, то и его отношение к смертной казни должно быть таким же? Очень жаль, что декан Индж не понимает, что католики – реальные люди.

Можно, конечно, возразить, что Утверждение 2 (среди остальных вышеперечисленных) весьма противоречиво. Отвергает ли Католическая церковь идею налагать *любое* гражданское наказание на тех, кто виновен только в духовных проступках? Я говорю «только в духовных», но лучше было бы сказать «только в гипотетических». Легко представить протестантское правительство (если бы такое существовало), принимающее принудительные меры против такого, к примеру, движения, как движение в защиту контроля над рождаемостью. Но даже если подобное движение не будет иметь моральных и социальных последствий, можно ли счесть его проступком, который карается законом?

Должно существовать четкое различие между ересью как таковой и отречением от веры. *Melior est conditio possidentis*; не существует такого положения, по которому католическая власть имеет право преследовать еретическое меньшинство, уже давно проявившее себя, хотя технически, если такие люди были крещены, то они должны признавать главенство Церкви. Для того чтобы нарисовать себе картинку, при каких условиях могли бы возродиться преследования за веру, вы должны представить себе страну, которая в первую очередь полностью обращена к вере, какой была Англия в Средние века. А потом предположите, что в такой стране развивается свежая еретическая мысль, которую тут же начинают осуждать. Учитывая это, можно представить себе, как в какой-нибудь европейской стране в будущем, возможно, отвергнут новаторов в религии, как это сделали во Франции во времена Людовика XIV. Я не говорю, что это обязательно будет сделано, я не утверждаю, что это будет политическая акция. Я хочу лишь сказать, что, с моей точки зрения, такое поведение католического государства было бы вполне оправданным. Католицизм – образующий, основной образующий элемент жизни страны. Его правители верят, что потеря веры обычно невозможна и бывает вызвана упрямством или гордостью; что такая потеря (со стороны человека) является преступлением с точки зрения морали, а значит, может попадать под действие закона; что ее можно счесть духовным самоубийством, против которого, как и в случае попытки физического самоубийства, закон должен выдвинуть свои средства. Вероятно, будут запрещены публичные нападки на религию; не исключено, что зачинщики этих нападков будут выдворены из страны.

Должен извиниться перед мистером Мейкоком за всю эту болтовню. Разве сам я не достаточно настрадался от председателей собрания, которые, представив лектора, никак не могут замолчать и сесть на место? Так что позвольте мне больше не стоять между ним и его читателями.

Р. А. Нокс

Глава 1

Дух Средневековья

Существуют два одинаково бестолковых метода описания инквизиции, и, к сожалению, за последние полвека мы могли увидеть оба этих метода, из которых один безжалостно очерняет инквизицию, а другой, напротив, обеляет. Оба дают очень неполную картину прошлого, потому что, во-первых, их нельзя назвать историческими, а, во-вторых, они основаны на большом количестве неточностей.

Одна из основных целей исторического знания, как указал где-то мистер Честертон, это расширение полученного опыта собственным воображением. Или, как это представлял себе мистер Беллок:

«Если вы пишете о прошлом, то ваша задача – сделать его постижимым,... Любой человек, каким бы невежественным он ни был, может обнаружить что-то отвратительное и абсурдное в нормах, отличающихся от его собственных; познания таких людей, какими бы подробными они ни были, можно считать ничтожными, если они не пойдут дальше обнаружения чего-то неприятного для себя. Искусство истории состоит в том, чтобы уменьшить этот шок, вызванный непониманием, чтобы заставить читателя чувствовать себя так же, как чувствовали люди минувших эпох».

Такое отношение к исторической науке совершенно неприемлемо для тех, кто весьма смутно представляя себе, что делает, путает историю с пропагандой и пытается свести дело к полемике. Если автор воображает, что, очерняя или восхваляя, к примеру, инквизицию, он таким образом очерняет или восхваляет Католическую церковь, а, следовательно, ослабляет или усиливает ее позиции, то его труд (возможно, довольно ценный и заставляющий думать) можно счесть не более чем второсортным. История Средних веков даже сейчас в сознании большинства людей тесно связана с религиозной полемикой; это благодаря экстравагантной пропагандистской манере письма таких авторов, как Фроуд, Фриман, Леки, и еще более несдержанных континентальных антиклерикалов. Основная задача современных историков состоит в том, чтобы, как сказал мистер Беллок, выгрести мусор, унаследованный из недавнего прошлого.

Но, выгребая мусор, не следует слишком яростно размахивать лопатой. Надо действовать осторожно, потому что в порыве можно поотбивать края у погребенного в прахе веков сооружения, которое кто-то жаждет выкопать из могилы. Не стоит выдавать религиозное мировоззрение Средних веков за романтическое, не делающее различий между людьми. Такие ученые, как доктор Коултон или М. Ланглуа, которые заботятся о том, чтобы не смягчать острые углы и сохранить неприглядные наросты, наряду с завершенными шедеврами внешнего убранства, получают благодарности от тех, кто предпочитает многосторонность исторической реальности единообразию исторических романов.

Проблемы, поднятые при изучении религиозного преследования, больше всего манят и наиболее трудны для понимания тем, кто ими занимается. Можно сказать, что преследование по религиозным мотивам появлялось тогда, когда интересы Церкви и государства совпадали. Римляне преследовали евреев и ранних христиан не потому, что их хоть сколько-нибудь волновали вопросы веры, а по той причине, что эта вера, как им казалось, противоречила

интересам империи. Имперская религия была всего лишь выражением верности центральному правительству и ничем более. В годы правления императоров Константина и Валента арийцы преследовали католиков, потому что сами императоры были арийцами и потому что никогда больше после смерти Константина религия ариев не была так политически выгодна государству. Феодосий настроил общество против еретиков, приказал высылать их и конфисковывать их имущество. Но во времена христианских императоров за ересь еще не приговаривали к смертной казни. Когда в 385 году ересиарх Присциллиан был убит по приказу императора Максимиана (абсолютно частный случай), епископы встали и объявили эту расправу зверской и нехристиански жестокой. За исключением святого Августина, который был готов разрешить «сдержанную суровость» за проповедь ереси, все священники объявили, что применение силы в делах веры противоречит духу Евангелий. Правда, некоторые из них добавили, что могли бы принять помощь светских властей. Сент-Джон Крайсостом настаивал на необходимости разгонять публичные сборища еретиков; святой Августин считал, что государство имеет право издавать приказы о ссылке и штрафах; Сент-Лео I одобрял суровые законы кодекса Феодосия. Все они без исключения придерживались того мнения, что Церковь ни при каких условиях не должна желать смерти грешника.

После падения центрального правительства на Западе в Европе в течение пяти веков не было преследования по религиозным мотивам. Да, то тут, то там периодически появлялись вспышки ересей, к которым, например, можно отнести адоптианизм Елипандуса, архиепископа Толедо, и Феликса, епископа Эрджеда (конец VIII века). Однако после того, как их убеждения были изучены и официально осуждены папой Адрианом I, они отказались от своего учения, и больше никто о них не слышал. В IX веке монах Годескалкус был осужден Церковным собором Майнца и Квиерцы за ошибочное учение об искуплении. Он был приговорен к порке и пожизненному заключению в монастыре Отвильерс. Но тогда никому и в голову не пришло обратиться к светскому суду; приговор был не наказанием, навязанным государством, а епитимьей, наложенной Церковью. Архиепископ Гинкмар, приговоривший Годескалкуса к порке, точно процитировал устав Сент-Бенедикта,^[5] оправдывающий это наказание. К тому же заключение монаха в монастырь мало чем отличалось от привычного для него образа жизни, когда ему приходилось строго следовать монастырскому уставу.^[6]

Мы видим, что все эти пять веков ересь была тесно связана с церковным уложением о наказаниях. Нет никаких признаков организованного сопротивления Церкви. Причина в том, что это было время действий, а не раздумий; время интенсивных военных операций, когда Европа, по сути, превратилась в крепость, отражающую успешные атаки исламистов, северных пиратов и восточных славян. Образование застыло и сохранилось только в монастырях. Судопроизводство велось в пылу битв на границах, традиции и мораль пришли к молчаливому соглашению, определялось и готовилось великое наследие. Мрачное Средневековье, которое также можно назвать темным, потому что мы почти ничего о нем не знаем, мало или почти ничего не добавило к наследию прошлого: не было создано ни великих литературных шедевров, ни архитектурных памятников. Типичный герой того времени – это Карл Мартелл, помазанный защитник Европы, одержавший победу над исламской ордой в битвах при Туре и при Шарлемане, который без устали перемещался по своим владениям, сопротивляясь захватчикам. Люди той эпохи заботились о том, чтобы сохранить то, что имели, а не тратили время на размышления. С одной стороны, мы видим великих принцев-воинов, которые спасли Европу от разрушения, с другой – спокойный уклад жизни в монастырях, где по обыкновению аккуратно велись церковные документы. А когда занялась заря многообещающего XI века, выяснилось, что усилия долготерпимых, трудолюбивых монахов не пропали даром. Потому что в период с 600-го по 1000-й год католическая вера охватила всю Европу.

Великое Возрождение X и XI веков – одно из наиболее необычных явлений истории. Обнародованная в 927 году Ключийская реформа^[7] аббата О до ознаменовала истинное начало Средневековья. В 936 году Отто Великий завершил завоевание восточных славян. В 987 году Гуго Капет вззошел на французский трон. Зловещие дни правления династии Каролингов ушли в прошлое. В конце века папа Сильвестр II начал великую работу по реформам и реорганизации Церкви, которые должен был продолжить Хильдебранд. Казалось, человек внезапно вспомнил, что надо делать и говорить. Европа, судя по классической фразе старого летописца, набросила на себя новую белую мантию церквей. После разрушения и ужасов IX и X веков наступил рассвет.

«Трудно понять, почему произошло это внезапное, непредсказуемое перерождение, – писал доктор Крам. – Однако довольно легко понять, почему XI век должен был начаться с таким блеском и завершиться со славой – к этому было готово все. Но вот почему после ужасающего IX века появились первые ростки X – это загадка, которую смогут, пожалуй, разгадать лишь те ученые-эволюционисты, которые верят, что судьбы мира вершатся Высшим Всезнанием, которое ходит иными тропами, чем люди».^[8]

Итак, мы переходим к великому XI веку – веку, который, как ни один другой, характеризуется удивительным энергичным духом, полученным из хорошо сцементированного морального единства, веку доверия, уверенности и надежды, многообещающему веку.

С другой стороны, в те времена не было современных глупых иллюзий о необходимом превосходстве перемен и существовании предполагаемого «закона» прогресса. Моралисты осуждали, папы реформировали, государи что было сил правили, порой даже с яростью. С поэмами трубадуров пришла утонченность манер, родилась лирическая поэзия. Норманны завоевали Англию и Сицилию и установили системы правления, которые должны были стать моделями для всей Европы. Церковь, воодушевленная и очищенная гением Хильдебранда, по-новому сплотила людей, помогла им обрести общую цель – ту самую цель, которая бросила европейцев в Первый крестовый поход против Азии. Полным цветом расцвели рыцарские традиции, стали развиваться грубоватые, суровые линии норманнской архитектуры, появились зачатки взмывающей ввысь, смелой готики. Все эти многочисленные перемены можно было бы кратко описать, как переход с горы Сен-Мишель к Шартру.

Цивилизация средневековой Европы уникальна потому, что основана на единстве культуры – самой близкой форме единства, которая может связать людей, при которой политическое и социальное единство можно считать лишь побочными продуктами. Единство – основное понятие европейской истории в Средние века, и до тех пор, пока мы не постигнем значимости этого утверждения, нам вообще не понять того времени.

Разумеется, превыше всего стояла Церковь. Именно Церковь полностью занимала помыслы людей. Учитывая ее необыкновенный престиж в области политики, ее огромное влияние на умы людей, Церковь могла себе позволить быть – и была! – беззаботной и терпимой. Она была справедливо уверена в своей силе и даже не протестовала, когда в День дураков в церковных проходах устраивалась шумная возня, а потом какой-нибудь подгулявший весельчак, облаченный в одеяние священника, подходил к самому алтарю. Когда какой-нибудь школяр позволял себе уж слишком рискованные игры, его, разумеется, отлучали от Церкви. Но это случалось довольно редко, мало кто знал о таких вещах, и если отлученный раскаивался в грехе, исправлял ошибку, каялся от души и желал вновь вернуться к истинной вере, его ждал теплый прием. Даже великий Абельяр, осужденный Церковным собором в Сансе, был тепло принят преподобным Петром в Ключийское аббатство и провел остаток жизни, будучи монахом-бенедиктинцем. Поступки Церкви не обсуждались и не осуждались – она была частью воздуха, которым дышали все.

Монастыри были, по сути, средневековыми отелями, их щедростью и готовностью накормить бездомных и нищих злоупотребляли, потому что Церковь явно привечала бродяг. Кстати, следует помнить, что и леса, и сельские угодья, и тому подобные материальные ценности, переданные монастырями цивилизации, были не так уж важны для Церкви. Потому что монастырь – это в первую очередь место, где царит сила духа, где восхваляют и почитают Господа, откуда к вечному Трону постоянно возносятся молитвы. Все остальное случайно. И гигантская система публичных богослужений, которые монастыри устраивали в Средние века, тоже была случайной, хотя и имела определенную цель. И если мы в своей слепоте не можем по достоинству оценить красоту и величие этой великой духовной силы, то нам остается по меньшей мере восхищаться организацией христианской благотворительности – своего рода универсальной системы отелей и туристических агентств, услуги которых были полностью бесплатными, двери которых были всегда распахнуты для бедных и богатых, для королей и крестьян.

Гостеприимство было обязательным для всех монастырей. В обители Сент-Олбанс была устроена конюшня на 300 лошадей, в Абингдоне всегда были готовы перековать лошадей, на которых в монастырь пожаловали гости. Вообще-то считалось, что гостеприимством не следует злоупотреблять больше двух дней, однако во многих монастырях заботились о нищих и больных, которые постоянно жили там. В монастыре Грейт-Малверн было около тридцати обитателей-бедняков, а в Барнвелле для их нужд были открыты школа и больница. Монастырь в Барнвелле был занят канониками-августинцами, и в обязанности хозяев входило:

«Следить за тем, чтобы в комнатах было чисто и убрано, а именно, следует обращать внимание на чистоту одежды и полотенец; на то, чтобы чашки были целыми – без трещин и обломанных краев; чтобы приборы были серебряными; матрасы, одеяла и простыни не только чистыми, но и не рваными, подушки – удобными; чтобы стеганые покрывала закрывали всю кровать по длине и ширине и радовали глаз входящих в комнату людей; чтобы там был хороший металлический умывальник, чистый снаружи и внутри ночной горшок; чтобы зимой в комнате были подсвечник со свечами; чтобы огонь в очаге не чадил; чтобы были письменные принадлежности; чтобы в чистых солонках была соль; чтобы еду подавали в чистых, не обколотых по краям мисках; чтобы весь постоялый двор был чистым, чтобы нигде не было паутины; чтобы под ногами были тростниковые циновки; чтобы в комнатах были хорошие замки, подходящие к ним ключи и засовы, дабы двери можно было крепко запира́ть на ночь, когда гости спят».^[9]

Угроза анафемы или отлучения от Церкви так страшила людей, что это во многом помогало Церкви влиять на политику и помогать сохранению мира. Церковь устанавливала дни прекращения военных или враждебных действий и тем самым удерживала в узде жадных до драк баронов и принцев. Вот типичный пример, сделанного в 1083 году обращения архиепископа Кельнского, которого радовало такое положение вещей:

«С первого дня пришествия Господа нашего вплоть до Крещения, и с третьего воскресенья перед Великим постом до восьмого дня после Троицы, и в течение еще целого дня, в течение всех постов всех времен года, по воскресеньям, пятницам и субботам в течение всего года, а также в другие дни, специально указанные Церковью, следует соблюдать декрет о мире, дабы все путешествующие и остающиеся дома могли наслаждаться чувством безопасности и миром, дабы никто не мог совершить убийства, поджога, ограбления или вооруженного нападения, никто не мог ранить другого саблей, палкой или каким-нибудь другим оружием, дабы никто не мог осмелиться... взять с собой доспехи, щит, саблю, пику или какое-то другое оружие».^[10]

Далее следовал целый список наказаний для тех, кто осмелится нарушить декрет: ссылка – для знатных людей, экзекуция – для крепостных, совершивших убийство, и так далее. Можно, конечно, посмеяться над подобной бесхитростью человеческой натуры,

способной создавать подобные документы, однако не следует забывать, что даже сами пункты декрета демонстрируют, в каком плачевном состоянии была общественная безопасность. Важнее всего обратить внимание на то, что в Средние века именно Церковь занималась подобными делами. Нет, она не была деспотом, не грозила людям геенной огненной заслушание. Церковь была ожившим духом общества, сохранение мира было одной из ее множества функций, с радостью принимаемых людьми. Церковь была, по словам Люшера, главной движущей силой всех национальных организаций.

«Церковная догма о равенстве всех душ перед Господом, – пишет мистер Никерсон, – наряду с соблюдением всех обрядов, много сделала для сохранения дружеских отношений и доверия между различными классами общества. Ее универсальность, ее космополитический чиновничий аппарат, использование латыни во многом послужили обретению взаимопонимания между людьми. А потому Церковь, принимающая разделение людей на классы и признающая их отдаленность друг от друга, больше способствовала братанию людей, чем мы сегодня со всеми нашими разговорами о равенстве и всеми нашими приспособлениями для знакомства и общения людей. И она сделала это не посредством принудительной и механической схемы объединения, а благодаря созданию догмы, которую принимали все люди, а приняв ее, становились ближе».^[11]

Итак, средневековая цивилизация уверенно развивалась и достигла высочайших вершин к XIII веку – самому великому веку в анналах человечества. Никогда еще мир познания не был так идеально объединен, так гармоничен, так устремлен к единой цели, как в Золотые годы догматизма. Ланфранк, Сент-Ансельм, Сент-Бонавентура и Фома Аквинский были итальянцами; Джон из Сэлисбери, Роджер Бэкон, Дане Скотус и Оккам – англичанами; Хуго из Сент-Виктора и Блаженный Альберт Великий – немцами; Вильям из Шампо, Рослен, Абельяр, Сен-Бернар и Жербер – французами. Все эти люди в свое время учились или преподавали в школах Парижа. Их национальная принадлежность не имела значения, они были просто гражданами мира. Джон из Сэлисбери долгие годы жил в епархии Шартра; Ланфранк, достигнув высокого положения, стал архиепископом Кентербери и построил в этом городе собор. Знаменитый Питер из Блуа был советником Кентерберийского архиепископа и умер архидиаконом Лондона. Лишь совсем недавно удалось установить место рождения Алана Лилльского – Алануса с островов, как называли его современники. Долгое время с его именем связывали все острова между Кипром и Ирландией. По словам Ландино, Хуго из Сент-Виктора родом из Павии, Вентури называет его саксонцем, а Александр Наталис говорит о нем как об уроженце Ипра. В те времена не было ни наций, ни границ.

Если и было так в истории, когда восточные и западные умы были ближе всего к полному взаимопониманию и симпатии, то это было время великих дней Парижского университета, когда студенты обсуждали философию с арабскими докторами, когда восточные правители часто отправляли своих детей учиться во французскую столицу. А потому, когда Детский крестовый поход закончился безжалостной отправкой тысяч мальчиков и девочек на рынки рабов в Александрию, тамошний калиф, вспомнив годы учения в Париже, самолично позаботился, чтобы с ними хорошо обращались.

XII и XIII века – это период, когда мужчины могли лучше всего проявить свою силу.

«Никогда прежде и после, – пишет Гекри Адамс, – они не развивали такой бурной энергии, необходимой для достижения разных целей, и не демонстрировали такого ума, необходимого для развития этой энергии».^[12]

Все идеи, все мысли того времени были центрированными. Еще никогда человеческий разум не воздвигал такого гигантского памятника осмысленному мышлению, как в творении Фомы Аквинского «Сумма», которое можно назвать венцом догматизма. Еще никогда руки человеческие не создавали таких великолепных творений и таких чудесных врат, ведущих к жилищу души, как готические соборы. Никогда глубины таинственного опыта

не были озвучены с такой уверенностью и красотой как в «Имитации мессии». Возможно, никогда поэзия не передавала таких высоких чувств, какие описаны в поэме Данте – того самого Данте, которого доктор Крам так блестяще назвал «вечным синтезом Средних веков». Однако несмотря на это, блистательные аналогии святого Фомы и великолепия «Божественной комедии» были всего лишь частью целого. Шпиль собора указывал на Седьмое небо Данте, Фома Аквинский разрабатывал свое учение так же тщательно, как архитекторы Реймса и Амьена – проекты своих творений. Внутреннее убранство собора говорит о силе энергии и радости. Его сужающиеся вверх своды, зыбкий свет, льющийся в круглые окна-розетки, высокие арки, стремящиеся вверх, к шпилю, основание которого теряется в полумраке, навевают мысли о великих тайнах, к которым святой Фома подобрался так близко. Церковь указала путь; ученые, поэты, архитекторы, художники и мистики последовали этим путем.

В этом и заключается истинное величие Средних веков. В XII и XIII веках не было ничего утопического, все дело в том, что люди того времени, жаждущие увидеть перед собой великую цель, так и не увидели ее.

«Вы можете понять... – вновь цитирую доктора Крама, – ...вы можете понять, развивается эпоха или, напротив, загнивает по одному простому тесту: надо просто определить, каковы тенденции ее развития – центростремительные или центробежные. Если разрозненные частицы вместо того чтобы разлетаться в стороны, собираются в единое целое, значит, впереди удачное будущее. Если же, напротив, то, что прежде было объединено, разбивается на более мелкие части, если Церковь раскалывается на секты, а философия – на личные тенденции, каждая из которых норовит обзавестись собственной агрессивной пропагандой и своей схемой защиты и нападения, если литература и искусство перестают быть великим гласом, доходящим до всех, и становятся отличительной чертой эгоистов, имеющих о себе преувеличенное мнение, если, наконец, человеческая личность разбивается на составные части таким образом, что каждый человек ведет не дуалистическое, а множественное существование (его религия, бизнес, политика и домашняя жизнь разделены невидимыми преградами), то вы можете считать, что эпоха подходит к своему закату; но если вы достаточно мудры, то непременно оглянитесь по сторонам в поисках знаков, говорящих о приближении нового дня, серый рассвет которого забрезжил на горизонте».^[13]

Итак, доминирующая характеристика средневекового общества в первую и последнюю очередь основана на общности культуры. Европа была Церковью. Жизнь вне Церкви не имела значения. Самая страшная катастрофа, которая могла разразиться над городом или целым районом, заключалась в разрыве с Церковью – интердикте, потому что интердикт мог включать в себя как мирское, так и духовное уничтожение. Стоит ли говорить, что для человека не было наказания хуже, чем отлучение от Церкви, потому что оно могло вести к ссылке или к потере гражданства. Лишиться Святого причастия было страшнее лишения гражданства. Нанести вред интересам Церкви было тем же самым, что нанести вред всему. Как, к примеру, язычник – будь он джентльменом или спортсменом – считается врагом общества, так еретик считался предателем в своем лагере. Современная ересь мешает Церкви, но она не подрывает основ ее социального порядка, потому что социальный порядок не построен на моральном единстве. В Средние века ересь была основным грехом, проделкой сатаны. Она оскверняла саму атмосферу, она угрожала духу христианства. Ересь была вызовом, богохульством, направленным против Церкви, оскорблением Богородицы и Всех Святых. Больше того, ее можно было считать и оскорблением всего общества, потому что Церковь была его основой. Так, папа Иоанн XXII объявил коммунизм ересью, и в этом качестве имел дело с коммунизмом духовных францисканских экстремистов. В наши дни коммунизм совершенно справедливо рассматривают как угрозу Конституции. Он ударяет по

нации, стоящей в фокусе социального единства. В Средние века обращались к религиозным принципам, в наше время – к политическим теориям.

«Слабость Средних веков, – было хорошо сказано, – заключается в четырех вещах. Во-первых, не существовало достаточной организации общественных сил и связей... Во-вторых, не были развиты естественные науки, то есть люди мало знали о свойствах материального мира... В-третьих, было много жестокости, и, в-четвертых, существовал разительный контраст между всемогущей Церковью и слабыми, обладающими множеством недостатков, людьми – будь то миряне или церковники».^[14]

Однако выходит, что мы никоим образом не затрагиваем популярную ныне тему об «экономических добродетелях», о которой много говорили в Средние века. Один известный публицист недавно заявил, что «целесообразный, эффективный эгоизм – это высшая форма патриотизма». Подобное изречение всеми средневековыми мыслителями было бы истолковано как аморальное и богохульное. Единство культуры предполагает всеобщее признание единого этического кодекса; обоснованная этическая система, принятая Церковью, считает алчность одним из главных смертных грехов. Короче, алчность – смертный грех, а не основная добродетель, и именно грехом ее считали средневековые мыслители. Таким же грехом считалось и ростовщичество, когда люди наживались на том, что давали деньги в займы; алхимия, когда странствующие шарлатаны объявляли, что способны превращать все металлы в золото и серебро; бесчисленные жалобы на королей, знать, монашеские общины и даже на пап за вымогательство.

Впрочем, не следует считать, что алчность не была распространена только из-за того, что ее считали одним из семи смертных грехов. Она процветала в самой Церкви, а с XIII века все громче стал звучать хор обличений против ненасытности папской курии. К XV веку папство стало, пожалуй, самым крупным финансовым институтом в Европе, за чем «последовало новое Евангелие – проповедование, только не от святого Марка, а от пометок на серебре». (Это каламбур. Mark по-английски «знак, пометка». – *Прим. переводчика*.) Данте, как напоминает нам мистер Тоуни, отправляет ростовщиков Каора в ад, в то время как папа дает им титул «особенных сынов Римской Церкви»¹. Кафедральные капитулы давали деньги под очень высокие проценты; священники всюду занимались ростовщичеством, а архиепископ Нарбонны Иннокентий III и подавно заявил, что вместо сердца у него в груди кошелек. Позднее, в XVI веке, умершего главу дома Фаггеров сочли безгрешным, потому что «добрый католик, граф, он целых шестнадцать лет следил за тем, чтобы его фирма платила 54 %»².

Подчеркнув, какую важную роль Католическая церковь и католическая вера играли в цивилизации Средних веков, мы должны кое о чем предупредить читателя. Не следует давать резкую оценку подобным деяниям Церкви, ведь таким образом мы будто предлагаем представить себе Средние века веками страха и религиозного террора. Слово мы хотим, чтобы читатель представил, что целая цивилизация была порабощена некоей неопределенной, неуловимой химерой под названием «Церковь», а ведь ни одному общественному институту за всю историю человечества не удалось достичь ничего подобного, да это и невозможно. Но вот какой приговор вынес, к примеру, Леки:

«Похоже, люди в то время только и думали, что об агонии преисподней. Весь интеллект, весь разум Европы был нацелен на то, чтобы описать его... Не было ни передышки, ни облегчения от страданий, ни надежды. Попытки были самыми изощренными... Эта агония сопровождалась бесконечными криками боли.

Мы можем оценить, с каким усердием католические священники выискивали примеры худшего проявления человеческой жестокости и копались в темных тайниках собственного воображения, чтобы изобретать все новые виды пыток, а потом заявить, что их вдохновлял Создатель. Нам никогда не постичь, как они претворяли в жизнь эти чудовищные идеи. Какое

безумие и горе они порождали... Чувство Божественной благодати было утрачено, сама суть естественной религии обратилась в прах... Религия сосредоточилась на одних священниках, которые поддерживали религиозность одним запугиванием».^[15]

В настоящее время трудно представить эту картину мрачных средневековых времен, когда простой и доверчивой цивилизацией управляли честолюбивые, фанатичные священники. Больше того, правда состоит в том, что многие великие мужчины тех времен были священнослужителями, а женщины – монахинями. Однако нельзя не обратить внимание и на таких объятых ужасом трусов, как Симон де Монфор, святой Людовик IX, Филипп Август, Данте, Джотто, Симабю, Гадди, королева Кастилии Бланш, Элеонора Гюйеннская, король Англии Генрих V, Вильям Лорисский, Жан де Мейн, святую Елизавету Венгерскую, не говоря уже об остальных. А что сказать о беспутном трубадуре Фальке Тулузском, который так испугался угроз священников, что с перепугу вступил в их число и стал впоследствии епископом Тулузским? Можно подумать, что у историков XIX века явно не хватало того, что можно было бы назвать историческим чувством юмора. А с точки зрения исторического юмора (я имею в виду не способность смеяться над людьми прошлого, а способность понять их) можно утверждать, что люди прошлого сами смеялись бы над историками, будь у них такая возможность.

Правда состоит в том, что, говоря о Церкви Средневековья, мы должны понять, какое настроение царило в умах людей того времени, постичь реалии их жизни. В прошлом веке было модно видеть в «Божественной комедии» только описание «Ада»; до сих пор есть люди, считающие шедевр Данте лишь описанием нагих фигур, жарящихся на адовых сковородках, при этом эти люди забывают о других частях книги – о «Чистилище» и «Рае». Отсюда возникает предположение, что Данте – один из представителей «европейского интеллекта», который все время только и делал, что описывал пытки над проклятыми и что «Божественная комедия» была написана с одной целью – продемонстрировать всю жестокость религии. Однако следует учесть, что для людей, которые читали произведение Данте, такие мысли просто нелепы. Ближе к истине согласиться с Генри Адамсом, который утверждал, что люди Средних веков думали о боли и смерти не больше, чем здоровые медведи, живущие в горах. К примеру, нам известно, что сатана нередко становился героем средневековых карнавалов и волшебных пьес и что его появление на сцене всегда сопровождалось взрывом хохота.^[16]

В самом деле, современному исследователю сложно понять некоторую жесткость средневекового ума в отношении к физическим страданиям. Как бы он ни восхищался их достижениями в области литературы, архитектуры, философии и т. д., какую бы симпатию (в качестве стороннего наблюдателя или человека поистине религиозного) ни испытывал к вере, которую можно назвать связывающим веществом всего социального устройства, он не может не испытывать отвращения к ее бессердечию и рассчитанной жестокости. Однако не следует мириться с подобным отношением, потому что оно может привести к неправильной оценке истории и изменить цель исторического исследования. Когда читатель в исторических работах встречает фразы типа «божественная резня» или «святое убийство» и т. д., то он, скорее всего, придет к выводу, что автор забыл, о чем пишет.

Больше того, очевидно, что, пытаясь доступным образом описать прошлое, следует избавиться от предрассудков и аномалий настоящего, для того чтобы постичь особенности прошлого. В настоящем, как и в любом времени, есть свой *Zeitgeist*. Наша современная чувствительность к физическим страданиям, скорее, вызвана некоторыми моральными качествами, преувеличенной оценкой ласки и доброты, утрированным нежеланием причинять боль другому человеку. Но это еще не все. Потому что ничто так не характеризует наше время, как интерес к телу и соответственно отсутствие серьезного интереса к душе, за исключением тех случаев, когда речь заходит об их взаимосвязи. Лишь статистики касается, верим мы ныне, что, кроме Католической церкви, единственная религия, вызывающая

повышенный интерес, – та, которая обещает исцеление от телесных недугов.^[17] Люди постоянно протестуют против смертной казни. Даже сама мысль о смерти невыносима для большинства людей. Кто-то может с удивлением заметить, что, несмотря на то, что реформаторы шестнадцатого века отвергали доктрину чистилища, многие современные религии с легкостью заменили чистилище адом. У них даже великолепная история о Страстях и Голгофе обрела оттенок нереальности.

«Нервозность... потому что никто не знает, откуда появилась эта болезнь, от которой страдают буквально все; сегодня определенно можно сказать, что нервы у людей отзываются на малейшие неприятности. вспомните, что писали газеты о приговоренных к смерти! Они намекали на то, что палач едва шевелится, что он готов упасть в обморок, что у него прямо-таки появляется нервное расстройство, когда приходится отрубать человеку голову. Какой стыд! А если сравнить его с «железными» палачами прошлого? Те с легкостью обертывали ноги людей во влажный пергамент и подносили их к огню, отчего пергамент начинал сжиматься и сплющивал плоть; они вколачивали людям в бедра острые клинья и разбивали этим их кости; они давили пальцы в тисках, сдирали полоски кожи кочергой и фартуком срывали кожу с живота, клали людей в *strappado*, поджаривали вас, заливали кипящим бренди – и все это с равнодушным выражением лица и спокойными нервами, не обращая внимания на вопли и стоны. Правда, эти вещи немного утомляли их, поэтому после пыток они испытывали чувство голода и сильную жажду. Это были полнокровные, уравновешенные парни, а сейчас...»^[18]

Даже эта резкая ирония не помогает ответить на наш вопрос. Бог с ней, с «нервозностью» Хейсманса или, если хотите, с моральными качествами, потому что нам все равно остается признать существование огромной разницы между основами философии двух периодов. Если мы захотим объяснить или проанализировать их, то должны сделать это с большой осторожностью и без спешки.

«Люди верили во что-то, – говорит мистер Беллок, – помня об искуплении грехов, о церковных правилах, которые они нам не описали и которых мы понять не можем, потому что несмотря на наши догадки и исследования, нам не осознать тех положений, которые были для них элементарными».

Мы уже обращали внимание на тот факт, что Церковь и все, что она защищала, было в центре внимания и не подлежало сомнению. Нападать на Церковь было все равно, что нападать на Европейское содружество, на основы общества. Религиозное преследование могло быть и нередко было выражением политической вражды. Кроме религиозных, были важны и другие соображения. Тут можно было бы провести аналогию с тем, как обращались с честными противниками войны или с линчеванием негров в Америке. Однако даже в этих случаях мотивы к применению насилия не были так всеобъемлющи и не имели таких глубоких корней. Люди в Средние века в первую очередь ненавидели ереси, а уже во вторую – еретиков.

Но несмотря на это, их жестокость поражает нас. Человека можно было приговорить к наиболее мучительной смерти. Еретиков сжигали заживо на кострах.

Впрочем, кое-что несколько оправдывало их. Да, применялось самое суровое наказание, но за преступления карали не только еретиков и не только ради них изобретали страшные виды казни. В годы правления Генриха VIII отравителей принято было живьем варить в котлах. В Голландии, после утверждения протестантизма, Жерару, убийце Вильяма Молчаливого должны были «оторвать правую руку раскаленным докрасна стременем, разбросать сорванную с его костей плоть в шести местах, живьем четвертовать его и выпотрошить его внутренности, вырвать его сердце и бросить ему в лицо, и, наконец, отрубить ему голову». Сжигание на костре за колдовство было обычным делом в XVII и XVIII

веках; даже в 1807 году один нищий был подвергнут пыткам и сожжен живьем за колдовство в Майенне.

Когда в Средние века на кострах сжигали еретиков, никому и в голову не приходило думать о том, что им намеренно причиняют боль. Существовали другие соображения, о которых мы можем только догадываться. В документах мы постоянно находим подтверждения тому, что и судьям и народу было совершенно все равно, живым или мертвым сожгут вероотступника. Савонарола – прекрасный тому пример; можно привести и другой, более близкий нам: я имею в виду Сент-Джоана, которого летописцы обвиняют в дикой жестокости. Он нарочно приказал построить эшафот и собрать кострище повыше, чтобы палач не смог приблизиться к жертве и ускорить, как обычно, ее конец. Можно предположить, что существовала некая, почти символическая идея о том, как предавать тело огню. Нередко (это подтверждает пример Арнольда из Брескии) тело давно усопшего еретика выкапывали из могилы и предавали его огню. Можно даже предположить, что в позднее Средневековье сжигание еретиков обрело ритуальный характер, потому что никто не испытывал ненависти к сжигаемому. Когда жестокий мерзавец Жиль де Рец должен был быть сожжен за свои многочисленные преступления, его охватило раскаяние.

«Среди прочего, Рец умолял множество людей, чьих детей он похитил, над которыми жестоко издевался, а потом убивал, молиться за него. И вот они шли в длинной процессии и хором распевали молитвы о спасении души преступника, которого власти приговорили к сожжению на костре».^[19]

Мы не можем сказать, почему такое происходило. Но нам следует признать тот факт, что у тех людей не возникало никаких моральных проблем и что несмотря на папский и епископский протесты, которые постепенно становились все менее настойчивыми, а потом и вовсе прекратились, они считали сжигание еретиков делом справедливым и необходимым. Святой Людовик, христианский монарх, *par excellence*, подтвердил, что еретиков, дела которых были переданы в светский суд, должны были предавать сожжению на костре. А добрейшая и милейшая Елизавета Венгерская, одна из наиболее почитаемых святых, выбрала себе в духовники того самого инквизитора Конрада Марбургского, который прославился своим жестоким отношением к еретикам.

Возможно, мы быстрее приблизимся к сути дела, если поймем, что ничто так не характеризует мировоззрение людей Средневековья, как осознание необходимости наказания греха и непоколебимая вера в загробную жизнь. Очевидно, именно эта вера, тесно связанная с вопросами наказания и искупления вины, и повлияла на их отношение к ереси. Когда ересь видна, причем проявляется она не в свободном высказывании сомнений в делах теологии, а в богохульстве, насмешках над Церковью Божией, в оскорблении святых, когда спасение души становится для человека менее важным, чем благополучие его тела, тогда становятся возможными многие вещи, которые нам и в голову не приходят. И среди этих вещей мы должны увидеть не только организованное преследование ересей, но и строительство Шартрского собора и написание «Божественной комедии». «Corruptio optimi pessima».

Но, как нелепо обвинять людей Средневековья в жестокости и мстительности, противоречащих человеческому разуму, так же ошибочно выставлять их нерешительными и сентиментальными, не интересующимися обычной жизнью. Несмотря на то что все мы подвержены влиянию обстоятельств, человеческая натура не меняется. Как заметил мистер Никерсон: «Мы должны с опаской относиться к собственным попыткам понять прошлое, потому что нам не дано понять и настоящего».

Кстати, коли уж мы, вообще, завели разговор о жестокости, то можно обратиться и к современным случаям ее проявления, которые ничуть не отличаются от худших случаев Средних веков. В конце 1921 года газета «Нью-Йорк Уорлд» провела тщательное расследование преступлений Ку-клукс-клана. Сообщалось, что в период между октярем

1920-го и сентябрем 1921 года Клан совершил четыре убийства, одно нанесение «непоправимого» увечья, один раз человек был обожжен кислотой, сорок один раз людей пороли, двадцать семь – обмазывали дегтем и вываливали в перьях и пять раз похищали детей. Автор пишет, что один из его друзей сам принимал участие в линчевании негра и в сожжении другого чернокожего живьем за изнасилование белой женщины. Он знает о случаях, когда члены Клана, чьи лица скрыты под капюшонами, пытали людей и наносили им увечья, и приводит пример, когда женщину сначала избивали мокрой веревкой, а потом обмазали дегтем и обваливали в перьях за то, что она вышла замуж во второй раз. В 1923 году один тexasский адвокат написал письмо сенатору штата, в котором указал, что в Техасе «за последние восемнадцать месяцев пятьсот раз людей обмазывали дегтем и обваливали в перьях, а также пороли кнутом, не говоря уже об убийствах, словесных оскорблениях и других преступлениях».

Теперь понятно, что деяния Ку-клукс-клана в общих чертах можно сравнить с тем, что люди Средневековья делали с еретиками. Разумеется, мы не высказываем пока суждения, правильно или неправильно они поступали. Многие уже говорили, что ни к чему было пещься о единстве средневековой Европы и что Реформация, которая его уничтожила, совершила благое дело для всего общества, но, с другой стороны, многие из нас могут с этим не согласиться. Американизм как примета Клана – это сушая ерунда. Не в этом дело, а в том, что в каждом случае человек испытывает солидарность с неким общественным институтом – в одном *случае*, с Соединенными Штатами Америки, в другом – с христианским содружеством средневековой Европы. В каждом случае вы начинаете рассматривать существование в обществе определенных движений или сект как угрозу стабильности, здоровью и единству вашего мира. Поэтому члены Клана свято верят в то, что католики, евреи и негры – это антиобщественные элементы. Их не интересует, верна или ошибочна католическая вера. Если католикам нравится верить в чистилище, в молитвы святым и во множество других, подобных вещей, то клановцы-то тут при чем? Однако Клан озабочен тем, что Католическая церковь, как общественный институт, стоит на антиамериканских позициях, что она призывает людей к верности, какую граждане Штатов могут проявлять только к своей стране. Теми же принципами Клан пользуется при формировании своего отношения к неграм и евреям. Он относится к ним так же, как римские императоры относились к ранним христианам. Клан не принимает их как единые, самостоятельные общества и не желает понять их религию, с которой он, возможно, в чем-то не согласен. Впрочем, в случае с неграми речь идет не о религии. Там дело касается того, чтобы удержать опасный варварский элемент на отведенном ему месте.

Подобным же образом средневековые католики относились к теологическим аспектам ересей. Лишь познакомившись с трудами великих философов, каноников, проповедников и миссионеров – таких, как Фома Аквинский, Сен-Бернар, Сен-Доминик, Сен-Раймон Пеннафорский, святой Бонавентура, Альберт Великий, – мы обнаружили в их работах разумные доводы против ересей. Эти люди считали ереси вызывающими, потому что они скрывали правду, а для простых людей ереси казались вызовом самой Церкви. Разумеется, это всего лишь некое обобщение. Но, как мы отметим в следующей главе, религиозное преследование в Средние века возникло не по воле Церкви, а по приказанию светских властей. Потому что ереси в первую и последнюю очередь рассматривались как антиобщественный заговор.

«Средневековая Церковь, – пишет доктор Тоут, – была более чем просто Церковью. Это, скорее, было целое государство, точнее, в некотором роде даже супергосударство».^[20]

Таким образом, верно будет сказать, что когда религиозное преследование вновь появилось в XI веке, оно получило вторую жизнь скорее благодаря верности Католической церкви, представляющей собою некое универсальное общество, в котором состоят все люди, чем благодаря католической вере, которой Церковь учила и которую охраняла. Иными

словами, общественный институт защищен правилами, противоречащими тем принципам, которые этот институт отстаивает. Кстати, это – определение фанатизма.

Между прочим, тот же феномен можно проследить на примере Ку-клукс-клана. Клан настолько американский, что является неамериканским по сути, потому что старается встать на стороне религиозной нетерпимости в обществе, которое открыто проповедует принцип полной религиозной терпимости. Не то, чтобы *полная* религиозная терпимость была желанной или вообще возможной. Понятно, что принуждение в религиозной вере, включающее в себя необходимость морального суждения, в некоторых определенных обстоятельствах может стать необходимым для блага общества.^[21] Доктор Джонсон с присущей ему точностью объясняет это.

«Справедливость и здравый смысл указывают на то, – сказал папа Лев XIII, – что не должно быть государств-безбожников; или такое государство должно принять линию поведения, которая приведет к безбожию, а именно, относиться ко всем религиям (как они себя называют) одинаково и предоставить им всем равные права и привилегии... Хотя Церковь, как и всякая хорошая мать, взвесит огромный груз человеческой слабости; ей известно, каким именно образом в наш век развиваются умы. По этой причине, учитывая то, что Церковь всегда должна выбирать правду и честность, она и не позволяет властям терпеть всяческие варианты правды и честности – для того чтобы избежать лишних неприятностей... Справедливости ради надо сказать, что чем больше государство делает для того чтобы терпеть зло, тем дальше оно от идеала.^[22]

Далее, в пределах, определенных национальным законом, изложено, что цель гражданского правительства – добиваться наибольших благ для общества и счастья для каждого индивидуума, потому что он – член этого общества. Таким образом, гражданское правительство в некоторой степени становится оппортунистом. Человек, знакомый с социальными условиями имперского Рима в I веке, оценил бы обстоятельства, заставившие императоров начать сбор налогов на безбрачие, однако несмотря на это, он бы не стал придерживаться той точки зрения, что человек должен жить под постоянным надзором, как скот. Подобным же образом можно прийти к заключению, что государство при некоторых обстоятельствах может вмешаться в дело транспортировки алкоголя, потому что это в конечном счете может повлиять на благо самого государства. Впрочем, понимая это и принимая, что правительство США столкнулось с настоящим кризисом (касающимся контрабанды алкоголя) в 1919 году, мы не очень-то готовы принять абсолютно трезвый образ жизни и любим выпить по поводу и без него.

В двух следующих главах мы попытаемся показать, что в XIII веке обуздать ереси законным путем было необходимо для сохранения закона и порядка. Такое суждение, конечно же, противоречит принципу терпимости, больше того, им нельзя оправдать методы, которые были взяты на вооружение сначала епископальной, а позднее – монашеской инквизицией.

Глава 2

Возникновение ересей

Тучи собираются

Ранние средневековые ереси возникли, главным образом, из-за ошибочных спекуляций о теологических проблемах. Они появились и пустили корни в ходе споров где-нибудь в лекционном зале или в монастырской трапезной. В их основах нет морального протеста против поведения или правил Церкви. Возможно, светский мир долго ничего не слышал о ересях, и они стали известны лишь тогда, когда дело было сделано; можно не сомневаться в том, что даже если бы ереси и проникли в светский мир, обыватели в девяти случаях из десяти не поняли бы тонкостей дискуссии или уловили бы лишь самые общие положения незнакомого учения. Как правило, те ученые, которые первыми засомневались в Церкви и ее

догмах, позднее полностью признавали свои ошибки и искали прощения у Церкви, чтобы вновь попасть в ее лоно. Они не стали основателями каких-то новых движений, не основали новой школы мышления. Церковь по обыкновению налагала на них епитимью, и все дело забывалось. Так было с Годескалкусом в IX веке и с Беренгаром из Тура в XI. У каждого было по несколько последователей среди друзей, знакомых и учеников. Вильям Малсбери поведал нам, что Беренгар на смертном одре мучился угрызениями совести при мысли о том, скольких людей он сбил с пути истинного своими ошибочными теориями об истинном присутствии тела и крови Христа в причастии и о пресуществлении.^[231] Однако люди мало знали о таких вещах, да они их и не интересовали. Ересь еще не стала орудием, направленным против Церкви.

В этой связи стоит процитировать отрывок из работы Генри Адамса, который со своей удивительной способностью понимать средневековый ум демонстрирует читателю академический характер ранних ересей. Адамс описывает спор в школе между Вильямом Шампо и своим блестящим юным учеником Абеляром.

Вильям, умело использующий для иллюстрации своих утверждений истинную сущность маленькой хрустальной пирамидки, которая лежит перед ним на столе, защищает реалистическую позицию. Абеляр, номиналист, указывает, что если реализм Вильяма довести до логического завершения, то он может свестись только к пантеизму.

«— ...К вашему примеру... — заключает он, — человечество существует, таким образом, все оно — идентичное — присутствует в вас и во мне как подразделение неопределенного времени, пространства, энергии или вещества, которые и есть Бог. Мне не стоит напоминать вам, что это и есть пантеизм, и если Бог есть единственная энергия, то свободная воля человека ограничена свободной волей Бога. Существование Церкви бессмысленно, человек не может отвечать за свои поступки — ни перед Церковью, ни перед государством, и, наконец, хоть и против воли, я должен ради собственной безопасности передать этот разговор архиепископу, который — и вам это известно лучше меня — доведет дело до вашей изоляции. Если не хуже...

— ... Ах, — снова присоединяется к беседе Вильям, — вы торопитесь, мсье дю Палле, превратить то, что я привожу в пример для аналогии, в еретический аргумент против моей персоны. Разумеется, вы вольны следовать курсом, который выбрали, но я хотел бы предупредить вас, что он заведет вас слишком далеко. И я все-таки задам вам еще один вопрос. Понятие, о котором вы толкуете, этот образ, существующий в уме человека, Бога или в сути какой-то отвлеченной вещи... — правда, я и не знаю, где искать его, — оно само реально или нет?

— Вообще-то я воспринимаю его как реальное.

— Нет, мне нужен точный ответ — да или нет?

— Distinguo... Определенно... Я должен пояснить.

— Не нужны мне пояснения. Вещество или есть, или его нет. Выбирайте!

На это Абеляр не мог ответить ни «да», ни «нет», ни вообще отказаться от ответа. Впрочем, похоже, он все-таки отказался отвечать, но, надо полагать, он нашел решение спора в личном поединке и ответил...

— Стало быть, да.

— Отлично! — вскричал Вильям. — А теперь давайте посмотрим, как ваш пантеизм отличается от моего. Мой треугольник состоит в виде реальности или в том, что наука назвала бы энергией, существующей вне моего разума, в Боге, и воздействует на мой разум словно через зеркало — как треугольник действует на хрусталь, на его форму, придающую пирамиде энергию. Вы говорите, что ваш треугольник — тоже энергия, однако он же — суть моего разума; вы всовываете его в разум как составную часть зеркала. Таким же образом энергия или необходимая правда составляют неотъемлемую часть Бога. К каким бы уловкам вы ни прибегали, рано или поздно вам придется согласиться, что ваш разум идентичен

сущности Бога, во всяком случае, пока дело касается этого понятия. А что касается доктрины Истинного Присутствия, я могу все объяснить архиепископу, и даже ваш донос на меня.

Давайте предположим, что Абеляр придерживался противоположной точки зрения и сказал: «Нет, моя идея – это всего лишь знак!» «Знак чего, скажите, ради Бога?» «Звука! Слова! Символа! Эхо моего собственного невежества». «Что ж, это ничего. Стало быть, правды, добродетели и благотворительности вообще не существует. Вы считаете, что существуете, но у вас нет способа познать Господа. Таким образом, для вас Бог не существует тоже, разве только как отклик вашего невежества. И, что больше всего задевает вас, Церкви тоже не существует, есть только ваша идея о некоторых индивидуумах, которых нельзя рассматривать как союз, и которые, как им кажется, верят в Святую Троицу, существующую лишь как слово или символ. Я не стану нигде повторять ваших слов, мсье дю Палле, потому что последствия этого будут для вас непредсказуемы. Однако мне совершенно ясно, что вы – материалист, а значит, судьбу вашу должен решать Церковный собор, если только вы не предпочтете обратиться к светскому суду».^[24]

Цитируя лишь часть диалога, мы, разумеется, теряем общую нить разговора. Однако приведенный отрывок наглядно показывает, на что именно мы хотим обратить особое внимание. Мы четко видим, с какой легкостью чисто академическая дискуссия может и должна вторгаться в естественную теологию, и как ученый, придерживающийся определенной точки зрения, может внезапно затеряться в безвыходных лабиринтах ереси. Мы уже привыкли слышать, что Средневековые погрязло в интеллектуальной апатии и детских суевериях. Правда, естественно, в обратном, потому что XII и XIII века были временем беспощадного рационализма. Великолепие интеллекта ранней схоластики, размышления и возражения собственным доводам, непрекращающиеся дебаты, легкомысленные с первого взгляда софизмы, беспорядочный, какой-то неустойчивый блеск Абеяра, тяжеловесное учение Алана де Лилля – все это формировало обширное интеллектуальное движение, которое завершилось изумительным синтезом религии и философии в «Сумме» святого Фомы Аквинского. Сен-Бернар относился к Абеяру, как к змее в траве, как ко второму Арию, как к темному пятну на теле Церкви, и громогласно поносил безумие ученых. Но главным поводом для вражды был метод этого безумия; кстати, можно усомниться, что методы Фомы Аквинского производили на него лучшее впечатление, чем методы Абеяра.

Здесь очень важно заметить, что к великой средневековой инквизиции в качестве основного направления мысли и учения относились как к чему-то весьма незначительному.^[25] Кого, как не Абеяра, можно было назвать Великим ересиархом? Это он следовал многим учениям, он блестящ и оригинален, у него множество врагов в самой Церкви. Однако несмотря на то что он часто бывал под подозрением и его даже признал виновным Церковный собор, он никогда не стоял в стороне от ортодоксального академизма. Если мы оглядимся по сторонам в поисках людей, осмеливавшихся выступить против Церкви, то обнаружим полубезумных фанатиков вроде Танкельма или Еона де Летуаля, безграмотных кликуш, которые бродили по стране и говорили (часто справедливо) о коррупции и невероятных богатствах Церкви. Во многих случаях новая ересь, которую предлагали такие люди (если, разумеется, у них, вообще, было что сказать), была ни чем иным, как выжившими языческими суевериями, с которыми отцы Церкви сталкивались еще в XI–XII веках и которые опровергали. Это был своего рода языческий фольклор, к которому парижские, например, ученые относились несерьезно, считая его сущим ребячеством, не достойным быть темой для обсуждения.

Но в поддержке движущей силы и придании в то же время чрезмерной важности этим фрагментам верований прошлого и заключалось, в основном, недовольство многим в институте Церкви. Временами эти популярные теории бывали не более чем искаженными церковными проповедями, временами люди, произносившие их, обвиняли церковный

символизм в стремлении к идолопоклонству. Иногда они настаивали на том, что святые дары были неэффективными, потому что к ним прикасались недостойные священники. Их протест был, скорее, интеллектуальным, чем моральным.

«Крикуны в начале XII века, – говорит мистер Никерсон, – начали с поигрывания одними руками, как, например, Билли Сандей и его племя. Их шумные карьеры оставили едва заметные следы. В основном они критиковали Церковь за богатство и гордость, сравнивая их с нищетой ее Создателя и унижением, которому она учит».^[26]

Однако было бы ошибочным предположить, что выживание ереси в Средние века было логичным исходом интеллектуального возрождения в XI–XII веках. Главное течение средневековой мысли устремлялось в основном к широкому каналу ортодоксального католицизма. Наследие Средних веков – это наследие веры, и средневековые ереси ничего к этому не добавили. Корни средневековых ересей следует искать в коррупции, процветавшей в Церкви, а не в великом расцвете ума людей, живших в XI веке. Ни один средневековый еретик не оставил хоть сколько-нибудь заметного следа в литературе, философии или искусстве. Если попросить кого-нибудь составить список двадцати наиболее прославившихся людей в XI–XIII веках (прославившихся за особый ум, какие-то организационные качества или за художественные таланты), то выяснится, что в их число трудно включить хотя бы одного еретика.

И в самом деле, активность этих ранних еретических проповедников, каждый из которых устраивал собственный маленький водоворот ереси, направленный против Церкви, представляет небольшой интерес для историков, разве что как антисвященническая пропаганда. Такие люди, как Еон де Летуаль или Генри Лозанский существовали не для того, чтобы созидать, а для того, чтобы разрушать. Грубость их разоблачений, всегда негативный характер всего, что они говорили, стали причиной того, что их влияние было локальным и эфемерным. Однако в XII веке все эти мелкие ручейки ересей стали постепенно стекаться в два-три широких потока, каждый из которых обретал все большую движущую силу. Без сомнения, в каждом из них были элементы большей или меньшей враждебности к Церкви. Церковь была основой всего, и тот, кто критиковал ее богатство, тем самым обвинял ее священников, высмеивал ее Святые Дары.^[27] Однако конструктивные философии, выдвинутые против католицизма многочисленными сектами, были совсем иными.

Вальденсы

Прежде чем говорить о ереси альбигойцев, которая, без сомнения, была наиважнейшей из всех ересей и с которой мы начнем их серьезное рассмотрение, следует сказать несколько слов о вальденсах. Секта была основана в 1170 году неким Пьером Вальдо, богатым, но неграмотным купцом из Лиона. Подготовив для публики перевод евангелий и нескольких других книг Библии, он избавился от всей своей собственности и в ожидании святого Франциска Ассизского стал жить в полной нищете. В ту пору ему еще не приходило в голову порвать с Церковью – он был реформатором, а не еретиком. С самого начала у него было много последователей. Он и его ученики привыкли проповедовать на улицах и в общественных местах; послушать их собирались целые толпы. Потому что среди людей бытовало неприятие тех мест, где проповедовали католические священники, и это добавляло проповедям вальденсов прелесть новизны.^[28]

«Многие кюре, как правило, совсем, и не думали проповедовать, что и к лучшему. Но, поскольку людей необходимо было наставлять, они приводили профессиональных проповедников. Это были духовные, даже светские лица, для которых кочевые проповеди стали делом жизни». К счастью, для некомпетентных кюре, которые сами не умели должным образом обращаться к людям, они переходили от прихожанина к прихожанину из денежных соображений. Благодаря им, движение кочевых проповедников ширилось, они даже образовывали «проповеднические компании», которые заключали контракты на проведение

всех церковных обрядов с целыми провинциями или группами прихожан, так что нуждающиеся всегда могли позвать к себе священника, обратившись в подобную компанию. Существует доказательство того, что такая странная компания действовала в Нормандии:

«Церковь была встревожена... Она опасалась – и не без оснований, – что эти незнакомцы развеют среди людей семена фальшивых доктрин... Парижский Церковный собор в 1212 году запретил незнакомцам проводить все церковные обряды – до тех пор, пока их права на это не подтвердит епископ провинции».

Конечно же, такого рода проповедование евангелий людьми, большая часть которых была неграмотной и не имела теологической подготовки, не могло долго оставаться незамеченным церковной цензурой. В 1179 году архиепископ Лиона запретил им проповедовать, а поскольку на его запрет не обратили внимания, он отлучил Валь до и некоторых его последователей от Церкви. Лишившись, таким образом, возможности слушать проповеди собственного епископа, вальденсы смело обратились к Латеранскому церковному собору. Александр II позволил им вернуться в лоно Церкви, однако настоял на том, чтобы для проведения собраний и служб они просили разрешения у местного епископа. Прошло еще пять лет, и после повторных жалоб архиепископа на их поведение они были окончательно отлучены от Церкви папой Люцием III на Церковном соборе в Вероне. Впрочем, уже в 1218 году своего рода Церковный собор вальденсов беспрепятственно прошел в Бергамо, что доказывает, что церковные власти смотрели на них сквозь пальцы.

Единственный пример весьма специфического законодательства, направленного против вальденсов – это яростное заявление Педро II Арагонского в 1198 году. Он издал указ, по которому все вальденсы должны были уйти из страны; все еретики, обнаруженные в королевстве, подлежали немедленному сожжению на костре. Серьезность этого указа, карающего еретиков смертью, была беспрецедентной. Без сомнения, подобное наказание было названо лишь для устрашения. Король приказал изгнать еретиков и конфисковать их собственность, но те из них, кто ослушивался королевского указа, должны были быть подвергнуты наказанию, причем не как еретики – в вину им официально вменялось то, что они осмелились ослушаться указа самого короля. Впрочем, не все было так просто. Вскоре после этого легкомысленный правитель участвовал в битве против крестоносцев де Монфора на стороне еретиков. Должно быть, прав мистер Никерсон, предположивший, что, будь вальденсы единственными еретиками на поле боя, не было бы ни Альбигойского крестового похода, ни инквизиции.

Оторвавшись наконец от единой Церкви, вальденсы, как и всякая другая секта, стали ярыми антикатоликами. Начав с отстаивания права проповедника говорить с людьми на улицах, они перешли к отрицанию посвящения в духовный сан и стали утверждать, что каждый «добрый человек» имеет право выслушать другого и дать ему отпущение грехов. Они отрицали церковные обряды, а крещению, например, и вовсе придали иной смысл. Они отреклись от веры в чистилище, в чудеса, в молитвы святым, в посты и воздержание. Они считали, что в любом случае надо говорить только правду, и отрицали любые клятвы. В обществе, основанном на бесконечных клятвах верности – феодалам и Церкви, – такие вещи казались призывами к анархии. Вот что пишет об этом мистер Никерсон:

«Запретить даже «белую ложь» довольно безобидно, хотя в чрезвычайных обстоятельствах это принимает характер импоссибилизма и эксцентричности, чего Католическая церковь всегда избегала».^[29]

У нас немного информации об их религиозных церемониях. Но, судя по Бернару Гуи, их службы состояли, в основном, из чтения отрывков из Святого писания и других священных книг, из определенных обрядов, молитв Господу, которые они в конце нередко повторяли по восемьдесят и сто раз.^[30]

Враги обвиняли вальденсов, как и большинство современных им еретических сект, в полной сексуальной распущенности. Однако к таким утверждениям не стоит относиться слишком серьезно. Поначалу может показаться, что их отличало чрезмерное благочестие и строгая приверженность к нищете и к правилам, которые они сами для себя установили. Инквизитор дошел до того, что сказал, будто их можно было отличить:

«...по их обычаям и речи, потому что они скромны и их легко менять. Они не гордятся своей одеждой, которую нельзя назвать ни богатой, ни оборванной. Они не занимаются торговлей, чтобы избежать лжи, клятв и обмана, а живут своим трудом, работая учителями и камнетесами. Они не накапливают богатства и довольствуются необходимым. Они сдержанны в еде мяса и питье. Они не ходят в таверны, на танцы или на ярмарки. Они не поддаются гневу. Они постоянно работают, учат и учатся сами и молятся, только немного. Их отличает сдержанная, правильная речь, они избегают непристойностей, ругательств, лжи и клятв».^[31]

Конечно же, было бы очень просто преувеличить контраст между простыми добродетелями новой еретической секты, с рвением выполняющей великую миссию реформы, и общей деградацией католицизма. Постоянная угроза понтификов указывает на широкое распространение симонии^[32] и на аморальность множества священнослужителей. Однако все же необходимо с опаской относиться к осуждению всех этих вещей враждебно настроенными критиками, среди которых можно назвать и реформатора Сен-Бернара. В святости Церкви было все еще много прекрасного, привнесенного в нее Сент-Норбертом, святым Фомой Кентерберийским, святым Франциском, святым Домиником, Сент-Ансельмом, святой Елизаветой Венгерской и Сен-Клером. В Церкви было еще много энергии, жажды деятельности, которая смогла породить цистерцианцев, premonstratensian canons, а также монахов-августинцев. Однако даже если это так, то в нижеприведенном предположении Турбервиля немало правды:

«Возможно, не будет преувеличением сказать, что явная опасность вальденсов лежит в их блистательной силе духа, что позволило им взять на себя апостольские функции, забыв о законной власти».^[33]

А вообще-то, самое интересное в вальденсах – это выяснить, отчего же они стали еретиками. Интересно заметить, что Пьер Вальдо со своей добровольной приверженностью к нищете и проповедованию на улицах с нетерпением ждал некоторых реформ от Францисканского и Доминиканского орденов; что за те четырнадцать лет, когда он со своими последователями не враждовал с Церковью, Папа благословил стремление вальденсов к нищете, благословил на Латеранском церковном соборе 1179 года, и что проповедовать по-своему им, видимо, позволял епископ. Но несмотря на это, через пять лет они были отлучены от Церкви; в 1198 году Педро Арагонский угрожал им смертной казнью; в 1212-м многие из них были сожжены в Страсбурге разъяренной толпой. Лионские Бедняки стали изгоями; Ассизские Бедняки и Сторожевые псы Господа стали наиболее могущественными реформаторскими силами христианства.

Мы полагаем, что основное различие между ними было в том, что святой Франциск знал, как надо повиноваться, а Вальдо – нет. Святой Франциск основал свой орден на тройственной клятве верности нищете, целомудренности и повиновении. Вальдо повиновение не признавал и, как и многие его последователи, утверждал, что им руководит сознание и что он предпочитает следовать за Господом, а не за человеком. Разумеется, в основе этой доктрины лежит отрицание католических традиций, самой идеи Святой Церкви как стражницы Веры, всему учению святых апостолов. Откуда, вопрошает Монета, получили свои ордена Лионские Бедняки? От самого Вальдо. А кто посвятил Вальдо в духовный сан? Никто. Вальдо «возвеличил себя до сана архиепископа, в результате чего стал Антихристом, выступавшим против Христа и его Церкви».^[34] Вальдо, писал другой летописец, Ричард Ключийский, «очень гордился собой, но, будучи человеком малообразованным, решил взять на себя роль апостолов».^[35]

Сила подобного обоснования может нравиться или не нравиться читателю. Впрочем, если он хочет понять вопрос средневековых ересей и действия тех, кто старался подавить их, то ему следует постараться понять, что в Средние века логика Монеты и Ричарда была абсолютно непостижимой. Признавая, что в Церкви было много злоупотреблений (нередко грубых), что может оправдать человека, недовольного злоупотреблениями самой системы? Вам не найти более яростного антиклерикала, чем Сен-Бернар, если только в это понятие не входит ничего, кроме осуждения церковных злоупотреблений. Сам Сен-Бернар относился к подобным вещам именно как к злоупотреблениям, марающим непорочность священников. Зато Вальдо вообще отрицал необходимость священников. Сен-Бернар был реформатором, Вальдо – схизматиком.

Ересь альбигойцев

Ересь, которая впоследствии была названа альбигойской (по названию городка Альби в Лангедоке – одном из ее сильнейших форпостов), начала просачиваться в Европу из Восточной империи в начале XI века. О происхождении этой секты существует множество противоречивых гипотез: некоторые историки утверждают, что она является продолжением манихейства в языческой империи, другие придерживаются того мнения, что это дуалистическая секта, явно отличающаяся от манихейства. Нам важно отметить, что дуализм был важной чертой философии альбигойцев и что почти все современные писатели рассматривали ее именно как продолжение манихейства. Рожер Шалонский и аббат Гюйбер из Ноджента в XI веке, Церковный собор в Реймсе 1157 года, Монета Кремонский, Люк Тюийский, Стефан Бурбонский и Иннокентий III в XIII веке, а также Бернар Гуи относятся к альбигойцам просто как к современным манихеям.^[36] А святой Фома Аквинский, обедая как-то раз при дворе доброго короля Луи, серьезно заявил во всеуслышание, когда общий разговор затих: «У меня есть заключительный аргумент против манихеев – *conclusum est contra Manichaeos*». Возможно, замечает Генри Адамс, обеденный стол в те времена (как, впрочем, и в нынешние) служил для того, чтобы в привычные разговоры об охоте и гончих собаках неожиданно вставляли теологические замечания. Как бы там ни было, ни у кого не возникло необходимости поинтересоваться у великого доктора тем, кто такие манихеи.

Разумеется, манихейство было давним врагом Церкви. Эзебиус упоминает о нем в своей истории, святой Августин изволил обратить на него свое внимание, даже арийский историк Филострогиус с возмущением упоминает «безумную ересь манихеев».^[37] Император Юстиниан издал против них несколько законов, а в 556 году немало манихеев было забито камнями жителями Равенны. Причем, стоит заметить, что манихейство почти никогда не было особенно популярным, даже во времена язычества и господства христианства.

Во-первых, их учение основывалось на принципе дуализма, в основе которого лежит теория о двойственности Вселенной, созданной двумя богами – добрым и злым. Материальное было злом, а духовное – добром, существование обрело форму конфликта между этими двумя противоположностями. Временами возникали споры о том, одинаковой ли властью обладают добрый и злой бог. Потом кто-то придумал, что у Бога было два сына – Иисус и Сатана, и что последний, послушавшись воли отца, был изгнан из рая и взялся за создание материального мира с его первыми двумя обитателями Адамом и Евой. Некоторые рассматривали Сатану всего лишь как павшего ангела, убедившего двух других ангелов – Адама и Еву – вместе с ним отправиться в ссылку. Для того чтобы заставить их быть верными ему, Сатана якобы пробудил в них плотский голод, являющийся первородным грехом, что служило основным доказательством его долговременной власти.

На основе этой дуалистической концепции можно сделать несколько выводов. Верить во все материалистическое – значит потакать злу. Альбигойцы не верят в то, что наш Бог мог обретать человеческую внешность во время своей мирской жизни. С другой стороны, они считают, что, будучи ниже самого Бога, он был попросту высочайшим из ангелов. Отрицая его божественность, они также отрицали его человечность. Вслед за этим они делали вывод

о том, что люди не могли не только убить его, но и ранить. А потому никакого распятия и воскресения быть не могло. Вся история страстей Господних и распятия – вымысел.

С их точки зрения, Непорочная Богородица обладает таким же божественным телом, как и сам Христос. Они утверждают, что она только с виду была женщиной, а на самом деле не имела определенного пола.

Теологические учения секты, как и большинство видов ереси, в основном были негативными. К Католической церкви альбигойцы относились с ненавистью и искренним презрением. Они заявляли, что Папы Римские были преемниками Константина, а не святого Петра, который и в Риме-то никогда в жизни не бывал. Церковь была Алой Женщиной из Апокалипсиса, «захмелевшей от крови святых и от страданий Иисуса». Святые Дары – детские игрушки. Пресуществление – безумное богохульство, потому что Церковь посмела утверждать, будто Христос мог существовать в виде хлеба и вина – созданиях злого духа. Католики осмеливаются заявлять, что получают тело Христа в виде Святых Даров, словно Христос может попасть человеку в желудок.

Новые еретики особенно отрицательно относились ко всем формам символизма, к почитанию мощей и креста. Признавая (исключительно для того, чтобы поспорить), что было все-таки какое-то распятие, при котором материальное тело Христа переносило пытки, точнее, нет, было убито, они настаивают на том, что крест следует рассматривать исключительно как деревянное изделие, на котором Христа заставили перенести некоторые страдания. Поэтому крест нельзя превозносить, а надо презирать и оскорблять его. «Я бы с радостью, – сказал один из их писателей, – изрубил крест топором и бросил бы его в костер, чтобы вода в котелке поскорее закипела».^[38]

Во многих отношениях принципы неоманихеев напоминают принципы великой современной ереси, называемой христианской наукой. Однако первые в отличие от последних обладали гениальной способностью, характеризующей средневековье, следовать за вещами до их логического завершения. У них были священники, известные как «идеальные», и церемония под названием «consolamentum» для духовного питания их приверженцев, «верящих». Поскольку все материальное считалось относящимся ко злу, то все сексуальные отношения признавались злейшими из грехов. «Идеальным» запрещалось есть мясо, яйца, сыр и вообще все, что было приготовлено из продуктов или являлось продуктом, каким-то образом связанным с плотью и отношениями полов. (К рыбе это не относилось, потому что считалось, что у рыб нет пола!) Они верили в то, что умершие без «consolamentum» либо получают вечное наказание, либо их души переходят в тела животных. А раз душа человека могла переселиться в тело животного, то они ни при каких обстоятельствах не лишали животных жизни – именно это их верование привело к их разоблачению. К примеру, в Госларе некоторых из них обвинили в том, что они отказывались забивать и есть цыплят – верный для католиков знак того, что они принадлежали к манихеям.

А раз уж они не могли убивать животных, то, разумеется, еще большим грехом у них считалось убивать людей. Все убийства, по их мнению, – преступления. И человек, задушивший свою бабушку, чтобы украсть ее последний шестипенсовик, был ничуть не большим преступником, чем солдат, убивший на поле брани врага своей страны. Они были против того, чтобы государство по какой угодно причине и при каких угодно обстоятельствах назначало смертную казнь. Когда какой-то известный еретик был избран консулом Тулузы, некий Петер Гарсиас написал ему послание, в котором напомнил, что «Господь не желает, чтобы кто-нибудь приговаривал человека к смерти». Некоторые экстремисты доходили до того, что вообще отрицали право государства наказывать. Вот какую цитату Вакандард приводит из «Summa contra hereticos»: «...все катарские секты учили тому, что все публичные наказания за преступления несправедливы и что никто не имеет права вершить правосудие».

Следуя дуалистическим принципам, они также утверждали, что деторождение – это дело рук дьявола. Беременная женщина считалась одержимой дьяволом, и если она вдруг умирала, то была обречена на вечное проклятие. Брак был грехом худшим, чем блуд, потому что супруги не знают стыда. Поэтому приветствовалось все, что могло привести к прерыванию естественного процесса деторождения; даже инцест и извращения считались предпочтительнее брака, потому что при них не совершалось самого большого греха – деторождения. Таким образом, никто не мог получить «consolamentum», не разорвав предварительно брачных отношений. А для «идеальных», получающих «consolamentum», считалось греховным даже притрагиваться к женщине. «Если до вас дотрагивается женщина, – говорил один из их оракулов, Пьер Отье, – вы должны три дня поститься на хлебе и воде, а если вы прикоснулись к женщине, то вам следует держать тот же пост целых девять дней».

Должен добавить, что альбигойцы во всеуслышание объявили себя истинной Церковью Христовой, вне которой не спасется никто. Папа Римский у них был Антихристом, а Католическая церковь – Вавилонской блудницей.

И, наконец, была у них еще одна церемония, именуемая «endura». Будучи своего рода пародией на соборование «consolamentum» также являлось процедурой, необходимой для посвящения в «идеальные». Вы получали его на смертном одре, что, таким образом, гарантировало вам вечное блаженство, которое могло сильно отличаться от вашей прежней жизни. Так что любой больной, получивший «consolamentum» и ненароком почувствовавший себя лучше, рисковал быть навеки проклят. При таких обстоятельствах «идеальные» заставляли родных не давать больному пищи или даже забирали его в свой дом, чтобы в мире уморить там голодом. Все это, разумеется, делалось для спасения души больных, потому что альбигойцы опасались того, что, выздоровев, бывший больной почти наверняка откажется от строгого аскетизма, которого должны придерживаться «идеальные», к числу которых он был автоматически причислен благодаря «consolamentum». Причем это не было делом необычным. Дело дошло до того, что «endura» погубила в Лангедоке больше людей, чем инквизиция. Один из «идеальных» по имени Раймон Бело, дав больной девочке «consolamentum», приказал, чтобы ей ни при каких обстоятельствах не давали ни кусочка еды. Бело часто захаживал в дом больной, чтобы убедиться в том, что его распоряжение строго выполняется; девочка умерла через несколько дней. Многие добровольно соглашались на «endura». Женщина по имени Монталива до смерти морила себя голодом целых шесть недель; одна жительница Тулузы после нескольких неудачных попыток покончить с собой посредством яда или кровопускания, добилась наконец своего, наглотавшись битого стекла; некий Гийом Сабатье отправился на тот свет после добровольного семинедельного поста.^[39]

Таковой была эта удивительная смесь языческого дуализма, приправленная евангельским учением и отвратительной антисоциальной этикой, объявившая себя причастной к чистому христианству ранней Церкви, которая вошла в Европу через Болгарию и Ломбардию, распространилась по северной Италии, Лангедоку и Арагону, а потом через Францию, Бельгию и Германию проникла к берегам Балтики. Впрочем, пожалуй, лучше до следующей главы воздержаться и не описывать того, как альбигойская ересь обрела силу в Лангедоке, ставшим ее первым и последним форпостом. А пока мы можем коротко описать ее проникновение в северные королевства, где в отличие от юга (что удивительно) ее появление было встречено дикой враждебностью населения.

Распространение ереси на севере

В 1018 году, как известно, альбигойская ересь появилась в Тулузе, в 1022-м – в Орлеане, в 1025-м – в Камбре и Льеже, в 1045-м – в Шалоне; к середине века ересь достигла Гослара, что в северной Германии. Едва о ней стало известно в Орлеане, король Робер Благочестивый второпях собрал Церковный собор, чтобы с его помощью решить, что делать

дальше. Ярость простых людей была так велика, что сама королева была вынуждена защищать двери церкви, где пытали еретиков, чтобы несчастных раньше времени не вытащили на улицу и не повесили. Тринадцать из них, включая десятерых каноников из церкви Святого Распятия, были приговорены к сожжению живьем. Как только они вышли из церкви, королева, узнавшая в одном из них своего духовника, бросилась вперед и ударила того по лицу палкой, выбив ему глаз. Затем осужденных потащили по улице под ругань и крики толпы. За стенами города были разведены костры, и всех осужденных сожгли живьем.

Этот случай безумной ярости интересен тем, что это первое дошедшее до нас документальное сообщение о сжигании еретиков в Европе. Подобное наказание было новым. Оно не регулировалось законом, потому что с точки зрения закона ересь вообще не существовала. Нам просто известно о срочно созванном Церковном соборе, на котором церковники пытались выяснить, нет ли среди них еретиков, а потом было принято решение приговорить этих жалких существ к смерти, потому что такая казнь была сочтена подходящим наказанием за их деяния.

Мы не можем дать определенного ответа на вопрос, почему именно сожжение на костре считалось подходящей казнью для еретиков. Однако М. Жюльен Аве заметил, что:

«В Средние века сожжение на костре было обычным наказанием за преступление, может, даже более привычным, чем повешение... Больше того, сожжение было обычным наказанием для отравителей, колдунов и ведьм. Возможно, тогда казалось вполне естественным как-то связать ересь с колдовством и ведовством. Наконец, костер был страшнее виселицы; более жестокое и театральное действие должно было породить животный ужас в сердцах еретиков, которые не могли ни покаяться, ни получить прощения».^[40]

Возможно, дело еще касается человеческой природы. Разъяренные и пылающие ненавистью к своим бывшим друзьям, люди обычно жаждали увидеть мучения несчастных в пламени костра. Негров в Америке толпа иногда вешает на ближайшем дереве, как случалось и в Средние века, когда еретиков тоже ждала веревка и виселица. Однако чаще всего дело заканчивалось костром, вязанками хвороста, старой мебелью и галлоном керосина.

В 1039 году, несмотря на протесты архиепископа Миланского, гражданские власти города арестовали нескольких еретиков. Они должны были либо выразить благоговение перед святым распятием, либо отправиться на костер. Некоторые из них были готовы поцеловать крест, а остальные, прикрыв лица руками, бросились в огонь.

В 1051 году в Госларе были обнаружены еретики. Их принадлежность к секте определилась очень просто – они отказались есть цыплят, которые были им предложены представителями власти. Сам император Генри III весьма экспрессивно убедил Церковный Собор в том, что «ради всеобщего блага, с одобрения людей проказу ереси необходимо остановить до того, как она распространилась и проникла в души людей», а потому еретиков было приказано повесить. И опять нам следует обратить внимание на то, что в то время еще не существовало законного способа казнить отступников от веры. Их казнили лишь для сохранения спокойствия, а поскольку подобное наказание было делом новым, понадобилось одобрение народа и знати.

В 1076 году еретик из Камбре был арестован и предстал перед судом епископов и высших церковных чинов епархии. Те не смогли прийти к какому-то определенному решению, касающемуся его дела. Но едва он вышел из церкви, как на него набросилась разъяренная толпа, состоявшая из простолюдинов и низших церковных чинов, и, заколотив еретика в деревянном ящике, бросила его в костер.

В 1114 году в Суассоне епископ арестовал и посадил в тюрьму несколько еретиков, а сам тем временем принялся обдумывать, как поступить с ними. Но ему пришлось на время уехать. Во время его отсутствия чернь ворвалась в тюрьму, вытащила оттуда четверых заключенных и сожгла их. В 1144 году в Льеже произошел настоящий взрыв ярости против

еретиков, и епископу было нелегко предотвратить бойню, однако несмотря на его усилия, много людей погибло. Мы хотели бы обратить внимание читателя на то, что в течение почти целого века Церковь чаще всего либо держалась в стороне от подобных дел, либо всего лишь высказывала свое недовольство. Разумеется, вы можете знать о епископах вроде Теодуана из Льежа или Хью из Оксерра, которые преследовали еретиков, но они, скорее, были исключением, чем правилом. Папа Григорий VII высказался против беспорядков в Камбре в 1076 году и приказал, чтобы их зачинщики были отлучены от Церкви. В то время церковные власти не искали помощи светских в борьбе с ересью. К примеру, Васо, епископ Льежский, заявил, что отношение гражданских властей к манихеям противоречит духу евангелий и церковным традициям. Единственным наказанием, которое может быть применено к ним, сказал он, должно стать отлучение от Церкви. Питер Кантор и Сен-Бернар утверждали то же самое.

В 1145 году полубезумный фанатик Еон де Летуаль начал свои сумасшедшие проповеди в епархии Сен-Мало. Объявив себя сыном Божиим, он обрел последователей в лице некоторых местных крестьян, которым мало было просто отвергать веру, а потому они принялись грабить церкви и вламываться в монастыри. Сам Еон, которого признали безумным, был отдан на попечение доброго аббата Сюжера в Сен-Дени и закончил свою жизнь в этом монастыре. А вот его последователей ждала иная участь – за ними охотился народ, и некоторые из них были сожжены на костре.

Не исключено, что во времена Сен-Бернара простые люди не отличали одного направления ереси, неожиданно возникшего рядом с ними, от другого. Для них ересь была в первую очередь угрозой Церкви, центром организованной благотворительности, образования и даже – иногда – власти. Тот, кто отрицает право Церкви карать богохульников, посягает на самые основы феодального строя. Тот, кто, например, вступает в брак посредством гражданской церемонии, посягает на церковные святыни, потому что брак – одна из них, и такого человека можно считать состоящим в незаконной связи. К тому же, разве не Церковь – врата к спасению, не защитница истинной веры, почитающая всех святых?

Впрочем, последователи альбигойской ереси должны были знать все это. Об их чудовищной аморальности ходили ужасные истории, которые католики рассказывали шепотом, повествуя о закрытых дверях, приглушенном свете и диких сексуальных оргиях, в которых участвовали самые разные люди. И хотя полностью верить подобным рассказам не стоит, нелепо совершенно отрицать их, считая злобными вымыслами врагов. Как напоминает нам мистер Турбервилль: «вполне здраво и разумно следующее возражение критика: «Разве человек может не испытать отвращение перед теми, кто считает инцест преступлением ничуть не худшим, чем брак?»^[41]

И в самом деле, трудно преувеличить ужас и отвращение, вызванные новой ересью в умах средневековых людей. Особенно это относилось к тем местам, где Церковь еще сохранила чистоту и силу. Отталкивающая по своей сути, альбигойская ересь была не только антихристианской, а еще и антисоциальной. Да, мы можем содрогаться от жестокости Робера Благочестивого и разъяренных толп в Камбре и Суассоне. Однако если дать волю воображению, то трудно даже представить себе философию и этику, которая вызывала бы в уме средневекового человека больший ужас, чем то, что мы называем альбигойской ересью. Да, я повторяю, что мы можем содрогаться от тех страшных вещей, что происходили в XI и XII веках. Вот только стоит ли нам так сильно удивляться? Важнее и гораздо более трудно ответить на вопрос, почему ересь вообще распространялась? Почему такая неестественная и отвратительная философия смогла привлечь серьезное внимание людей?

Причины распространения ереси

Во-первых, может показаться, что аскетизм, пусть даже дикий и неуправляемый, всегда вызывал восхищение в умах людей. К примеру, в современной Америке отдающий душком пуританизм возглавил Движение запретов, из-за которого в некоторых штатах даже продажу сигарет объявили нелегальной. В IV и V веках среди людей всегда существовала тенденция чтить тех отшельников, чьи посты и запреты были более длительными и страшными, чем посты тех, чье благочестие было более спокойным и сдержанным. Подобные настроения можно приметить даже у монахов ранних времен, которые чуть ли не соперничали в том, кто более ревностно будет придерживаться новых ограничений и постов. Причем все это делалось людьми, которых никак нельзя было обвинить в фанатизме, великими святыми, которые никогда не относились к ограничениям иначе чем к средству, ведущему к концу.^[42]

Последняя черта, ведущая, как это нередко бывало, к большим злоупотреблениям, не относится к XII веку. Однако очевидно, что проявляемая к себе суровость Сенбернара сильно влияла на отношение к нему людей и добавила ему уважения. Леа приводит рассказ о том, как Сен-Бернар:

«...забрался на коня, чтобы уехать, после проповеди перед большим стечением народа. Тут один закостенелый еретик, желая смутить его, подошел к нему и сказал: «Милорд аббат, у еретиков, которых вы считаете такими плохими, нет таких откормленных и здоровых коней, как у вас». «Друг мой, – ответил ему святой, – я и не отрицаю этого. Мой конь сам ест и нагуливает себе жир, потому что он – животное, которому природа велит есть с аппетитом, который не оскорбляет Господа. Но перед судом Господним нас с вами будут судить не по шеям наших коней, а по нашим собственным шеям. А теперь подойдите ко мне, если осмелитесь, и посмотрите, отличается ли моя шея от шеи еретиков». После этого он отбросил капюшон, и, к стыду неверующих, показал всем свою длинную, морщинистую шею, явно похудевшую от длительных постов».^[43]

Нам, возможно, трудно сдержать улыбку, представляя себе эту сцену. Однако мы можем быть совершенно уверены, что никто из присутствующих – еретики и ортодоксы – не увидели ничего странного в ответе Сен-Бернара. Можно без преувеличения сказать, что своему огромному влиянию он обязан как раз своей аскетической жизни.^[44] Однако мы наблюдаем подобный аскетизм и сдержанность во всех видах ереси того времени. Следует вспомнить, что в то время, о котором мы пишем, на исторической сцене еще не появился Бедняк из Лиона, а Фома Аквинский даже еще не родился. Так что неудивительно, что суровый аскетизм альбигойских «идеальных» был не так уж нов и казался в раннее время весьма привлекательным. Разве не видели люди, в какой роскоши содержался выезд архиепископов? Разве монастыри не купались в богатстве, разве приходские священники частенько не вели праздный образ жизни? «Сегодня, – гремел Сен-Бернар, – отвратительная гнилость расплзается по всему телу Церкви». Люди слушали его, внимали каждому его слову. Но разве, услышав их, люди не начинали обращать внимание на то, что Католическая церковь погрязла не только в коррупции, но и в мошенничестве и в узурпации? Разве не было естественным то, что они, наслушавшись Сен-Бернара, который с презрением относился к подобным вещам, начинали действовать?

Совершенно к другому типу разума альбигойская ересь и относилась по-другому. Я говорю о его эпикуреизме. Уверенные в получении «consolamentum», «верящие» ничего не боялись, потому что им уже обещали вечное блаженство. Таким образом, в течение жизни они могли делать все что угодно, игнорировать общепринятые правила поведения, драться, копить богатства и есть любую пищу. Такое отношение было просто *reductio ad absurdum* с точки зрения католиков, возмущавшихся поведением раскаивающихся на смертном одре. Прямое приглашение к лицемерию. Короче, так рьяно восторгаясь суровостью «идеальных», альбигойская ересь практически лишила «верящих» всех норм морали. А философия, которой можно вертеть как угодно для того, чтобы оправдать тот или иной грех, всегда найдет последователей.

Однако именно эта сторона их учения, в которую входит «endura», восхваление и поощрение самоубийства, представляет собой наиболее сложную проблему. Вероятно, некий полуответ можно найти в абсолютно логичном характере средневекового ума. Генри Адамс замечает, что в Средние века «у слов были такие же точные значения, как и у цифр, а силлогизмы представляли из себя ограненные камни, которые нужно было только положить на место для того, чтобы достичь определенных высот или выдержать какой угодно вес».^[45] Великие средневековые ученые были одними из самых «точных» мыслителей, когда-либо живущих на земле; они обладали – что практически нереально в таком веке, как наш – удивительной свободой мышления и способностью мгновенно выстраивать философскую концепцию, а также силой следовать своим убеждениям, соответствующим логическим выводам. Некоторые из ранних последователей святого Франциска, восторженно принявшие мысль о необходимости вести нищенский образ жизни и об отказе от материальных благ, бросились в крайность и поспешили осудить все виды собственности. И, возможно, если уж вам удалось убедить человека в непристойности всего материального, вы увидите, что он готов пойти как угодно далеко, высказывая свою ненависть и презрение к нему.

Католическая церковь никогда не могла оказывать существенное влияние на экстремизм, но всегда признавала, что даже логический экстремизм – вещь опасная. Это признавали и альбигойцы. Вы не могли бы ожидать, что секта, целью которой, по сути, было уничтожение человечества, могла обрести такую силу и столь длительное влияние, если, разумеется, вы бы относились к ее учению серьезно. Вы не могли бы объявить, что деторождение – худший из грехов, а потом заявлять, что у вас есть послание ко всем поколениям людей.

«В результате этого, – удачно замечает Турбервилль, – учитывая, что отличительной чертой секты была ложь, – она стала проповедовать недостижимый идеал, признавая, впрочем, что он недостижим; а потому она предложила некий компромисс, не ввязующийся с основной догмой ее учения, который, однако, помог ей существовать дальше».^[46]

Фактически все это было чудовищным. По своей сути секта не могла быть привлекательной для человеческой природы. Так что ей оставалось лишь поощрять лицемерие, на котором она, собственно, и построена. Если, наконец, мы захотим сформулировать причины столь длительного существования секты, то должны будем выделить три основных. Первая – довольно несерьезная – состоит в незамечании противоречий, без которых не обходится ни одна социальная система. Вторая – в ее аскетической привлекательности, в преувеличенном презрении к материальному, в стремлении к чистому духу. И, наконец, третья – пожалуй, наиболее существенная – в неприкрытом отвращении к богатствам Католической церкви и царящей в ней коррупции, к ее посулам обрести новую духовную жизнь после смерти, в предполагаемой истинной Церкви Христовой.

Конечно же, ересь никогда не имела особой силы на севере. В 1139 году Иннокентий II, возглавляющий Второй Вселенский церковный собор (Латеранский), создал важный прецедент, призвав светских принцев помочь Церкви в подавлении ереси. В результате пять папских Церковных соборов в течение шести лет отлучали еретиков от Церкви. В 1163 году Церковный собор Тура постановил, что «если эти негодяи будут пойманы, то светские власти должны запереть их за решетку и конфисковать их имущество». Однако все эти заявления и призывы были обращены, главным образом, к влиятельной знати южных королевств – Арагона, Лангедока и Ломбардии, – где ересь практически не встречала отпора.

На севере дела обстояли иначе. То тут, то там вспыхивали протесты против нее, сопровождавшиеся сжиганием еретиков и их повешением. Что еще более важно, сжигание еретиков на костре постепенно становилось обычаем. Без сомнения, люди были настроены против еретиков и готовы были безжалостно уничтожать их. И все же светским властям в то время еще не о чем было тревожиться. Да, еретики сильно доносили их и раздражали,

однако ересь в конце концов была делом Церкви, а не государства. Светские власти не видели ничего предосудительного в организации и количестве еретиков, а потому не считали нужным как-то реагировать на их существование и думать о спасении общества. В течение почти двухсот лет после экзекуции в Орлеане ни одно северное государство не сделало ни единого шага в борьбе с ересью. Правда, было одно исключение. И этим исключением, что любопытно, была Англия.

Похоже, в 1166 году большое количество альбигойцев прибыло в Англию из Германии, и они принялись вербовать там себе приверженцев. Впрочем, долго это делать им не удалось. Едва Генрих II узнал об их приезде в Англию, как тут же приказал привезти их на Церковный собор в Оксфорде. Их обвинили в ереси, заклеили раскаленным железом, публично избили и изгнали из города. Жителям запретили пускать их к себе в дома и помогать им. Единственная обращенная ими женщина испугалась угроз и тут же отреклась от их учения. Все без исключения наказанные альбигойцы умерли от холода и голода в дикой местности. Это было первое и должно было стать последним появлением ереси в Англии. Позднее, в том же году, присяжные Кларендона объявили закон, согласно которому, имущество всякого человека, давшего приют еретика, должно было быть уничтожено.^[47] Так Англия стала первой европейской страной, законодательство которой предусматривало наказание за ересь.

Глава 3

Лангедок и крестовый поход

Совершенно иначе обстояли дела на солнечной земле южной Франции; перемены там были очевидными и удивительными. Причем разница существовала не только в декорации сцены, но и в самой атмосфере. К слову сказать, в некоторой степени так же обстоят дела и сегодня. Разве француз-северянин не скажет вам, что жители юга шумны, хвастливы и весьма неумны? Разве в общепринятых правилах поведения северян не сквозит презрение к пылким и несдержанным южанам? Хотя маршал Фош родом из Французских Пиренеев; революционный гимн пришел из Марселя, а знаменитое прованское имя Де Кастельно появилось на страничках истории Франции в дни правления графа Раймонда IV Тулузского и гремело на всю Францию вплоть до современной битвы при Марне. Так что главное различие – в темпераменте. Но, как это нередко бывает, люди склонны преувеличивать подобные различия, обращать на них особое внимание, несмотря на то что могут считать их весьма расплывчатыми или даже несуществующими, но которые, однако, точно отражают особенности характера человека. Собственно, у нас тоже есть подобная теория, согласи которой шотландцы не имеют чувства юмора, а ирландцы не способны логически мыслить. Никто не относится к этим утверждениям всерьез. Но тем не менее они считаются весьма полезными при описании людей, а вот это уже довольно трудно понять.

Так же обстоят дела в случае с Лангедоком и французскими южанами. Разница в общественной жизни по обе стороны от Севенн бросается в глаза даже случайному путешественнику, а в то время, о котором мы пишем, эта разница была особенно заметна, причем ее с готовностью признавали и северяне и южане. Нации французов, какой мы ее себе представляем, даже теоретически не существовало до правления Филиппа Справедливого, и лишь после Столетней войны она обрела смутные очертания.

Римские традиции в Лангедоке

Задолго до великих дней Империи в Лангедоке были свои города, своя внешняя торговля, свое могущественное городское управление – словом, это была настоящая городская цивилизация, развитая даже больше, чем Средняя Азия во времена святого Павла. Нарбонна процветала за много лет до появления Юлия Цезаря. Огромная бухта Марселя была полна судов из Констайтинополя, Карфагена и Ближнего Востока, а ведь город все еще был колонией республики. Примечательно, что торговля на Средиземном море не

прекращалась даже в долгие годы ночного кошмара Темных веков. Марсель всегда был одним из самых многоязычных городов. В годы республики в нем жило много греков; особенно много их было в среде торговцев. И все же это был первый и последний римский город. Ни одна часть Европы не была так похожа на Рим и не напоминала так имперскую систему, как эта узкая полоска побережья между дельтой Роны и Пиренеями. Здесь больше великолепных триумфальных арок, мостов и акведуков, цирков, дорог и даже мощеных улиц Римской империи, чем в Италии.

Ко времени Первого крестового похода Аквитания и Лангедок снова стали, как это было в римские времена, наиболее блестящими и – в некотором роде – наиболее культурными частями Европы. На них мало повлияли бесконечные миграции населения, происходившие в IV и V веках. Тефтонские историки прошлого столетия привыкли утверждать, что традиционное уважение к женщине, считающееся отличительной чертой европейской цивилизации, было принесено в христианский мир ордами варваров, которые постоянно маячили у границ старой Империи и нередко нападали на них. С этим трудно согласиться. О рыцарстве, любовных историях, куртуазных ухаживаниях ничего не было слышно еще в течение семи веков – до краха центрального правительства, и, как заметил мистер Беллок, они появились именно в тех местах, которых меньше всего касались эти самые варвары. ^[48] Что еще более важно – мы скоро вернемся к этому, – они появились как раз в тех местах, на которые наибольшее влияние оказывали мысли и манеры представителей исламской веры.

Римская империя начала гибнуть, когда усилился рост коррупции, когда неэффективной стала деятельность ее колониального управления – этой могущественной силы, на которой были построены ее успехи. Аларих был мятежным римским генералом, а не немецким военным захватчиком. Имперские традиции удивительным образом сохранились в Лангедоке, правда, они немного увяли, это верно, но не стали от этого менее римскими. Даже в XIII веке правители Тулузы назывались консулами; в городе возвышалось здание муниципального Капитолия, превосходящее по величию и высоте даже церкви, глядя на которые, как обратил внимание мистер Никерсон, «создается впечатление, что их достроили, не обращая внимания на городскую планировку в целом».

Контакты с восточными империями

Благодаря средиземноморской торговле с Константинополем и сирийскими портами, через которые осуществлялась связь с Багдадом и Дамаском, южная знать познакомилась со сверкающей роскошью византийской и восточной цивилизаций. Нам остается лишь читать между строк сердитое письмо епископа Люпрана из Кремоны, видимо, пребывавшего в замешательстве, адресованное императору Отто Второму, в котором он описывает свою унижительную дипломатическую миссию в Константинополь в 968 году. Да, как я уже сказал, нам остается лишь читать между строк этой примечательной эпистолы, чтобы представить весь блеск византийской столицы X века. Это была Римская империя во всем своем первозданном великолепии, с огромными публичными банями, сохранившимися со старых времен, со своими школами и университетами, со своими богатствами и огромной военной организацией, которая в течение семи веков стояла непреодолимой преградой для ислама. На неуживчивые и необразованные племена из Западной Европы граждане этой великой империи смотрели с величайшим презрением. До сих пор православный патриарх Иерусалима именуется римским патриархом, называя при этом католического патриарха латинским в память о его связи с Римом. Римская империя не была ниспровержена Аларихом или Радагазиусом. Она двигалась на восток почти до прошлого века и хранила ключи от врат Европы больше тысячи лет.

Ничто так не поразило крестоносцев Иннокентия Третьего, как невероятное великолепие и размеры города, который они разграбили. Как сказал Гуерар, обсуждая великое возрождение XI века: «Роскошь Востока была настоящим откровением для представителей Запада, только что очнувшихся после тяжкого сна Темных веков. Атлас,

бархат, шелк, парча, муслин, дымка, ковры, удивительные краски, стекло, бумага, сласти, сахар, специи, пенька, лен – все эти прелести, такие необходимые в жизни, можно было увидеть там в те времена. Экономическая экспансия, так или иначе связанная с общим возрождением, была в некоторой степени спровоцирована столкновением с византийской и арабской цивилизациями».^[49]

Влияние мусульманства

Со своими римскими традициями управления, с вековыми связями с язычниками и христианским Востоком через средиземноморские торговые пути, Лангедок в VIII веке столкнулся непосредственно с мусульманскими захватчиками из Испании. Те не смогли захватить Тулузу, но целых сорок лет удерживали Нарбонну. Сарагоса была в их руках почти четыре столетия – как и вся территория за ними, словно огромная длань Азии проникла к самому сердцу Европы. Без сомнения, арабы, вернувшие в Европу Аристотеля и изучение медицины, оказали огромное влияние на мысли и поведение европейцев. Похоже, многие представители лангедокской знати держали у себя рабов-сарацин в то время, когда рабство, вообще, не было известно в западном христианском мире; кстати, в те же времена множество христианских рабов прислуживали при дворе эмира Кордовы. Избиения неверных войсками христианских принцев носили эпизодический характер и больше напоминали что-то вроде некоего зимнего спорта. Таким образом, вельможи и принцы, которым собственное приданое казалось маловатым или которым хотелось зимний холод сменить на летнее тепло, отправлялись в крестовые походы на юг Испании, где весьма недурно проводили время в перерывах между редкими сражениями.^[50]

Было бы большой ошибкой думать, что отношения между христианами и мусульманским населением Испании в то время были постоянно враждебными. Напротив, великое множество свидетельств доказывает нам, что два народа долгое время жили душа в душу. В течение X и XI веков мусульманская Испания была признанным центром западной культуры. Правящие дома Арагона и Кастилии породнились путем браков с династией Муриш.^[51] Мусульманская мода и обычаи проникали во все сферы частной жизни. В Испанию со всех концов Европы стекались студенты и путешественники, жаждущие припасть к фонтану новой классической культуры Востока. Переводы Корана и великих философских творений арабских докторов появились во всех школах Европы. В годы правления короля Альфонсо Мудрого смешение двух культур достигло высшей точки, когда в Севилье открылся Латино-Арабский университет, в котором преподаватели-христиане и мусульмане на равных учили молодых людей медицине и другим наукам.

Однако следует учесть, что в эти великие годы интеллектуального движения в Европе, христиане по большей части были учениками. А мусульмане – учителями. Превосходство последних в области философии открыто признавалось многими христианскими мыслителями, и о нем во всеуслышание говорили сами арабы. В своей «Истории наук» один мусульманский доктор, Сайд из Толедо, заметил, что те, кто живет в дальних землях севера (к их числу он относил всех людей, живущих к северу от Пиренеев), «...обладают холодным темпераментом и никогда не бывают по-настоящему зрелыми; все они крупного телосложения и белокожие. Они не отличаются ни остротой ума, ни блеском интеллекта».^[52]

Все помыслы современных ученых устремлены к тому, чтобы получше узнать, в какой же действительно степени европейская культура зависела от арабских докторов из Испании и Сицилии. Но никто не познал этого лучше, чем блистательные умы преподавателей логики, философии и богословия того времени. Смелость и блестящая оригинальность святого Фомы неоспоримы. Однако корни всего движения уходят в ислам. Между прочим, современным писателям кажется, что, признавая в схоластике христианства влияние мусульманского рационализма, мы лишь добавляем еще один бриллиант в диадемы средневековых достижений. В самом деле, существует странный парадокс в мысли о том, что наследие

исламских философов – очищенное и систематизированное – должно было быть унаследованным христианской Церковью, чем сильно обогатило ее.

Достоверно установлено, что мусульманские монеты имели свободное хождение в Лангедоке. Потом великий университет в Монпелье, старейший в Европе, за исключением Парижского, стал заниматься исключительно медициной. Именно в университете Монпелье в конце XIII века знаменитый английский врач Джилберт, проводя медицинские исследования, нашел способ лечения оспы. Среди прочего он настаивал, чтобы стены комнаты, в которой лежал больной оспой, были увешаны кусками красной материи и чтобы окна закрывали тяжелые красные портьеры. Это открытие было сделано еще раз в XIX веке, и за него доктор Финсен получил Нобелевскую премию. Без сомнения, в великих медицинских школах Монпелье мы видим влияние арабской науки, что подтверждает, как уже было замечено, что нравы, обычаи и мысли народов Лангедока были перемешаны с нравами, обычаями и мыслями испанских мусульман.

Трубадуры

К началу XI века графы Тулузские становятся одними из самых могущественных и богатых вельмож Европы. В отличие от измученного севера, юг купается в роскоши, безмятежности и даже пребывает в некоторой летаргии. Опять же в отличие от воинственных баронов-северян южане, похоже, не имеют вкуса и, как поспешили бы добавить северяне, способности к битвам. Архитектуру юга XI века отличает легкость дизайна и элегантность деталей, явственно контрастирующая с массивной простотой норманнской манеры. В этом изысканном, безмятежном обществе, в котором наряду с нерушимыми традициями, уходящими своими корнями к золотому веку Рима, явно прослеживаются восточные тенденции, появляются две чрезвычайно важные вещи. Одна – это огромный вклад Лангедока в центральные традиции Европы (разумеется, я имею в виду поэзию трубадуров). Вторая, просочившаяся с равнин Ломбардии и с Востока, – это ересь альбигойцев. И все же, несмотря на слова мистера Танона о том, что между идеями рыцарства, куртуазного поведения и основными доктринами ереси не было ничего общего, есть две вещи, которые их связывают. Мы все знакомы с трудами таких писателей, как Леки, утверждавшего, что Альбигойский крестовый поход «залил огонь свободы кровью» и «нарушил справедливые обещания альбигойцев» и т. п. На самом деле справедливые обещания альбигойцев нарушили не крестоносцы – это было сделано задолго до них, – потому что сладкий яд ереси уже проник в блестящую, но несколько анемичную европейскую цивилизацию, поразил всю ее систему и остался лежать темным пятном чумы в самом сердце Европы.

Идеи «куртуазной» любви обрели свои первые очертания при дворах Нарбонны, Тулузы, Монпелье и других крупных городов юга. Стиль трубадуров получил полное развитие во времена Вильяма IX, герцога Аквитанского, который умер в 1127 году. Он – самый ранний из трубадуров, известных нам, однако легкость и симметричное построение его поэтических строк навевают на мысль, что в начале XII века уже существовала развитая традиция поэзии трубадуров. Движение трубадуров было аристократичным по своей сути. Многие из известных трубадуров, например, Бертран де Борн и гордый Рембо д'Оренга,^[53] сами были вельможами. Ричард Львиное Сердце, «наименее английский из всех английских королей», оставил после себя множество изысканных поэм в стиле трубадуров. И хотя их искусство было мало или почти неинтересным для представителей среднего и низшего классов, сами трубадуры были выходцами из всех слоев общества. Фальк Марсельский, ставший впоследствии епископом Тулузы, был сыном богатого купца. Бернар де Вантадур – сыном кочегара из баронского замка в Вантадуре. Пьер Карденал и знаменитый монах из Монтодона были духовными лицами.

Со своей легкостью и почти невероятным разнообразием рифм трубадуры стали основоположниками европейской лирической поэзии. В этом их важнейший вклад в историю

общества; это они вернули в Европу традиции хороших манер и изысканность, вежливость и галантность. Поэзия трубадуров, как замечает мистер Никерсон, была наиболее культурной и цивилизованной вещью с тех пор, как Рим заснул. Потому что философия куртуазной, галантной любви и романтики распространялась с невероятной силой и влияние трубадуров можно проследить в средневековой литературе почти всех европейских стран.

Любопытен, даже уникален тот факт, что куртуазная любовь южных трубадуров восхитительно нехудожественна и безответна, даже несколько неровна. Я называю это уникальным фактом, хотя так о ней никогда не отзывались поэты суровых и более сильных северных стран. Там галантность, ухаживания и изысканность имели более мужественный характер. А вот в южных поэмах трубадуров ранних времен есть что-то неуловимо женственное, почти гротескное, хотя они и совершенно очаровательны. Да, они представляют нам удивительно убедительную картину о безмятежном житье-бытье при дворах южных правителей, которые мало интересуются чем-то, кроме собственных удовольствий, и лишь скользят взглядом по поверхности вещей, нимало не интересуясь их сущностью.

Признание этого, довольно неприятного элемента поэзии трубадуров, не должно сбить нас с толку и заставить забыть о великолепии их техники и красоте их идеалов. Весь трубадурский цикл в классический век отличается идеальной чистотой, отсутствием грубости, некоей волшебной веселостью и легкостью прикосновений.

«Любовь – это медиум, с помощью которого герой осматривает окружающий его мир, к ногам которого он готов положить все, чем богат его век – рыцарскую честь, воинские подвиги, собственных отца и мать, ад и даже рай; одно лишь обещание о поцелуе Николетт воодушевляет Окассена на нечеловеческий героизм. Старый поэт напевает, улыбаясь и оглядывая своих слушателей с таким видом, словно хочет, чтобы они поняли, что к Окассену, глупому мальчишке, не следует относиться слишком серьезно, но что даже он, старик, сам ничуть не умнее глупенькой Николетт».^[54]

Критики приложили весь свой гений и умения в поисках корней движения трубадуров и их почти мистических идеалов куртуазности в любви. Чаще всего их поиски были безрезультатны; одна теория за другой натыкались на стену, и пока они искали новые, их прежние теории устаревали. Наконец дело попало в руки современных испанских ученых, которые, рассмотрев его, пришли к твердому выводу, что корни куртуазной любви уходят к исламу или что ислам послужил мостом, по которому идеи этой любви попали в западный христианский мир. Куртуазная любовь объясняется и прославляется Ибн Даудом из Исфахана, который жил и писал в IX веке. Ибн Хазм из Кордовы, живший в XI веке, оставил после себя свое «Ожерелье для голубки», чудесное сокровище, которое можно сравнить лишь с первой частью «Романа о Розе». Чудесная поэма «Окассен и Николетт» основана на традиционных арабских сказках.

«Обычная ошибка, – пишет Дон Асин, – суть которой состоит в ее широком распространении и полном отсутствии логического основания, полностью отрицает идеализм в концепции любви не только арабов, но и всех мусульман, а это прямо противоречит истинному положению дел. Йеменское племя Бану Одра, или Дети целомудрия, было известно за манеру, в которой оно защищало традиции своего имени... Романтизм, предпочитающий смерть осквернению чистой души, – это черта меланхолических и прекрасных песен из этих поэм. Пример воздержанности и вечной чистоты, воспетый христианскими монахами из Аравии, возможно, появился под влиянием Бану Одра. Мистицизм суфистов (суфизм – мистическое течение в исламе. – *Примеч. переводчика.*), унаследованный от христианских отшельников, также был воодушевлен жизнью и произведениями арабских поэтов. Не обращая внимания на то, что ни Коран, ни жизнь Магомета не послужили основанием для такого идеалистического отношения к любви, они, не раздумывая, приписывают пророку следующие слова: «Тот, кто любит и остается

чистым до смерти, умирает мучеником»... Позднее, когда аскетизм, унаследованный от христианских монахов, суфисты использовали для пантеистической и неоплатонической формы метафизики, идеализация плотской любви достигла высшей точки тонкости и глубины. Это видно по эротическим поэмам Ибн Араби, в которых любимый – это всего лишь символ святой мудрости, а страсть, которую он испытывает к ней, является аллегорией союза мистической души с самим Господом». [55]

Это – отдаленный глас из пещеры Святого Антония Отшельника, обращенный к тонким фантазиям христиан. Забавно рассматривать синайских анахоретов герольдами рыцарства. Одаренный богатым воображением, гений ислама не мог развить столь высоких идеалов человеческой любви, которые даже сам ислам не мог принять в себя, потому что был недостаточно велик для этого, но которые мы сейчас считаем частью наследия христианских Средних веков.

Социальная значимость средневековой ереси

Похоже, во всех человеческих обществах, о которых у нас есть исторические сведения, был сильно развит инстинкт самосохранения. Он основан не на уважении к существующим законам, хотя чаще всего он жаждал быть узаконенным. Больше того, какими бы яростными и беспринципными ни были его проявления – выраженные в мятежах, народных восстаниях и так далее, – он всегда оправдывал себя до конца. Это своего рода общественное шестое чувство, которое заставляет общество осознавать вещи, угрожающие его благополучию, вещи, которые это общество не может принять без последствий для себя. Далее. Очевидно, что жизнеспособность определенного общества может быть измерена эффективностью действия этого инстинкта самосохранения, который влияет и на его политику, так что вместо недисциплинированного выражения общественных чувств, вы быстро увидите царящие в нем законность и порядок. Таким образом, всего через несколько недель после появления еретиков в Англии, Генрих II, по происхождению француз-южанин, который, без сомнения, был знаком с деятельностью альбигойцев у себя на родине, тут же напустил на них государственную машину. Если бы его примеру последовали другие государственные деятели Европы, если бы еще где-нибудь ересь была уничтожена на корню, то, возможно, не было бы ни Крестового похода против альбигойцев, ни самой инквизиции.

Итак, как видим, была одна вещь, которую католическое общество средневековой Европы не могло принять без последствий, и чье появление было повсеместно встречено дикой яростью. Я, разумеется, говорю о ереси.

«Ересь, – говорит Гуиро, – в Средние века почти всегда была связана с некой антисоциальной сектой. В период, когда человеческой ум обычно выражал себя в теологической форме, социализм, коммунизм и анархия появлялись в форме ереси. В восприятии таких вещей интересы Церкви и государства совпадали. Это объясняет, почему в Средние века ересь подавлялась». [56]

Абсолютную слабость ереси, по-моему, можно увидеть в отсутствии инстинкта самосохранения в южной цивилизации Лангедока, которая была совершенно мягкотелой и летаргичной. Может, там и были богатство и роскошь. А вот энергии, стремления к великому будущему там было не увидеть.

«Несмотря на признанный блеск этой цивилизации, – замечает Гуиро, – можно усомниться в том, что она была бы рада здоровому развитию». [57]

Как и в северных королевствах, правда, куда в больших объемах, распространению ереси в Лангедоке содействовали немощь и коррупция, охватившие католических священников и епископов. Вильям из Пуи-Лоранса гневно выражает свое презрение к священникам:

«...Они стояли в одном ряду с евреями. Дворяне, жившие за счет простых людей, хорошо заботились о том, чтобы не заботиться о них; к крестьянам и крепостным они вообще не имели уважения».^[58]

Вероятно, следует заметить, что монашеские ордена очень часто потакали высокомерному и критическому отношению к обычным священникам. Некоторым стоит принять это во внимание.

Примерно в середине XII века Сен-Бернар посетил страну, которая в то время находилась под впечатлением проповедей еретика Генри из Лозанны. Святой мрачно описал увиденное: церкви без людей, люди без священников, священники без должного к себе уважения, христиане без Христа. В 1209 году Церковный собор в Авиньоне объявил, что «священники не отличаются от светских лиц ни внешностью, ни поведением». Раньше Иннокентий III в своем понтификате счел нужным убрать епископа Раймона Раберштейнского с его места из-за того, что тот открыто поддерживал ересь. Потом еще был Беренгар II (второй), архиепископ Нарбонны с 1192 по 1211 год. В это трудно поверить, но сей прелат ко времени его окончательной отставки в течение шестнадцати лет не бывал в своей епархии. Бывало, что он неделями не заходил в церковь. В его епархии, заявил Иннокентий в 1204 году, стало обычным делом, когда монахи и священники, убрав куда подальше свои одеяния, брали себе жен, жили обычной жизнью и становились юристами, актерами или докторами. По словам Папы Римского, у Беренгара был кошелек вместо сердца, и он служил своему единственному богу – деньгам. Даже трубадуры время от времени, отложив в сторону свои шапочки и колокольчики, посмеивались над жадностью и беспечностью священников.

«Орлы и ястребы, – кричал вспылчивый Пьер Карденал, – не так источают запах гнили, как священники-проповедники – запах богатства. Богатый человек – их друг, и если его вдруг поражает какая-то болезнь, он зовет их к себе к ужасу собственных родственников. У французов и священников заслуженно плохая репутация; ростовщики и предатели владеют всем миром».^[59]

Все эти примеры, не спорю, относятся к позднему периоду, вскоре после которого начался Крестовый поход. И все же неудивительно, что, как мы видим, среди трубадуров было популярно добродушно подтрунивать над священниками и церковными церемониями, что было своего рода добрым и хорошо воспитанным богохульством. Так, трубадур Рембо д'Оренга объявил, что улыбка его возлюбленной ему милее улыбок четырех десятков ангелов. Еще более известна следующая насмешка Окассена:

«Ну что мне делать в раю? Мне не нужен рай, во всяком случае, до тех пор, пока у меня есть Николетт, моя милая Николетт, которую я так люблю. Потому что в рай попадают такие люди, вот что я вам скажу. Туда отправляются старые священники и старые калеки, которые дни и ночи напролет простаивают на коленях перед алтарем, завернутые лишь в заношенные плащи; их нагие тела под ними покрыты ранами; а сами они умирают от голода, желания и собственного убожества. Вот эти люди отправляются в рай, но я даже дела иметь с ними не хочу. А вот в ад мне хочется. Потому что прямо в ад попадают чудесные ученые, добрые рыцари, погибающие в турнирах и победоносных войнах, да и вообще все хорошие люди. С ними мне по пути, я буду рад их компании. Кстати, туда же попадают прекрасные любезные дамы, у каждой из которых есть по два-три друга, кроме их законных супругов... Да с ними я тоже буду рад быть вместе, потому что лишь таким образом я смогу получить мою Николетт, мою милую любимую Николетт».^[60]

Разумеется, подобные вещи – еще далеко не ересь и вовсе не обязательно приведут к ереси. Это чистой воды равнодушие. Примерно такое же высказывание делает монах из Монтодона, очень известный трубадур позднего периода, привыкший отдавать все свои заработки своему монастырю и бывший религиозным человеком в полном понимании этого слова. Две из его сатирических поэм посвящены женскому тщеславию и привычке женщин

разрисовывать свои лица. В одной из поэм действие происходит перед тронем Господним. Поэт говорит об этом с женщиной, а Бог служит им судьей. Действие второй поэмы происходит в раю и состоит из диалога между Богом и поэтом. «Ни в одной из поэм, – замечает мистер Чейтор, – нет почтительного отношения к будущему».^[61]

Альбигойская ересь в Лангедоке

Войдя в Лангедок в начале XI века, альбигойская ересь почти не встретила сопротивления, и около полутора веков ни церковные, ни светские власти не препятствовали ее распространению. Впрочем, после последней акции короля Робера Благочестивого в Орлеане в 1022 году, в Тулузе, похоже, начались противоеретические демонстрации. Почти ровно через век учитель еретиков, Питер из Бруи, был сожжен живьем на костре в Сен-Жилле. Видимо, он просто нарывался на неприятности. Вероятно, враждебность к нему людей была вызвана даже не его учением, а тем, что он высказал свое презрение к католическому символизму, решившись публично сжечь распятие, да еще потом на оставшихся углях приготовить мясо. Но это единичный случай до начала XIII века, как утверждает М. Жюльен Аве.^[62]

Городские летописцы юга ничего не писали в книгах о проявлениях ереси и, похоже, вообще ничего о ней не знали. В этом нет ничего удивительного, потому что в Лангедоке все способствовало распространению ереси – легкомысленная придворная жизнь, коррупция в Церкви, аскетический энтузиазм «идеальных» и соответствующая ему гибкость новой философии. Манихейство, пусть даже и языческое, альбигойская ересь или христианская наука всегда обращались к нерешительным и поверхностным умам, и, поскольку их догматы выполняются благодаря их же логическим заключениям, они могут оставаться довольно безвредной формой неверия. Для этих южан с их богатством, легкой жизнью и приятными любовными утехами, живущим там, где иудаизм и мусульманство так близко переплелись, которых один летописец даже именует «*Judaea secunda*», ересь, как сказал мистер Никерсон: «могла казаться попросту приятной дымкой, сумерками, которые чуть смягчали чистые, правильные линии католического христианства. И если для таких людей жизнь альбигойского «верящего» казалась более простой и естественной, чем жизнь католика, то, с другой стороны, для их самоподавляющей эксцентричности – жизнь альбигойского «идеального», напротив, казалась куда более строгой и нечеловеческой, чем та, которую диктовало им католичество».^[63]

Для ненасытной южной знати и вороватых баронов альбигойская ересь тоже была приятной новинкой. Им было радостно слышать, что непомерные богатства монастырей и епископатов, с точки зрения Господа, были отвратительными, что Католическая церковь была обманщицей и узурпаторшей и что, следовательно, забрать у нее ее богатства было благим делом, частью справедливой войны против Антихриста. Для драчливой знати такая приманка долгое время была популярна, правда, знать весьма смутно представляла себе, в чем, собственно, дело, зато теперь она получила руководство к действию. Некоторые из вельмож были сущими разбойниками; они жили в окружении до зубов вооруженных головорезов, готовых на любые бесчинства, какие только их милорд прикажет им выполнить. В начале XIII века монахи из Сен-Мартен-дю-Канигон составили гигантский список преступлений, совершенных Понсом Вернетом, вельможей из Русийона. Вот что они записали:

«Он сломал наш забор и поймал одиннадцать коров. Однажды ночью он ворвался в наш сад в Вернете и поломал фруктовые деревья... В другой раз он убил двух коров и ранил четырех на ферме в Коль-де-Жу, а также он унес с собой все сыры, которые там были... В Эгли он забрал сто пятнадцать овец, осла, трех детей, которых отказывался вернуть без выкупа в триста су, несколько плащей, накидок и сыров... А после того, как он и его отец, Р. де Вернет, поклялись в церкви Святой Марии в Вернете, что оставят аббатство в покое, он украд восемь су и семь кур у наших людей в Авидане и заставил нас заплатить за кусок

земли в Одилоне, который его отец уже продал нам... Потом он выкрал в Одилоне двух мужчин и украл у них пятнадцать су. Один из них до сих пор у него в плену».^[64]

В Безьере еретики напали на священнослужителя, а также приставали в соборе к декану. В Тулузе, как писал Ги де Пюи-Лоранс, епископ не мог путешествовать по своей епархии без вооруженного эскорта, который предоставляли ему вельможи, по чьим землям он путешествовал. Еретики и разбойники регулярно отнимали у него собранные налоги, а потому он был практически доведен до нищеты. Банда головорезов, напав на собор Сен-Мари в Олороне, сбила священника с ног и, облачившись в его одеяния, провела пародийную мессу. Эти люди постоянно сжигали церкви и брали в плен священнослужителей, чтобы запросить за них выкуп.

К середине XII века ересь заняла прочные позиции в Лангедоке. Сен-Бернар приезжал в страну в 1147 году и объявил, что почти вся знать Лангедока впала в ересь. Его миссия не имела успеха, а на одно из его важнейших выступлений вообще никто не пришел. В 1163 году Церковный собор в Тулузе обратился к светским принцам за помощью в подавлении ереси. Четырьмя годами позже еретики были так уверены в своей позиции, что созвали собственный собор под руководством манихейского прелата из Константинополя; на соборе присутствовало множество «епископов» секты, а повестка дня собора включала выборы новых епископов в Каркассоне, Тулузе и Валь д'Аране.^[65] В Кабаре, Вильнове, Кастельнодари и Лораке существовали женские еретические монастыри. Существовала также хорошо организованная система мастерских и школ, где молодые люди и обучались торговле, и изучали манихейские доктрины; в одном лишь городе Фанжо их было множество. Ересь уже давно перестала быть этакой прихотью вельмож, а превратилась в мощнейшую антисоциальную организацию. Она, как и арианство, возникла восемь веков назад и была в то время модной философией, стильной придворной ересью. Она без труда совместилась с равнодушием южных дворов и общим презрением ко всему, что имело отношение к Церкви.

Однако ересь не могла долго оставаться в таком бесформенном образе, и на самом деле этого не произошло. Люди Средних веков, в общем, были куда более образованными, чем мы; они умели сдерживать себя, следовали логике, меньше подчинялись условностям. А потому было естественным, что ересь, набравшись сил и сторонников, стала расцветать; смутность ее дуалистических учений должна была постепенно выкристаллизоваться, и они должны были развиться в стройную, согласованную систему – систему, которая в своей логической полноте, была направлена на уничтожение расы и подрыв ее морального облика. К середине XII века она охватила цивилизацию Лангедока и вела ее напрямик к уничтожению.

Очень важно обратить на это внимание и верно оценить этот факт. Даже Леа «всегда очень точно придерживающийся фактов, даже когда он раздражался из-за того, что не мог в достаточной мере привлечь собственное воображение для осознания позиции историков Средних веков», так вот, даже Леа признает, что «в этом случае дело ортодоксии было делом цивилизации и прогресса. Если бы ученье катаров стало преобладающей верой или если бы оно заняло равные позиции с католицизмом, его влияние оказалось бы разрушительным... Это был не просто бунт против Церкви, но отказ от веры в то, что человек управляет природой».^[66]

Поэзия трубадуров тех времен подтверждает это. Ушло непринужденное веселье раннего периода, вместо него мы встречаем в поэтических произведениях трубадуров дикую сатиру и обвинения, мрачное морализирование, вызванное несовершенством времени, и сожаления о замечательном прошлом. Гиро де Борнель, пожалуй, величайший из трубадуров, сокрушается по поводу утраты истинного духа рыцарства и проклинает любовь знати к потасовкам. Монах из Монтодона, а позднее и Пьер Карденал громко возмущаются из-за коррупции, царящей в Церкви, и из-за безбожности людей. В 1177 году граф Раймон V Тулузский обратился с письмом к главе капитула в Сито, в котором написал, что ересь

проникла везде, что она вносит разлад в семьи, отрывает жен от мужей, сыновей от отцов, мачех от падчериц. Католические священники в огромном количестве поддаются коррупции, церкви пустуют. Он сам, писал принц, не в состоянии справиться с ситуацией, главным образом, из-за того, что многие из его подданных поддались влиянию ереси и увлекли за собой множество людей.^[67]

До этих времен распространению ереси в Лангедоке почти ничего не препятствовало. Миссия Сен-Бернара в 1147 году оказалась практически невыполненной и никак не повлияла на людей. Светские власти либо равнодушно относились к еретикам, либо приветствовали их. Декреты церковных соборов демонстративно игнорировались. Однако реакция в ответ на письмо графа Раймона была. В 1178 году папа Александр III для расследования обстоятельств дела отправил в Лангедок несколько священников и епископов под руководством кардинала Петера Сан-Крайсогонусского.

«Когда миссия прибыла в Тулузу, – пишет мистер Никерсон – ее начали оскорблять прямо на улицах. Тем не менее святые отцы составили длинный список еретиков, а потом решили продемонстрировать всем свою власть на примере богатого старика по имени Петер Моран, который, похоже, был одним из первых людей в Тулузе. Они вели против него дело, руководствуясь постановлением, предписанным Церковным собором Тура, согласно которому еретиков следовало сажать в тюрьму, а их имущество конфисковывать. После долгих речей осужденного, он был признан еретиком. Для того чтобы спасти свою собственность, Петер Моран отрекся от ереси и сказал, что готов на любую епитимью, которую назначит ему собор».^[68]

Архиепископ Тулузский и аббат Сен-Сернинский отвезли осужденного в тюрьму, где он пробыл совсем недолго; потом, приказав ему раздеться до пояса, они провели его по улицам к собору, яростно охаживая кнутом. Когда Моран предстал перед алтарем, ему объявили о прощении, однако в качестве епитимьи он должен был отправиться в трехлетнее паломничество в Святую землю, а до этого его каждый день должны были пороть на улицах Тулузы, он должен был отдать Церкви все ее земли, которые занял, и заплатить графу Раймону пятьсот фунтов серебром в качестве выкупа за потерянные графом земли. Серьезное наказание. Но мы можем судить о его эффективности по тому факту, что, вернувшись из паломничества по святым местам, Моран был трижды назначен главным магистратом Тулузы, города, который более чем когда-либо был охвачен манихейством.

Стало ясно, что церковным властям больше не придется в одиночку бороться с ересью. Однако даже если бы католические епископы и священнослужители Лангедока обладали необходимой для борьбы с ересью энергией (ее у них не было), все равно сомнительно, что они могли бы сделать хоть что-нибудь. Возможность этого была утеряна век назад. Время для таких мягких мер, как визиты пасторов, давно ушло. В 1181 году Анри Клерво поставил себя во главе небольшого Крестового похода, но после удивительного захвата города Лавор его силы отступили, и предприятие было остановлено. В 1195 году папский легат в Монпелье с гневом обрушился на еретиков, однако его воззвания не были услышаны. Казалось, ересь уже прочно заняла свое место. Так обстояли дела до тех пор, когда в 1198 году на трон понтифика взошел гигант средневековой истории Папа Римский Иннокентий III.

Папа Иннокентий III

Не прошло и двух месяцев после его назначения, как новый Папа Римский взял Лангедок в свои руки. Для выяснения ситуации туда были отправлены два папских легата. Кроме прочего, им было предписано найти верных людей среди местной знати, которые могли бы помочь в борьбе с ересью. Во время своего правления Иннокентий III не менял эти законы. Несмотря на уверенные заявления множества историков XIX века – к примеру, Леки и Дюру, чьи имена первыми приходят в голову, – он не создал инквизицию и не издал приказ о смертной казни за упрямство или непослушание. Изгнание и конфискация имущества

оставались самыми строгими наказаниями, которые могли применить к виновным светские власти.

Трудно не остановиться подробнее на характере и достижениях великого Папы Римского. Почти невероятный круг деятельности, мастерское умение управлять Церковью, которую он возглавлял семнадцать лет, полных всевозможных событий, – все это делает его одним из наиболее выдающихся людей, повлиявших на ход истории. Однако относиться к нему только как к человеку, который поднял папство на невиданную прежде высоту, значит, видеть лишь одну сторону его личности. Ученый, выпускник Парижского университета, один из наиболее образованных и почитаемых юристов своего времени, автор нескольких мистических трактатов о глубоко религиозной натуре, он должен остаться в памяти людей не только как Папа Римский, возглавивший Крестовые походы, но и Папа всех университетов и больниц.

«Есть что-то умиротворяющее и восхитительное в том, – писал немецкий историк Фиркоу, – что в то время, когда под его влиянием собирался Четвертый крестовый поход, в его душе зрела мысль о создании великой организации, ставящей перед собою поистине гуманные цели, что в том же 1204 году, когда в Константинополе была образована Новая латинская империя, около старого моста через Тибр была открыта новая больница Святого Духа. Он благословил ее и объявил, что здесь будет центр его гуманитарной организации... Следует признать, что она была предназначена для Римско-католической церкви, однако Иннокентий III думал и о том, чтобы оказывать помощь людям, страдающим от болезней».^[69]

И, наконец, Иннокентий был настоящим джентльменом. Даже в разгар Крестового похода против альбигойцев мы видим, как он вмешивается в дело осужденного каноника из Бар-сюр-Оба. Несмотря на его суровое обращение к Раймону VI Тулузскому, он никогда не терял беспристрастности. Папа поставил условие, чтобы часть конфискованных земель была возвращена наследнику графа, если он не повторит ошибок отца. Можно без труда привести с дюжину случаев, когда он с подобной мягкостью и снисходительностью относился к проявлению ереси в других частях христианского мира. То, что этот человек, несмотря на давление епископов и легатов, ждал почти десять лет, прежде чем объявить Крестовый поход против альбигойцев, весьма характерно для него.

Папская миссия

С самого начала папские легаты вели себя не лучше, чем живущие в миру священнослужители. Их привычка разъезжать по стране в роскошных экипажах в окружении вассалов не могла растопить лед холодного отношения к ним лангедокцев, которые уже давно со смехом и презрением относились к вычурной роскоши, на которую были падки легаты, и в глазах которых сдержанность и суровость альбигойских «идеальных» казалась гарантией честности и святости. Дела становились все хуже. Изменник Беренгар II, примас Лангедока и архиепископ Нарбонны, мешал легатам и отказывался помогать им в выполнении их миссии. Его преосвященство епископ Безьерский сдался. Давно привыкшие видеть вокруг себя процветание ереси, жившие жизнью обычной знати, эти прелаты, что, возможно, вполне естественно, мало симпатизировали этим монахам-цистерцианцам, одно присутствие которых напоминало им о делах, творящихся в их епархиях.

Примерно в середине 1206 года группа легатов, собравшись в Монпелье, горячо обсуждала невозможность выполнить их миссию. У них почти не было удач, зато неудачами они могли похвастаться. Некоторые вельможи распахнули двери своих замков, чтобы устроить там дебаты между апологетами ереси и католическими миссионерами. Однако, какой бы полной ни казалась победа, результаты были плачевными. Даже прибытие таких удивительных людей, как Дидакус и Сен-Доминик, и согласие легатов вести апостольски-нищенскую жизнь не привело к осязаемому успеху.

Инцидент в Шамп-дю-Сисэр проливает свет на общую ситуацию. Работяги привыкли работать, не делая выходных на праздники и воскресенья. В день святого Иоанна Крестителя Сен-Доминик, который находился в одной из деревень, укорил одного из рабочих за это. Реакция людей на его замечание была столь яростной, что святой едва унес ноги живым.

В 1207 году старший легат, де Кастельно, предпринял решающий шаг – это была кульминация действия, ответ на многочисленные выходки графа Тулузского. Легат отлучил графа от Церкви и лишил его права пользования его же землями. Иннокентий III, ни секунды не сомневаясь, подтвердил оба приговора. 15 января того же года де Кастельно был убит приспешниками Раймона.

Это преступление развязало Иннокентию руки, и он стал действовать быстро и сурово. Через три месяца после убийства трубы Ватикана зазвучали по всей Европе.

«Негодующие письма получили все епископы, жившие на землях Раймона; в них рассказывалось о преступлении и о соучастии в нем его двора. В письмах предписывалось отлучить от Церкви замешанных в убийстве людей и еще раз отлучить самого Раймона. Приказ Папы также предписывал увеличить число земель, отобранных у графа. Это касалось и тех мест, которые граф или убийца могли осквернить своим присутствием. Это шедевральное проклятие следовало издать и читать его текст во всех церквях по воскресеньям и в праздничные дни».^[70]

Сам Раймон был объявлен вне закона, его вассалы и сторонники были лишены всех привилегий за верность ему; Раймону запрещалось искать утешения у Церкви до тех пор, пока он не изгонит всех еретиков из своих владений.

Тем временем Арно Амалрик потребовал исполнения главной заповеди цистерцианского ордена и с пылом призвал истинно верующих всего христианского мира присоединиться к Крестовому походу. Иннокентий с таким же призывом обратился к французским епископам. Поздняя капитуляция Раймона дала толчок этому делу, и даже если бы Папа был в силах сделать это, он не стал бы теперь отзывать Крестовый поход. Граф, который, собственно, и еретиком-то не был, а считался в глазах Церкви не в меру энергичным католиком, торжественно примирился с Церковью. Меньше чем через неделю после этой унижительной процедуры армия крестоносцев, выйдя из Лиона, направилась на юг.

Крестовый поход и альбигойская война

Крестовый поход против альбигойцев длился всего около двух месяцев; альбигойская война с перерывами вспыхивала в течение двадцати лет. Время, в течение которого можно было получить отпущение грехов, составляло сорок дней, а потому, после великого рывка на запад, во время которого были взяты Безьер и Каркассон, большая часть армии приготовилась возвращаться домой, «досыта накормленная духовными ценностями и отсутствием даже примитивной обуви на ногах», как верно заметил мистер Никерсон.^[71] С этого времени Симон де Монфор оставался командующим, в чьи обязанности входило укрепление оккупированной территории, покорение лангедокских дворян и осуществление некоего рода полицейского надзора за монахами-доминиканцами.

Эти описания полного разрушения средневековых городов нельзя принимать уж слишком серьезно. Судя по ним, де Монфор разрушил стены и фортификационные сооружения Тулузы дважды всего за восемнадцать месяцев.

Религиозная сторона конфликта, спровоцировавшая Крестовый поход, постепенно отошла на второй план, уступая место политическим проблемам, возникновение которых было неизбежно. Король Педро Арагонский, получивший в 1204 году папский титул «Первого вождя Веры», появился в битве против де Монфора на стороне графа Раймона, который приходился ему родственником по жене. Сумасбродный суверен был убит в знаменитой битве при Мюре в 1213 году – это было жаркое сражение католиков против армий Церкви.

Эта битва решила судьбу Лангедока. В 1224 году де Монфор пал смертью солдата у стен Тулузы. Война тянулась еще пять лет, а потом был подписан договор, по которому герцогство Тулузское полностью отходило французской короне.

Политической ценности эта борьба не имела. Среди предводителей южных сил не было еретиков. Раймон всю жизнь был католиком и, умирая, получил утешение от Церкви. Педро был «Первым вождем веры», он яростно бил неверных мусульман в Испании, к тому же именно он был инициатором создания беспрецедентно суровых законов к еретикам, живущих в его доминионах. Раймон Роджер ввязался в катаризм, как любой человек может ввязаться в какое-то модное в определенное время течение. Хотя его жена и одна из его сестер были катарами, а другая сестра – вальденсийкой, он сам никогда открыто не объявлял о своей приверженности какому-то виду ереси. Как бы там ни было, война под конец превратилась из войны объединенных сил христианства и объединенных сил еретиков в войну между французской короной и южной знатью.

Однако было бы ошибкой рассматривать сопротивление, которое оказывали крестоносцам, как сопротивление покоренных людей, обезумевших от негодования на то, что иностранные захватчики посягнули на их сердца и дома. У народов южной Франции не было развито чувство патриотической солидарности. Похоже, их сопротивление не имело даже вожака. Сам Раймон не проявлял особого интереса ни к притязаниям Церкви, ни к поверхностной привлекательности ереси. Как и большинство других представителей дворянства, он главным образом хотел, чтобы его оставили в покое. Раймон сопротивлялся крестоносцам не потому, что они олицетворяли чванливое высокомерие Рима, а потому, что те помешали приятному течению полной удовольствий придворной жизни. Он, скорее, испытывал раздражение, чем возмущение, желание прогнать захватчиков, а не патриотический гнев, направленный на них. Таким образом, трубадур Раймон Миравальский приветствовал прибытие Педро II в Лангедок в 1213 году, заметив, что «король обещал мне, что вскоре я снова получу Мираваль, мое искусство получит своих слушателей, а потом все дамы и их возлюбленные вернутся к своим удовольствиям».^[72] После битвы при Мюре сам святой Доминик потерял всякий интерес к войне, которая превратилась в безнадежную путаницу интриг и контринтриг и уже давно перестала быть похожей на войну христианства против ереси.

Обе стороны без труда вербовали наемников – то были целые банды разбойников, совершивших чудовищные преступления. «Без их помощи, – замечает Люшер, – графы Тулузы и Фуа нипочем не смогли бы сопротивляться шевалье Симону де Монфору так долго». В то же время и сам де Монфор не брезговал пользоваться их услугами. Известны случаи, когда жители Тулузы жаловались Педро на то, что «они (т. е. крестоносцы) отлучают нас от Церкви, потому что мы используем помощь разбойников, но ведь и они сами прибегают к их же помощи».

Реальной движущей силой этой войны была зависть северян к богатству и роскоши, и их ненависть к цивилизации, которая совершенно отличалась от их, и которая больше походила на восточную, чем европейская. Лангедок стал привольным местечком для всех банд разбойников, промысляющих в Европе; сражения, проходившие, главным образом, вокруг городов и баронских замков, превратились в серию мародерских нападений на южных дворян. Вышло так, что война ничуть не поколебала ереси, которая процветала и была столь же широко распространена как до войны, так и после нее. Даже святой Доминик после одиннадцати лет напряженной миссионерской деятельности дал волю отчаянию и, как и Сен-Бернар более чем семьдесят лет назад, проклял страну и ее жителей.

«Много лет, – заявил он в 1217 году, – я напрасно тратил на вас свою доброту, проповеди, молитвы и слезы. Как говорят у меня в стране, «там, где не помогают благословения, действуют тумачи». Мы поднимемся против ваших принцев и прелатов, которые, увы, будут вооружать нации и королевства против этой страны; многие падут от

ударов сабель, страна опустеет, стены падут, а вы – о, горе! – вы будете обречены на рабство. Вот так и получается, что сила помогает там, где благословения и доброта не действуют».^[73]

Слова святого – любопытные комментарии, касающиеся сути и прерывистого характера последней войны. Прошло уже девять лет после первого взятия Безьера и четыре года после битвы при Мюре. Лангедок был охвачен волнением. Марсель прогнал своего епископа и публично оскорбил небесные силы. Жители Тулузы взбунтовались, прогнали епископа Фалька, экс-трубадура, и принялись обдумывать, как бы им вернуть к власти бывшего графа Раймона, причем это произошло всего через каких-то три недели после достопамятной мессы святого Доминика. С точки зрения Церкви, задача Крестового похода не была выполнена. Хотя для жителей Проуйя (деревушки рядом с Фанжо в самом центре оккупированной территории) мысль о том, что против них могут быть подняты сабли и пики, все еще представляла несомненную угрозу.

Политическое решение пришло в 1229 году – важный шаг в деле становления французской нации в том виде, в котором она существует до наших дней, и оно ознаменовало собою конец организованного сопротивления преследованию ереси. И хотя невозможно указать точную дату возникновения монашеской инквизиции, этот год можно считать важной вехой. Как и все серьезные институты в истории человечества, инквизиция не родилась в один день. Почти все приемы инквизиции можно проследить в истории задолго до Крестового похода против альбигойской ереси. В 1184 году папа Люциус III издал декрет, по которому все епископы или их представители должны посещать каждого прихожанина своего прихода хотя бы раз в год. А там, где подозревалось возникновение очага ереси, они могли требовать задержание всякого подозреваемого или того человека, жизнь которого отличалась от жизни обычного католика. Впоследствии этих людей должен был допрашивать епископский трибунал; если они признавали свою вину, их отлучали от Церкви и передавали в руки светским властям.

Однако эти и другие меры, о которых мы уже говорили, были беспомощными и неэффективными. Как видим, с 1189 по 1229 год проходил явственный процесс потери власти представителями света, который сопровождался развитием церковной машины, с самого начала готовой сотрудничать и контролировать деятельность светских властей.

Глава 4

Установление инквизиции Святой Доминик и инквизиция

Здесь будет уместно рассмотреть свидетельство связи святого Доминика с инквизицией.

Это знаменитое пугало протестантов, «кровавый» Доминик, каким впервые он выведен на страницах Ллорента (писавшего почти через шестьсот лет после смерти святого), – обо всех этих прозвищах можно без особых раздумий забыть. Не таким изображали святого Доминика его современники, да и все серьезные историки давно перестали видеть его чудовищем. Не то чтобы святой Доминик был основателем инквизиции, хотя в некотором роде его можно назвать ее герольдом. Правда, известно, что однажды папа Сикст IV назвал его «первым инквизитором», однако это единственное замечание противоречит другим историческим свидетельствам, а потому едва ли можно счесть, что оно имеет историческую ценность. С таким же успехом можно было бы назвать Уайклифа первым протестантом или Икара – первым авиатором.

Что касается святого Доминика, то у нас есть два документа, написанных им самим. В первом он просит своего друга в Тулузе укрыть у себя некоего обращенного еретика, ожидающего прибытия кардинальского легата. Во втором – изложена формула примирения с Церковью некоего Понса Роджера, а также описана наложенная на него епитимья. К слову, подобным наказаниям средневековая Церковь имела обыкновение подвергать своих

ослушавшихся детей. Провинившийся должен был: «навсегда воздержаться от употребления в пищу мяса, яиц, сыра и, вообще, от всей животной пищи. Исключения можно было делать только на Пасху, Троицу и Рождество... Трижды в год он должен устраивать себе великие посты, то есть не вкушать даже рыбу, если только его тело выдержит это, или если жара сильно не подействует на него... Три воскресенья подряд деревенский священник должен сечь его розгами по голой спине; ему следует носить выделяющуюся одежду, отмеченную крестами, что будет выдавать в нем бывшего еретика; он должен ежедневно ходить к мессе и, по возможности, семьдесят раз в день и двадцать за ночь читать «Отче наш»... Наконец, раз в месяц он должен показывать священнику пергамент, на котором все это написано».^[74]

Также имел место случай, пересказанный Константином из Орвието и описанный через двадцать пять лет после смерти святого Доминика, а также (почти в тех же словах) Теодором из Апульдии, чья «История святого Доминика и Доминиканского ордена» была закончена около 1228 года.^[75] Выходит, что известное число еретиков, дела которых были отданы на рассмотрение светским властям, были приговорены ими к сожжению, однако святой Доминик, попросил помиловать одного из них.

«А потом, с добротой в глазах повернувшись к еретика, он сказал: «Знаю, мой сын, что тебе нужно время, зато в конце концов ты станешь хорошим и святым».

Двадцатью годами позже этот человек, чье имя было Раймон Грос, попросил принять его в Доминиканский орден и умер в святости».

И, наконец, у нас есть свидетельство, записанное в сборнике судебных документов Бернаром из Ко, инквизитором Тулузским с 1244 по 1246 гоа. Речь идет о нескольких еретиках, которых допрашивал Бернар. Эти еретики были повторно привлечены к суду за ересь, а почти тридцать лет назад их примирил с Церковью не кто иной, как святой Доминик.

Все это замечательно суммировал Гуиро: «Сравнивая все эти документы с каноном Церковного собора в Вероне, обновленного в 1208 году Церковным собором Авиньона, по которому всех вероотступников, обвиненных в ереси епископами или их представителями, но которые упрямо продолжали придерживаться своих ошибочных взглядов, следовало передавать светским властям, можно прийти к выводу, что посредством передачи власти монахам-цистерцианцам, святой Доминик осуждал еретиков; сделав это, он медленно, но верно вел их к казни, если только, ведомый снисходительностью, он не вздумывал передать их в руки светских властей, бывших послушным орудием в руках Церкви. Без сомнения, он сам не произносил фатального приговора, однако во время судебного процесса он играл роль эксперта в ортодоксии или даже присяжного заседателя, который предлагал суду приговор «виновен» и который в то же время мог писать осужденному рекомендации по спасению».^[76]

С другой стороны, следует помнить, что святой Доминик не уезжал из Лангедока до 1217 года и что он почти двадцать лет работал в том районе. Теперь весь *raison d'être* – смысл существования – Альбигойской войны свелся к тому, что в Лангедоке светская власть стала всего лишь «послушным инструментом» Церкви. Сам де Монфор и близко не подошел к истинному завоеванию страны; он навсегда остался врагом, командующим оккупационной армией. Все время пребывания святого Доминика в Лангедоке – принудительная акция, направленная против еретиков, была безнадежно перепутана с военными и политическими делами, и ее неудача была обусловлена не только отсутствием железной дисциплины в войсках. Изредка проводилось что-то вроде заседаний присяжных, кого-то осматривали, осуждали и так далее. И, несмотря на близкие и дружеские отношения с де Монфором, святой Доминик не скрывал, что его больше интересуют проповедническая деятельность и организация нового Ордена, чем военная борьба. О нем столько написано людьми, которые выставляли его президентом железного трибунала, созданного им самим, который сотрудничал с армией крестоносцев и постоянно подбивал войска устраивать массовые кровопролития, что об этом стоит поговорить отдельно. У нас нет прямого свидетельства

того, что святой Доминик хоть раз осудил еретика, зато мы знаем, что многих из них он вернул в лоно Церкви.

Таким образом, становится ясно, почему, если мы правильно понимаем этот термин, святой Доминик не был основателем инквизиции. Точнее, он не был основателем того трибунала, доминиканского и францисканского, которому папы поручили искоренить ересь. В конце концов попытка искоренить ересь – одна из наиболее явственных функций священничества и епископата, а, значит, можно сказать, что инквизиция зародилась еще в годы апостолов. Обратив еретика в истинную веру – значит, помочь ему спасти душу; как стражник веры, Церковь имела право определять, что такое ересь, и выявлять еретиков. Без учета этого не существует, да и не может существовать юрисдикция. Важнейшая черта развитой инквизиции – я говорю о монашеском трибунале, Святой палате, в пик ее развития – это полное сотрудничество духовных и светских властей, причем представители первых на допросах играли роль экспертов, а последние оставляли за собой исключительное право принуждения.

Таким образом, становится очевидным, что когда Церковный собор в Туре в 1163 году и Латеранский церковный собор в 1179 году призвали к сотрудничеству со светскими властями, когда Папа Люциус III официально признал епископальную (как отдельную от монашеской) инквизицию, антиеретическая машина теоретически была готова, хотя практически она оставалась безжизненной. И во времена Альбигойской войны, которая, так сказать, оживила лангедокские светские власти, и во времена развития первой монашеской инквизиции – целой серии официальных папских жестов, передающих суд и процедуру расследования только что образованным Доминиканскому и Францисканскому орденам, которые напрямую подчинялись епископату. Невозможно привязать основание инквизиции к какой-то определенной дате, однако насколько мы понимаем этот термин, Святая палата ничем не выделялась, даже в неярко выраженной форме, до тех пор, пока со смерти святого Доминика не прошло десять лет.

Возвращение римского права

Большой скачок вперед в XII веке сопровождался возрождением римского права.

Еще в 1040 году Ансельм Льюкка возродил академический интерес к кодексу Юстиниана, так что к концу следующего века римское право формировало основу курса права в университете Болоньи. Множество детских глупостей Салической правды и разнообразных англосаксонских компиляций постепенно вышли из употребления. Старинная варварская привычка решать споры испытанием огнем, водой, раскаленными докрасна плужными лемехами и тому подобными вещами была запрещена папскими законами. В отношении к ереси это явление представляет чрезвычайную важность, потому что это добродетельное возрождение римского права положило начало сложной законодательной системе, которая была принята во всех странах средневекового христианского мира.

Код Юстиниана содержал около шестидесяти актов, направленных против ереси. Он также признавал сжигание еретиков, что, таким образом, оправдывало периодические вспышки народного гнева, часто случавшиеся в XI и XII веках.^[77] В 1209 году пантеизм некоего Амори де Бейна, мастера искусств и лектора нескольких парижских школ, был осужден Церковным собором; множество его последователей, отказавшихся отречься от него, были переданы светскому суду Филиппа Августа. Короля в то время в городе не было. Вернувшись, он приказал отправить на костер десятерых зачинщиков, а остальные были приговорены к пожизненному заключению. Кости самого Амори были выкопаны из могилы и выброшены за пределы кладбища. Подобная акция еще не была узаконена, а потому должна была вызвать настороженность. Тем временем ненависть народа к ереси на севере оставалась такой же сильной, как и всегда; восемь катаров были сожжены людьми в Труа в 1200 году, один

человек – в Невре в 1201 году, несколько – в Брезн-сюр-Весле в 1204 и еще один – в Труа в 1220 году.

Сейчас невозможно определить, в какой степени суверены Филиппа Августа и Педро Арагонского были подвержены влиянию ранних христианских императоров в отношении к еретикам. Знаменитый кодекс Грациана, составленный около 1140 года, предписывал только штраф и ссылку. В 1163 году Церковный собор Тура объявил, что все еретики будут отлучаться от Церкви и призвал светских принцев сажать их в тюрьму и конфисковывать их имущество. В 1179 году Латеранский церковный собор подтвердил эти меры, приравняв еретиков к бандитам и разбойникам, и объявил их врагами общества. В 1184 году Люциус III, возглавляя Церковный собор в Вероне, издал указ о том, чтобы все еретики отлучались от Церкви и передавались в руки светским властям, дабы те применяли к ним заслуженное наказание.^[78] Действуя совместно с Церковью, император Фридрих Барбаросса объявил их вне закона; еретики наказывались ссылкой, конфискацией имущества и потерей всех гражданских прав. Наконец, в письме к магистратам Витербо, написанном в 1199 году, Иннокентий III объявил, что еретикам запрещается держать любое общественное заведение, быть членами городского совета, представлять перед судами в качестве свидетелей, составлять завещания и получать наследство. Латеранский церковный собор в 1215 году включил эти законы в каноны Церкви.

«Этот кодекс, – говорит Люшер, – кажущийся нам таким безжалостным, на самом деле в те времена был серьезным шагом к улучшению отношения к еретикам. Потому что некоторые его законы предотвращали вспышки народного гнева, из-за которых страдали не только признанные еретики, но также и подозреваемые в ереси».^[79]

До этого времени ни в одном из официальных документов – светских или церковных – не упоминается смертная казнь как наказание за ересь.

Развитие антиеретического законодательства

Пока Альбигойская война шла к своему безуспешному концу (о том, что он будет безуспешным, можно было, без сомнения, сказать после битвы при Мюре), во всей империи уверенно и неумолимо развивалось антиеретическое законодательство, чему способствовали объединенные усилия Фридриха II и римского папы Григория IX. В 1220 году император издал закон, который, в соответствии с постановлением Латеранского церковного собора приговаривал еретиков к ссылке, конфискации имущества и потере гражданства. Проводится важное сравнение ереси с государственной изменой – важное, потому что, по римскому праву государственная измена всегда каралась смертной казнью.

«Оскорбить Святое величество, – говорит император, – гораздо более худшее преступление, чем оскорбить величество императора».^[80]

Однако логического вывода он из этих слов не сделал.

В 1224 году явное несоответствие было уничтожено. Фридрих издал закон для Ломбардии, согласно которому еретиков, не в первый раз попавшихся за ересь, должны были сжигать на костре или – это было менее суровое наказание – вырывать им языки. Вакандард сомневается, применялся ли этот закон до 1230 года, когда Папа Григорий IX вписал его в папский регистр, что означало, что с того времени он должен был применяться в Вечном городе. С этого времени была выпущена целая серия папских и имперских постановлений, подкрепляющих избранную позицию. Избитая фраза, что провинившиеся во второй раз упрямые еретики, должны быть переданы в руки светским властям для получения надлежащего наказания – «animadversio debita» – по-прежнему была в ходу, однако стала иметь более широкий смысл. В феврале 1231 года в Риме было арестовано несколько еретиков-патариев. Тех, кто отказывался отречься, отправили на костер; остальные были направлены в Монте-Кассино для выполнения епитимьи.

С другой стороны, похоже, что еще в течение нескольких лет во многих итальянских городах ссылка и конфискация оставались самыми суровыми наказаниями. Еретиков не сжигали в Милане до 1233 года; когда это впервые произошло, летописец написал о совершенно новом виде казни. Над статуей магистрата Ордрадо ли Тредзенто, который возглавлял процедуру освидетельствования еретиков, были выгравированы следующие слова:

*«Atria qui grandis solii regalia scandis
Presidis hie memores Oldradi semper honores
Civis Laudensis, fidei tutoris et ensis,
Qui solium struxit, catharos, ut debuit, uxit».*

Эту надпись и сейчас можно прочитать на фасаде палаццо della Ragione в Милане. Она в мгновение ока уносит нас назад, в эти беспокойные суровые дни XIII века, когда всему нашему европейскому порядку угрожал восточный яд манихейства. Этот «стражник и защитник веры» «исполнил свой долг и сжег катаров».

Император не долго думал, прежде чем применить свой закон в Ломбардии. В 1231 году, согласно закону «Inconsutilem tunicam», первой статье Сицилианского кодекса, заподозренные в ереси должны были предстать перед церковным трибуналом. Тех, кто отказывался отречься, должны были сжигать в присутствии людей – in conspectu populi. Шестью годами позже императорский эдикт, исходящий из Равенны, предписал приговаривать к смерти всех еретиков, не указывая, однако, вида смертной казни. И, наконец, в трех статьях, датированных 19 мая 1238 года, 25 июня 1238 года и 19 февраля 1239 года, император объявил, что Сицилианский кодекс и закон Равенны имеют силу во всех его владениях.

«Таким образом, – говорит Вакандард, – неясности пришел конец. Законным наказанием за ересь во всей империи стала смертная казнь путем сожжения на костре».^[81]

Фридрих II и еретики

Ничто так поразительно не иллюстрирует сущность средневековой ереси и вызванных ею социальных проблем, чем та невероятная мощь, которую Фридрих II направил на ее подавление. Абсолютно равнодушный к духовному благополучию Церкви, возмущающийся глупостью пап, христианский правитель только по названию, император взялся за систематическое и весьма серьезное уничтожение еретиков по всей империи. Леа думает, что его законодательство «показывает, что он попросту не мог противиться общественному давлению».^[82]

Нам трудно принять такое суждение. Чувствительность к мнению других людей далеко не была отличительной чертой императора. Он вообще был не из тех людей, кто счел бы нужным обратить внимание на чье-то мнение. Скорее всего, как и все разумные люди того времени, он понимал, что этот вопрос настолько же социальный и политический, как и религиозный. Иногда, это верно, он пытался использовать свою политику преследования как средство для того, чтобы попасть в милость Папе. Так, в 1233 году, как свидетельствуют документы, он хвастался перед Григорием IX тем, скольких еретиков отправил на тот свет, на что Папа холодно заметил, что это сообщение не производит на него особого впечатления: ему было известно, что Фридрих просто-напросто убил некоторых своих политических врагов, многие из которых вовсе не были еретиками.

Если бы дело заключалось лишь в актах насилия, периодически вспыхивающих то тут, то там, то мы могли бы принять суждение Леа. Однако этой же гипотезой невозможно объяснить уверенную, безжалостную кампанию Фридриха. Ведь в конце концов, он был первым из европейских монархов, кто придал смертной казни силу писанного закона. С чисто интеллектуальной точки зрения он был куда ближе еретикам-манихеям, чем ортодоксальному католичеству. Фридрих никогда и не думал скрывать своего презрения к папству, и те

несколько практически случайных жестов, что он сделал в сторону понтификата, не были частью его политики. Напротив, он показал себя самым отъявленным и наиболее решительным врагом, какой только встречался папству на пути. Так почему же тогда Фридриху не пришло в голову объединиться с множеством еретиков, живших в его владениях, и не выступить вместе с ними против папства? А если ему уж так хотелось угодить общественному мнению, то почему же он не подверг репрессиям и евреев? Крестовый поход против неверных был бы не менее эффективным способом заслужить благоволение Папы, чем издание законов против катаров. Однако Фридрих защищал евреев, установил близкие дипломатические отношения с восточными правителями, чем вызывал на себя постоянные проклятия Рима, – и преследовал еретиков, чего до него не делал ни один суверен.

Без сомнения, Фридрих II был одной из самых заметных фигур средневековой истории. Итальянец по происхождению, а не немец, он был воспитан в почти исключительно мусульманском окружении на Сицилии. Все время своего правления он оставался, по сути, свободомыслящим мусульманином, изучающим арабский язык, чей жизненный уклад был полностью выдержан в мусульманском стиле. Его всегда окружали арабские советники, придворные, офицеры и министры. Фридрих одевался на восточный манер и имел два гарема – один в Италии, другой – на Сицилии, – управляемых евнухами. Он переписывался с учеными мужами-ислаamistaми и много путешествовал по Ближнему Востоку. Фридрих собрал уникальную коллекцию арабских манускриптов, которую впоследствии подарил университету в Неаполе, основанному им же в 1224 году. На его погребальном одеянии были вышиты изречения на арабском языке. Таким был человек, создавший наиболее безжалостную систему подавления еретиков после правления Юстиниана. Может, средневековая ересь и была камнем преткновения для Церкви, однако это как раз меньше всего интересовало Фридриха. Зато он был государственным деятелем, который признавал, что ересь – это преступление, направленное против государства и общества.

Казнь в виде сожжения на костре уже была более или менее известна, хотя официально и не признана, во Франции и Германии; не знали ее в Англии. В 1212 году восемьдесят катаров были сожжены в Страсбурге. Филипп Август, как мы уже указывали, время от времени сжигал по несколько еретиков. В 1222 году студент из Оксфорда, проповедовавший иудаизм, был приговорен к сожжению на костре. Таким образом, Фридрих II попросту взял германский обычай и придал ему статус имперского закона. Что касается Франции, то там, как видим, тоже были определенные легальные санкции, записанные в «*Institutiones*» святого Людовика:

«Как только церковный суд устанавливает (после должного расследования), что подозреваемый является еретиком, он должен передать его в руки светских властей, а светские власти, в свою очередь, должны отправить его на костер».

Доминиканцы и францисканцы

Возникла явственная и острая необходимость в существовании некоторой организованной силы, которая сможет регулировать действие гигантской машины, заведенной светскими властями и направленной против еретиков. Для такого поколения с его удивительно логическим складом ума, с его глубоким почтением к только что открытому римскому праву было невыносимо, чтобы такое серьезное дело, как отношение к вере, рассматривалось второпях. Замена суда Линча регулярно действующим законодательством была большим плюсом, однако этого было недостаточно. И в этот критический момент взор папы пал на два недавно основанных ордена – доминиканцев и францисканцев.

«Основание этих орденов, – говорит Леа, – походит на вмешательство Провидения, которое хочет дать Церкви то, в чем она так остро нуждается. Как только стала явной необходимость в создании специальных и постоянных трибуналов, занятых исключительно

предотвращением распространения грешной ереси, стало понятно, почему они должны быть абсолютно независимы от зависти и вражды местных властей, которые могли пристрастно относиться к виновности и которые, сочувствуя осужденному, могли потворствовать его бегству. Если, в дополнение к этой свободе от местных пристрастий, следователи и судьи были людьми, специально обученными выявлять и обращать еретиков; если они дали определенные клятвы, если они не могли получить от своей работы каких-то материальных благ и не поддавались соблазну удовольствий, то можно было не сомневаться в том, что их обязанности будут выполнены с величайшей точностью, что когда они будут защищать чистоту веры, в деле не будет места ненужной тирании, жестокости или преследованиям, продиктованных личными интересами или личной мстью».^[83]

Несмотря на это, первые заметные, жесты Папы были весьма робкими. Леа с обычной задумчивостью говорит об этом и делает вывод, что в существовании монашеской инквизиции не было насущной необходимости, и она не была установленным орудием духовной дисциплины, по крайней мере, до середины века. Деликатный вопрос, касающийся отношений между епископами и путешествующими инквизиторами, постепенное смещение епископской инквизиции и ее замена – или, возможно, ее усиление появившейся монашеской инквизицией – все это возникало постепенно, без определенного разрыва с прошлым или каких-то необыкновенных новшеств. В 1231 году сенатор Рима ссылается на «*Inquisitores ab ecclesia datos*», а Фридрих II говорит в одном из своих законов от 1232 года о некоем «*Inquisitores datos ab apostolica sede*». В ноябре 1232 года монах-доминиканец Алберик путешествовал по Ломбардии в чине официального «*Inquisitor hereticae pravitatis*». В том же году Григорий IX отправил нескольких монахов-доминиканцев к Генриху I, герцогу Брабантскому. «Их деятельность будет направлена против немецких еретиков», – сказал он. И снова, в 1233 году Папа пишет епископам лангедокским, что «видя, как вы погружены в пучину дел, что под давлением срочных дел вы едва успеваете перевести дух, мы решили помочь вам нести ваш тяжкий груз, чтобы вам стало легче. А потому мы намерены послать к вам монахов-проповедников и приказываем вам почитать их, принять их с добротой и хорошо обращаться с ними, оказывать им уважение и помощь, а также давать им советы, чтобы они могли выполнить свою миссию».

Однако Папа был так озабочен тем, чтобы не проявлять поспешность, или, как предполагает Леа, так плохо представлял себе, как организовать постоянно действующий универсальный трибунал, что когда архиепископ Санский пожаловался на вторжение инквизиторов в его епархию, Григорий 4 февраля 1234 года отозвал их, лишив полномочий, однако предложил, чтобы архиепископ обратился за помощью к доминиканцам в будущем, если вдруг решит, что их опыт может оказаться ему полезным.^[84]

Он также замечает – и это очень важно, что «следует быть очень осторожными, определяя, используется или нет термин «инквизиторы», который так часто встречается в средневековых документах, в отношении инквизиторских судей. Без необходимой осторожности можно найти гораздо больше инквизиторов, чем их было на самом деле. Термин «инквизиторы»... означает дознаватели, следователи, полицейские агенты... и, в весьма узком смысле, церковные судьи, делегированные самим Папой. Нужно очень критично относиться к тому, какое из этих определений подходит к каждому конкретному случаю».

И, наконец, мы не должны забывать о письме, написанном Григорием IX Конраду Марбургскому II октября 1231 года. Доминиканский священник, духовник святой Елизаветы Венгерской, этой нежной и любвеобильной принцессы, был очень важной персоной при дворе Тюрингии. Похоже, он был весьма уважаем Папой и занял в Германии позицию, сходную с теми, которые занимали Петер де Кастельно или Арно Амальрик в Лангедоке. Суровый, мрачный человек, фанатичный в своем усердии и благочестии, он был уполномочен папой Григорием IX на борьбу с еретиками в целом государстве. Потому что стал первым инквизитором Германии.

«Когда вы приезжаете в город, – писал Папа Римский, – созовите епископов, священнослужителей и народ и проведите мессу; потом выберите надежных людей с хорошей репутацией, которые помогут вам выявить еретиков и привести подозреваемых в ереси к вашему трибуналу. Все, кого после дознания сочтут виновными или подозреваемыми в ереси, должны пообещать, что будут полностью повиноваться приказаниям Церкви. Если же они откажутся, вам следует обращаться с ними в соответствии с теми положениями, которые мы разработали».

Здесь, во всяком случае, мы видим различные черты обычной инквизиторской процедуры – «время милости», разоблачение подозреваемых, суд, наложение епитимьи на кающихся еретиков и передача в руки светского правосудия тех, кто не желает отречься от своих ошибок. Прежде чем перейти к детальному рассмотрению этих черт, будет удобно назвать один-два общих пункта, имеющих отношение к инквизиции, не забывая об истинной цели этой работы и избегая искажений, которые очень легко допускают авторы, отступающие от главной темы.

Резюме

В предыдущих главах мы коротко описали период, охватывающий более двух веков, в течение которых ересь появилась и распространилась в разных частях Европы; в это же время всем европейским обществом постепенно развивалась огромная система защиты и законодательств самозащиты против ереси. В первую очередь мы обратили внимание на летаргическое состояние, в котором находилось общество со времен падения Западной империи до года, скажем, 1000-го. Примерно в это время в Северную Италию и Лангедок начинает просачиваться восточная и дуалистическая ересь, представляющая собой, по сути, продолжение манихейства, во всяком случае, именно такой ее видят большинство современников. Она распространяется с удивительной скоростью. В северных королевствах ее повсеместно встречают с враждебностью. В северной Италии и Лангедоке, если не считать парочки пустяковых протестов против ереси, практически ничто не стоит на ее пути.

В Германии и Северной Франции появляются течения разнообразных ересей; постепенно практика сжигания еретиков на костре становится обычаем. К еретикам относятся как к врагам общества; их ненавидят и презирают. Они не сыграли какой-нибудь значительной роли в истории того времени, большинство из них было неграмотными, полубезумными агитаторами, которые равно готовы были выступить как против Церкви, так и против кого или чего угодно. И все же их дикая враждебность к церковным обычаям и правилам, вместе с их резким отрицанием роли священнослужителей нашли молчаливую поддержку у многих людей; понятно, что более серьезное отношение к ним могло бы быть угрожающим. Несмотря на это, никого не пугает положение дел. Разум Европы, достигший необычайной силы в это время, занят куда менее интересными и важными делами. Ни в одном своде законов не говорится о таком преступлении, как ересь, к еретикам относятся с той же презрительной ненавистью, как к разбойникам и ведьмам. В начале описываемого нами периода официальные власти попросту поднимают руки перед ужасными действиями этих людей. Однако их отношение к ним постепенно меняется. Мелкие ручейки ересей постепенно сливаются вместе в два-три мощных потока или канала. Среди этих потоков самые важные – новое манихейство и ересь вальденсов, причем первое считается наиболее важным из двух. Без сомнения, епископы сообщали светским властям, что ересь меняется качественно и что ее нельзя игнорировать без последствий для себя. Этот период длится с начала XI до начала XIII века.

В Италии, а особенно в Лангедоке, один определенный вид ереси, этот новый дуализм с Востока, распространяется вообще без помех. Этот феномен вызван многими причинами. Набирая силу и солидарность, он постепенно теряет расплывчатость и обретает четкие контуры. Его теология ведет к полным, логическим выводам. Он обретает форму антисоциальной философии, ставящей перед собою цель разрушения общества. Из-за него

загнивает любящая удовольствие, яркая южная цивилизация, которая на свою беду пригрела ересь. Церковь, которая к этому времени уже была встревожена, совершает отчаянные попытки противодействовать ереси духовным оружием. Однако уже слишком поздно; Церковь напрасно ищет помощи у светских властей. Наконец, Папа Римский взывает к сознанию Европы и к армиям христианского мира. Затянувшаяся, бесплодная борьба кончается просто прибавлением гигантских территорий к французской короне. Борьба с ересью результатов не дала.

В первую треть XIII века светские власти европейских королевств, наконец-то убедившись в том, что вся структура общества находится в опасности, строят вместе с властями церковными железную систему антиеретического законодательства. К середине века, согласно законам Европы, нераскаявшиеся еретики приговариваются к сожжению на кострах. Таким образом, суд Линча уступил под действием закона.

Сущность средневековой ереси

Итак, в пространном резюме мы пересказали то, чему посвящены первые главы. Если нам удалось сделать это хотя бы немного связно и в нужных пропорциях, то читателю должно стать ясно, что монашеская инквизиция возникла для того, чтобы выполнить абсолютно необходимую функцию. Она стала необходимой связкой между ересью и светскими властями. Светская значимость ереси во многом зависит от особенностей строения общества, в котором она появляется. Это происходит потому, что в любом обществе губительная доктрина непременно входит в конфликт с законной властью. По этой причине в теократии рамки того, что именуется ересью, гораздо больше, чем в любой другой социальной структуре. Мнение, которое в условиях светской монархии можно назвать непатриотичным и даже предательским, при теократии будет сочтено ересью.

Не то чтобы сущность ереси была так уж разнообразна. С точки зрения католиков, коммунизм – это куда большая ересь, чем то, что называли ересью в XIII веке. Однако изменилась шкала ценностей. Существует иной стандарт суждений. Сегодня власть верна нации, и коммунизм рассматривается, скорее, как угроза национальной безопасности, чем как институт, отрицающий догмы христианской веры.

Однако если интересы государства и Церкви совпадают (а если это так, то государство существует внутри Церкви, а не наоборот), то понятно, что положение меняется. Давайте рассмотрим это положение на примере.

В реакции, направленной против системы промышленного капитализма, составляющего основную черту нашего нынешнего социального порядка, мы видим множество людей, отрицающих саму идею частной собственности. Они называются коммунистами. Большинство людей ненавидит их и не обращает на них внимания. Их часто призывают к суду и иногда наказывают. Их учения считаются антисоциальными и предательскими, каковыми, впрочем они и являются. В XIII веке было организовано мощное, фанатичное коммунистическое движение, и власти инквизиции не жалели сил на то, чтобы поймать и привести к суду их лидеров. Они основали еретическую секту, а потому их объявили еретиками и наказывали, как наказывают еретиков. В истории эти люди известны, как духовные францисканцы.

Задача инквизиции

Итак, вот первое, что следует упомянуть в связи с монашеской инквизицией. Перед нею стояла задача сохранить не только чистоту веры, но и безопасность общества. Ее неспособность сделать это привела бы к полному разрушению западного христианского мира. Разумеется, этого не случилось. Средневековая инквизиция была одним из наиболее действенных трибуналов в истории. Ей с триумфом удалось остановить распространение антисоциального яда альбигойства, благодаря чему моральное единство Европы сохранялось еще в течение трех веков. Также важно отметить, что ни один из видов средневековых ересей, на борьбу с которыми встала инквизиция, не был основан на интеллектуальном

протесте против веры. В прошлой главе мы заметили, что ни один средневековый еретик до начала XIV века не оставил после себя хоть сколько-нибудь значимого достижения в области литературы или искусства. Альбигойская ересь больше других видов ересей напоминала заговор. В ней не было и намека на оправдания, как, к примеру, в великих ученых трудах Кальвина, Беза, Цвингли и Меланктона, созданных в XVI веке. А ведь этот век, как и XIII, был веком бешеной интеллектуальной активности! По сравнению с полноводным, величественным потоком средневековых достижений, ереси напоминали собою грязные, отвратительные сточные воды. Или представьте себе Данте, святого Фому, Джотто, Иннокентия III, святого Людовика и других гигантов того времени, стоящих в грузовике с гордо поднятыми головами, дорогу для которых расчищают полицейские. Им, разумеется, приходится отталкивать всяких проходимцев, мешающих движению грузовика, что делается с одобрения всей толпы. С точки зрения средневековых достижений это вовсе не преуменьшение общей важности ересей. Ситуация была бы потенциально опасной, если не относиться к ней критически. Благодаря инквизиции, альбигойская ересь не обрела характер давящей, отчаянной угрозы. Работа по ее обузданию началась вовремя, хотя этот процесс и занял почти целый век.

Несмотря на то, что ожесточенность вырисовывается в мрачной импрессивности гигантских томов Леа, в инквизиции XIII века она имела локальный характер и встречалась довольно редко. К тому же она была направлена, в основном, против альбигойцев, которых заслуженно презирали все. Инквизиция почти не была известна в северной Франции и в скандинавских королевствах. Почти мгновенно она появилась в Англии во время подавления тамплиеров; Португалия и Кастилия ничего не знали о ней до прихода к власти Фердинанда и Изабеллы. Даже в таких странах, как Арагон, Лангедок и северная Италия, ересь распространилась почти исключительно в больших городах и в нескольких признанных центрах еретического сопротивления. В Венеции ее не было до 1289 года; в архивах инквизиции этого города говорится, что смертная казнь за ересь была назначена светскими властями только в шести случаях. В Руссильоне, на арагонской границе: «Короткие исследования неутомимого М. Брутелса проливают свет только на четыре приговора инквизиции. Все были направлены против баронов-грабителей... Непонятно, что произошло с двумя из этих негодяев. Те, чья судьба известна, пострадали лишь после смерти: их кости были выкопаны из могилы и сожжены, причем один раз – через сорок лет».^[85]

Очень жаль, что вся история инквизиции была так тесно связана с противостоянием религии. С одной стороны, можно встретить такой тип писателя, который, говоря о Католической церкви, просто не может не вспомнить «гнусных жестокостей инквизиции», в точности, как если бы человек не мог упомянуть какого-нибудь монарха, не намекая на гнусности Звездной палаты.^[86] С другой стороны, существует апологет, который смотрит на инквизицию как бы украдкой, не слишком-то умело пряча за спиной баночку с белилами. Такой человек стремится постоянно терять нить разговора. Некоторое время он обсуждает преследования протестантов в XVI и XVII веках, и чувствует, что он не столько хочет понять инквизицию, сколько извиниться за нее. А правда состоит в том, что слишком критиковать или, напротив, обелять инквизицию нет необходимости. Прав тот историк, который признает, что инквизиция появилась именно тогда, когда в ней возникла необходимость, что в деле ереси она представляла закон, систему и даже справедливость там, где имела место политическая зависть, личная вражда и ненависть народа. Наконец, если бы обычный, нормальный современный человек внезапно попал в условия Средних веков, то он бы, без сомнения, от всей души поддержал создание инквизиции.

«Если что и нужно для истинного изложения исторических фактов, которые вы описываете, – говорит мистер Беллок, – так это согласие с философией того времени (при этом вы можете абсолютно не принимать эту философию) или, по крайней мере, полное ее понимание, а также то, что люди тех времен абсолютно ничем не отличались от нас... В

случае со средневековой Европой... речь идет о людях, от которых нам передались не только гены: они – наша родня, наши отцы, наша собственная семья... Разумеется, нет необходимости соглашаться с деталями их поступков, такими, например, как их проявления жестокости с одной стороны, и яростное чувство чести – с другой... Но что необходимо желающему стать историком, а не просто популярным автором, повторяющим публике то, что она хочет от него услышать, так это ощущение духа наших предков внутри себя».

Смертная казнь

Без сомнения, главная трудность для современного читателя, пытающегося постичь Средние века, состоит в том, чтобы понять необходимость подавления ереси и введение смертной казни за нее. Казнь кажется нам жестокой, фанатичной и негуманной. Однако стоит напомнить, что попытки сравнить так называемую религиозную нетерпимость Средних веков и так называемую религиозную терпимость современности бессмысленны. В Средние века людей объединяла мораль, нормы которой диктовались Церковью; в наше время людей объединяет политика, определяемая нацией. Церковь и политика почти не касаются друг друга. И как в XIII веке против Церкви выступило альбигойство, так и сейчас против всей нации выступает великий национальный кризис. Таким образом, мы можем сравнить чистый, стихийный и относительно здоровый энтузиазм Средних веков с напыщенным фанатизмом, генерируемым беспринципной газетной пропагандой, каким его называли во время войны. Мы можем сопоставить инквизиторскую процедуру с нашим насилием, направленным против того, чтобы подавить наших духовных противников – секту национальных еретиков. Мы также можем противопоставить силу «анафем» и отречений от Церкви, участвовавших с появлением альбигойства, ярости, которая заставила людей во время войны предать анафеме не только Бернарди и Гогенцоллернов, но и Вагнера, Бетховена, Моцарта, Гете, Менделя, да и, вообще, весь неувыдаемый цветок немецкого гения. Мы можем сравнить папские проклятия еретической литературы с жестким запретом свободных выступлений в любом виде, за чем следит бдительное око цензора. Если мы серьезно задумаемся над этими строчками, то сможем понять или хотя бы приблизимся к пониманию.

И тут же возникает один вопрос. На ком лежит ответственность за введение наказания в виде сожжения на костре для нераскаявшегося еретика или того, который, раскаявшись, затем вновь вернулся к ереси? Ясно, что дать четкий ответ на этот вопрос невозможно. Невозможно свалить за это ответственность на кого-то одного. Однако, без сомнения, Фридрих II был первым монархом, который придал обычаю сжигать еретиков силу писанного закона. Но, как сказал мсье де Козон, «Имперский закон, провозгласивший его (наказание в виде сожжения на костре) сначала в Ломбардии, потом в Сицилии и наконец во всей империи, похоже, является следствием: (1) попыток, уже сделанных в Арагоне, Иерусалиме и Тулузе, а, возможно, и в других владениях; (2) повторных призывов Церкви к светским властям; (3) уже давно существующего обычая в северных королевствах; (4) бесчисленных примеров этого наказания, ставших следствием Альбигойской войны; (5) влияния «ожившего» римского права. Теория, согласно которой Фридрих II несет ответственность за репрессивные меры, особенно за костер... не основана на исторических документах. Совершенно точно, что еще за две сотни лет до времен Фридриха костер был обычным наказанием за ересь, особенно на севере. Сожжение на костре было законным наказанием за ересь в Иерусалиме – в латинских королевствах Востока, в Арагоне и Тулузе. Он был принят и поддержан с ведома пап и епископов, не возражающих против него».^[87]

С другой стороны, было бы совершенно «неисторически» сваливать всю вину на Церковь. Многие авторы пытались сделать это, но эти попытки были просто смехотворными. Например, мистер Г. Б. Коттерилл в книге «Средневековая Италия» заявляет, что «Фридрих Второй арестовал еретиков и передал Григорию, чтобы тот отправил их на костер». Это все равно, что сказать, будто убийц арестовывают палачи и передают их полиции для экзекуции. На самом же деле, первое официальное признание папством смертной казни за ересь

появляется в булле «Ad Extirpanda» которую Папа Иннокентий IV обнародовал в 1252 году – почти через четверть века после закона, выпущенного Фридрихом. До этого времени Церковь официально руководствовалась лишь законами Иннокентия III, согласно которым еретика гласила лишь ссылка и конфискация имущества.

Не сказать бы, что приговор бывал чисто теоретическим: фраза «animadversio debita» была достаточно эластичной и после ломбардийского заявления императора, все – епископы и священнослужители – прекрасно понимали, что она означает. Еще в 1229 году Церковный собор в Тулузе обращается к еретикам, которые, «подавив в себе страх смерти или любого другого наказания, возвращаются к вере», и приказывает, чтобы их «посадил в тюрьму городской епископ для исполнения епитимьи, чтобы они не повлияли на других людей».

На самом деле бесполезно, как указывает мистер Турбервиль, пытаться «счесть мысли и поведение средневековых людей гуманизмом, представляющим из себя продукт исключительно современного мира, который они даже не смогли бы понять».^[88] Леа справедливо замечает, что папы Григорий IX и Григорий XI с «изумленной улыбкой» выслушали бы тезис, что Церковь не могла иметь и не имела отношения к смертному приговору за ересь. Еретиков отправляли на костер не для того чтобы спасти их душу, и не для того, чтобы силой заставить их изменить своей вере, а для того, чтобы предотвратить распространение ереси. Судьба еретика должна была послужить предупреждением для других. Причем Фридрих настаивал, чтобы церемония проводилась «in conspectu populi» (прилюдно – *Примеч. переводчика*). Мы вешаем убийц не за их склонность к убийствам, а для того чтобы предостеречь остальных.

«Церковь и государство в Средние века объединились для того, чтобы предотвратить то, что они считали аморальным и нехорошим для людей».^[89]

Развитие всей огромной системы антиеретического движения стало, таким образом, вещью, в которой было заинтересовано все общественное сознание. Его движущей силой было общественное мнение средневековой Европы. Представлять его как специальное создание единственного человека или как нечто, навязанное обществу определенной партией, – неважно, светской или церковной – значит, совершенно не понимать, в чем дело.

Разумеется, спорно, что Церковь с ее огромным престижем во всех сферах средневековой жизни, могла успешно протестовать против введения смертной казни. К тому же подобный протест мог быть инспирирован только человеческими чувствами, каких в то время еще не знали. Мы должны помнить, что позиция Церкви была построена на безжалостной и непоколебимой логике. Если сегодня у нас иные идеи о свободе сознания, то это не потому, что нам удалось обнаружить ошибку в средневековых способах представлять свои доводы, или потому что мы лучше людей Средневековья, а потому, что в настоящем состоянии общества послышки, на которых средневековые каноники строили свои заключения, стали неприемлемы. Дикий криминальный закон того времени, теократическая структура европейской политики, некоторые отвратительные особенности альбигойской ереси, сделали смертную казнь неизбежной.

Глава 5

Инквизиция в действии (I)

По римскому закону существовало три признанных метода процедуры в криминальном расследовании: *accusatio*, *denunciatio* и *inquisitio*.^[90] Из-за того что полностью одобряла методы последнего, Святая палата и получила свое название – инквизиция. Это был офис инквизиции, то есть офис расследования дел.

Accusatio

В римском процессе *accusatio* (обвинитель) давал суду торжественное обещание доказать свою правоту. Он подавал властям список обвинений и входил в суд через ту же дверь, что и обвиняемый. Если ему не удавалось доказать своих обвинений, то он получал то

же наказание, какое получил бы обвиненный им человек. Это называлось *poena talionis*. Передав дело в суд, его нельзя было забрать, и, таким образом, суд превращался в дуэль между обвиняемым и обвинителем. Председательствующий на суде магистрат вмешивался лишь в тех случаях, когда нужно было что-то уточнить, проверить свидетельские показания и т. д. Обе стороны, разумеется, могли приглашать сколько угодно свидетелей и представлять столько документов и всевозможных доказательств, сколько могли, для того чтобы доказать свою правоту. Однако ни обвинитель, ни обвиняемый не могли выставить вместо себя адвоката – оба должны были явиться в суд лично.

С возрождением в XII веке римского права процедура *accusatio* естественным образом перешла в юридическую рутину и в гражданских, и в церковных судах Европы. До времен Филиппа-Августа она оставалась единственным признанным способом привести преступника к суду. Я говорю, что это был единственный признанный способ. Потому что, естественно, на пути его применения стояли определенные преграды. В случаях убийства, кражи, грабежа и других ужасных преступлений против общества ни в официальном обвинении, ни в обвинителе не было необходимости. Разумеется, такой подход был неприемлем в более пустяковых случаях, потому что, с одной стороны, никому не хотелось играть нелегкую роль обвинителя, а с другой, власти не могли не обращать внимания на такие преступления. Юридические власти непременно должны иметь собственные дисциплинарные силы, в обязательном порядке должны противостоять тем, кто посягнул на их авторитет. И это должен быть не просто апелляционный суд.

Таким образом, становится очевидным, что, какой бы ни была официальная позиция в деле, *accusatio* практически никогда не было более чем вспомогательным орудием законной администрации. Римский закон описал принадлежащую магистрату власть в трех пунктах. Он обладал (1) *imperium*, то есть абсолютным правом, как должностное лицо государства, которое должно выступать против врагов общества; (2) властью сдерживания, то есть силой, способной заставить повиноваться его приказам; (3) властью проводить *quaestiones*, или *cognitiones*, то есть допрашивать тех, кого он призвал к ответу. Иными словами, благодаря его офису, магистрат обладал властью, в корне отличавшейся от той, какая была у простого судьи.

В теории власть устанавливать процедуры *accusatio* принадлежала всем как гражданская привилегия. Однако на практике дело обстояло иначе. В Средние века ни женщины, ни дети, ни профессиональные солдаты, ни отлученные от Церкви, ни подозреваемые в преступлениях не могли воспользоваться этим правом. Формально члены одной семьи не могли обвинять друг друга. Светские лица не могли обвинять священнослужителей и наоборот. Таким же образом еретики, евреи и язычники не могли выступать против католиков. Однако это не касалось тех случаев, когда дело доходило до причинения ущерба собственности или личности обвинителя. В некоторых случаях, к примеру, когда дело касалось государственной измены, ограничений вообще не было. А как только возникло предположение, что ересь походит на государственную измену, то это стало относиться и к ереси.

Неудивительно, однако, что представители Святой палаты с самого начала дали понять, что им не по нраву суды над еретиками с использованием *accusatio*. Николас Эймерик, великий испанский инквизитор XIV века, рьяно противился этому методу, утверждая, что это был абсолютно неподходящий метод расследования в отношении веры, что он чрезвычайно опасен для обвинителей и что он всегда включал в себя долгую, сложную процедуру. Бернар Гуи, инквизитор Тулузы с 1307 по 1323 год, прямо не говорит об этом, но, как и Эймерик, настаивает на том, что все надо делать, как можно проще. В 1261 году папа Урбан IV говорил, что суды инквизиции должны проводиться «в простой и открытой манере, без шумных обвинений адвокатов». Леа вспомнил об одном случае, произошедшем в 1304 году, когда инквизитор Фра Ландпульфо наложил штраф в размере ста пятидесяти унций серебра

на город Теат за то, что тот официально обвинил человека в ереси, но отказался вести его дело.^[91]

Это, разумеется, было не более чем обычное роена talonis, навлеченное неудавшимся обвинением. Однако в связи с другим делом, оно дает четкое представление об отношении инквизиторов. Они всегда были недовольны процедурой accusatio, а потому искали пути препятствовать ей. Причины этого абсолютно понятны.

Во-первых, следует заметить, что удачное обвинение вело к тому, что обвинитель по решению магистрата получал часть наследства обвиняемого. Без сомнения, это играло роль противовеса, являющегося своеобразной компенсацией обвинителю за неприятное участие в роена talionis в случае вынесения приговора осужденному. Однако при таком положении дел открывались настоящие просторы для коррупции. Нам достаточно всего лишь прочесть «Анналы» Тацита, чтобы понять, как все происходило. Даже в золотой век империи мы постоянно встречаем профессиональных обвинителей, занятых своим гнусным делом. Богатый вельможа, подозрительный император, одно слово нанятому шпиону – а потом тщательно разыгранный процесс, основанный на единственном неосторожном слове или жесте, значимость которого многократно преувеличивалась и подтверждалась многочисленными свидетелями. Для невезучего вельможи это был конец. Все были удовлетворены: император избавлялся от опасного, досаждающего ему и вызывающего его зависть человека, а «обвинитель» жирел, получив конфискованное имущество. А если такие вещи становились возможными при великолепно развитой системе безопасности имперского Рима, то, разумеется, они были неизбежны в более свободном и менее стабильном окружении средневековой Европы – особенно, когда рассматриваемый проступок лишь отражался в общественном поведении, а, по сути, являлся делом веры.

И вновь, как замечал Эймерик, процедура, проводимая в соответствии с accusatio, была чрезвычайно опасна для обвинителя. По lex talionis он оказывался под угрозой получить законное наказание за ересь, то есть отправиться на костер. Но и это еще не все. Потому что если он официально обвинил человека в ереси, то ему надо было самому предстать перед судом, и тогда все узнавали, какую роль в деле он играл, как получал информацию и т. д. К тому же все остальные еретики в данной местности узнавали, кто был осведомителем и от кого им было лучше избавиться. И если ересь была широко распространена в этих местах, то он становился практически клейменным человеком. Дело обычно кончалось одинаково: темная ночь, пустынный переулок или маленькая улочка – и наутро его находили с ножом в груди. У нас еще будет возможность вернуться к этому делу и заметить, что даже при системе инквизиции, при которой имена свидетелей всегда тщательно скрывали, еретики часто мстили тем, кто, по их мнению, наступал на их собрата.

По сути, попытка искоренить ересь законными способами, основанными на accusatio, с самого начала была безнадежной. В районах, где среди жителей было большинство еретиков, ни один простой человек, каким бы рьяным верующим он ни был, не мог обратиться в суд с жалобой или обвинением против еретика. А в тех местах, где такой опасности не существовало, никакой инквизитор, каким бы компетентным и опытным он ни был и как бы тщательно он ни соблюдал конспирацию, не мог быть уверен в том, что ему не придется сдаться под лавиной ложных свидетельств и обвинений и осудить невинного человека. И, наконец, перед лицом объективной необходимости быстро и эффективно выступить против ереси, процедура accusatio была невыносимо долгой и нескладной. Поторопить ее можно было лишь в том случае, если удавалось доказать, что промедление угрожает обвинителю. Lex talionis великолепно сдерживал ложь, какой бы изощренной она ни была. Обвиняемый предстал перед своим обвинителем и мог узнать, какая вина ему вменялась. Однако требовалась определенная защита участников действия от толпы, но в те времена таких вещей еще не существовало. Дела не считали нужным вести со спешкой, чтобы поскорее справиться с живой угрозой всему обществу.

«Хорошо, что у современного цивилизованного правительства, – пишет мистер Никерсон, – сильного своими связями с общественностью, есть возможность защищать обвиненных в преступлениях. Средневековые условия напоминали те, что сейчас существуют в приграничных районах, где обвиняемый может с легкостью ускользнуть от правосудия. Но если это происходит, правосудие может принять быстрые и жесткие меры. В противном случае его бы не существовало... Наша судебная процедура тщательно разработана, но в ней лишь в теории существует утверждение о том, что *лучше* отпустить виновного, чем наказать невинного. А эта теория, в свою очередь, кажется разумной лишь в том случае, если допустить, что обществу побег обвиняемого не причинит вреда.

С. другой стороны, там, где речь идет о жизни или о безопасности целого общества, дела должны принять совершенно иной оборот. Возможно, хорошим примером может стать современная система военного правосудия. Никто не сомневается в необходимости поддерживать в армии суровую дисциплину. Соответственно военные суды обладают широкими полномочиями. И почти все судьи хором заявляют, что если дела ведутся опытными офицерами, то ошибки в судопроизводстве случаются крайне редко; однако если бы подобная суровая система применялась в обществе, то она привела бы к его разрушению... Без сомнения, широкие полномочия позволяли инквизиции совершать ошибки в правосудии, но, скорее всего, ни одна система, позволяющая «перечить судьям» (как это представлено в справочниках об инквизиции), не смогла бы справиться с делом.^[92]

Denuntiatio

Как бы там ни было, тот факт, что процедура *accusatio* не подходит для судов над еретиками, был признан задолго до установления монашеской инквизиции. К тому времени, когда Иннокентий III вззошел на папский престол, церковные суды почти полностью отвергли ее в пользу процесса, называемого *denunciatio cum promovente*. По римским законам *denunciatio* никаким образом не связывало обвинителя. Он просто вручал свидетельство суду, и все дело велось одним судьей. Таким образом, он не участвовал в *roena talionis*, даже если обвинения не подтверждались. Он выступал в роли члена общества, который сообщает гражданским властям о каком-то преступлении или нарушении, и на этом дело для него кончалось. Разумеется, с ним держали связь, чтобы в случае необходимости он мог предстать перед судом, однако он делал это лишь по приказу магистрата, а не по собственной инициативе как обвинитель.

Без сомнения, это была довольно бесформенная процедура. Но она с ранних времен занимала свое место в обычном порядке внутренней церковной дисциплины. О священнике или монахе, сошедших с тропы ортодоксии, «докладывали» епископу или аббату; такой «доклад», как правило, следовал за некоего рода полуофициальными увещеваниями или братскими предупреждениями.

Однако в течение XII века стало ясно, что без вмешательства в антиеретическую процедуру и без ее урегулирования не обойтись. Простое *denunciatio* хорошо срабатывало в те дни, когда ересь была всего лишь формой мелких монашеских преступлений, к тому же весьма редких. Однако теперь она стала делом, которое касалось всего общества, на подавление которого и светские и церковные власти бросились с равным рвением. Соответственно мы видим развитие процедуры, называемой *denunciatio cum promovente*. Она взяла свое начало при епископских дворах, однако к XIV веку твердо установилась и в светских. Ее главное новшество состояло в представлении «импрессарио», который брал на себя роль обвинителя в *accusatio*. Ведя дело, он просто брал показания у обвинителя, обладал властью вызывать в суд любых свидетелей и так далее. Его можно считать своего рода общественным обвинителем.

«Институт «импрессарио», – говорит мсье де Козон, – был, вероятно, самым важным изменением в юридической процедуре со времен античности. Он полностью изменил манеру

ведения дела, направленного на подавление преступления. Речь шла уже не о личном возмездии, а, скорее, о сохранении общественного порядка».^[93]

Мы скоро увидим, что, избавив обвинителя от груза необходимости официально доказывать свои обвинения под страхом наказания, процедура *denunciatio* убрала важное препятствие на пути быстрого и эффективного определения такого преступления, как ересь. Однако без обвинителя все еще нельзя было обойтись, потому что обвиняемого не могли осудить без него. К примеру, еретик должен был предстать перед епископом или священнослужителями до того, как ему что-нибудь скажут или сделают.

По этой причине, установление в 1184 году того, что весьма расплывчато называли епископской инквизицией, мы получаем целую серию заявлений с требованиями к некоторым лицам вынести обвинения. Церковный собор Вероны, призвавший епископов или их представителей по крайней мере два раза в год посещать те приходы, в которых была замечена ересь, дал им власть требовать у людей, которых именовали синодальными свидетелями, называть имена всех подозреваемых в ереси, чье поведение или привычки отличались от поведения образцовых католиков. Подобные же декреты были изданы Церковными соборами в Авиньоне в 1209 году и в Монпелье в 1215 году; они были ратифицированы Четвертым Генеральным латеранским церковным собором. Церковный собор в Нарбонне в 1227 году зашел еще дальше, потребовав, чтобы в каждом приходе были названы синодальные свидетели, которым вменялось в обязанность искать еретиков. А двумя годами позже Тулузский церковный собор выпустил еще более точное правило: «Мы велим, чтобы архиепископы и епископы выбирали в каждом приходе по одному священнику и по два-три прихожанина с хорошей репутацией (а при необходимости и больше) и обязывали бы их усердно, верно и регулярно искать еретиков в своих приходах. Они должны искать в домах и в подвалах, которые кажутся им подозрительными. Они должны искать скрытые чердаки и другие секретные убежища, а при обнаружении должны их разрушить. А если они найдут еретиков, то должны как можно быстрее сообщить о них, чтобы они получили заслуженное наказание».

Так обстояли дела в конце Альбигойской войны и до того времени, когда Григорий IX официально приказал монахам нищенствующих орденов бороться с ересью. С одной стороны, были светские власти, высказывавшие единодушное согласие с тем, что ересь была преступлением против общества, а потому еретиков следовало наказывать так же, как государственных изменников. С другой стороны, существовали епископы, одинокие судьи, которые должны были решать, что называть ересью. Сотрудничество между ними всегда инициировалось последними с помощью синодальных свидетелей, которые были в каждом приходе. Те называли епископам обвиняемых, и они судили их, а в крайне трудных случаях передавали их дела на рассмотрение судов светских. Синодальным свидетелям приказали действовать, причем не только как пассивным наблюдателям, а как активным агентам и шпионам, состоящим на службе у Церкви. На бумаге все это кажется грозным и безжалостным. Можно подумать, будто у еретиков не было способа избежать судилища и что поимка и казнь их всех были лишь делом времени. Однако на практике весь этот гигантский механизм никогда толком не работал. Епископы были заняты своими пасторскими обязанностями и не были готовы взвалить на себя дополнительный груз без посторонней помощи. Что касается синодальных свидетелей, то их позиция была действительно опасной и вызывала отвращение. Это был своего рода компромисс между старой процедурой *denunciatio*, по которой осуждение еретиков зависело от индивидуальных, спонтанных действий, и хорошо развитой инквизиторской процедурой, согласно которой обязанностью всех истинно верующих было осудить еретика.

Inquisitio

Что касается римской процедуры инквизиции, для нашей цели достаточно заметить, что, согласно ей, преступника формально никто не обвинял. Ему приказывали явиться к судье в

качестве подозреваемого, а потом его допрашивали обычным способом. Судья, руководствовавшийся сплетнями или какой-то, полученной им, специальной информацией, занимал кабинет магистрата – публичного обвинителя. Обычно в процедуре дознания он сам вел все дело, сам вызывал свидетелей и вел перекрестные допросы.

Эта процедура с некоторыми изменениями в каждом конкретном случае была принята монашеской инквизицией. Разумеется, в целостную, связанную систему она превратилась не за день и даже не за год. Можно исписать много страниц, прослеживая ее развитие с самого начала, показывая, как она впитала в себя некоторые черты, действуя по необходимости в каждом конкретном случае, как она справлялась с трудностями, обходила препятствия и т. д. Однако такое исследование было бы слишком длинным и утомительным. Поэтому мы попробуем дать общее описание развитой инквизиторской процедуры, какой она была, скажем, в конце XIII века.

Первым делом очень важно обратить внимание на несколько пунктов, связанных с работой Святой палаты, и хорошенько осознать их. Все действия, влекшие за собой наказания, можно разделить на три категории. Все несоблюдения моральных законов без исключения считались *грехом* против Бога; нанесение увечья человеку, преступление против государства или оба этих преступления, вместе взятые. Таким образом, позиция инквизиции была следующей: необходимо было выяснить, виновен ли обвиненный в определенном грехе, в грехе ереси или в неподчинении правде Господней. Инквизитор выступал в роли официального представителя духовной власти. Однако по соглашению с Церковью и государством конкретное преступление против Церкви могло также быть объявлено преступлением против государства. А поскольку преднамеренный мятеж против Господа не может быть наказан человеком, все карательные акции, направленные против еретика, приводились в исполнение светскими властями, которые наказывали светское преступление. Строго говоря, инквизиция вообще не имела к этому отношения; когда инквизитор передавал дело еретика в руки светских властей, он попросту лишал закостеневшего грешника защиты Церкви, заявляя, что тот самовольно вступил в противостояние с законом Божиим, а потому его может наказать лишь суд человеческий.

Однако если только еретик высказывал желание исправиться и был готов признать свои ошибки, то о светском суде и речи не заходило. Инквизиция была в первую и последнюю очередь институтом покаяния и привлечения людей в лоно Церкви, а не суровым трибуналом. Ее единственным желанием было добиться у обвиняемого обещания повиноваться Церкви. Без сомнения, именно эта черта инквизиции воодушевила де Местра объявить, что инквизиция была наиболее милосердным трибуналом во всей истории. Это заявление звучит фантастически и, разумеется, является невероятным преувеличением. Однако следует признать, что оно не лишено некоторых оснований. Потому что вся система светского правосудия направлена на установление вины обвиняемого, которое необходимо для назначения ему соответствующего наказания. С другой стороны, инквизиция желала только признания вины – признания того, что ересь была виной и вообще отвратительной вещью, – с тем, чтобы обвиняемый мог воссоединиться с Церковью. Инквизитор, как замечает мистер Никерсон, оказывался в уникальном положении судьи, который вечно пытается взять на себя роль отца-исповедника. Инквизиция вообще не налагала наказаний, все ее действия были направлены на покаяние, а не на наказание. В этом смысле все инквизиторы утверждали, что всего лишь отпускают грехи. Они старались обратить и вернуть людей в истинную веру, а не покарать их. С их точки зрения, ересь была даже не преступлением, а грехом, полностью признав который и покайся в нем, грешник мог получить оправдание.

Я уже говорил, что этот факт чрезвычайно важно осознать, для того чтобы понять методы и действия Святой палаты. Если этого четко не осознать, инквизиция будет казаться не просто чудовищем, но чудовищем неумным и бессмысленным. К примеру, у нас будет

шанс позднее обсудить, с каким неодобрением инквизиция относилась к вмешательству в ее методы дознания адвокатов и юристов. Разумеется, как мы увидим, тому было несколько причин. Однако, с точки зрения инквизитора, уже сам факт отказа обвиняемого от помощи юриста говорил о том, что перед ним грешник, а не преступник. Зачем, собственно, грешнику адвокат, который будет защищать его? Обратите внимание на то, что это вовсе не предположение о вине осуждаемого; это всего лишь предпосылка, указывающая на то, что принятие простого решения виновен грешник или нет, лежит только на инквизиторе. Если он оказывался невиновным, то, разумеется, сказать больше было нечего. У виновного было два выбора. Либо он признается в своем грехе, и тогда получит оправдание и на него наложат епитимью; либо он будет настаивать на своих заблуждениях, и тогда его передадут в руки светских властей. В первом случае он возвращался в лоно Церкви – эдакая заблудшая овечка возвращается в стадо. Во втором случае он умирал, открыто выступив против Господа. С точки зрения инквизитора, каждый еретик, переданный в руки светских властей, был безнадежен. Ни инквизиция, ни священники не должны были больше им заниматься.

А вот когда дело касалось инквизиции, события развивались следующим образом. Каждый инквизитор курировал определенную территорию – чаще всего, весьма обширную. К примеру, к концу XIII века на весь Лангедок было всего два инквизитора, два – на Прованс и четыре – на остальную часть Франции. У каждого из них была своя штаб-квартира, в которой проводились суды и велись все записи. Обычно для этой цели использовались помещения Доминиканского монастыря, а когда это было невозможно, как, например, в Памьере, для инквизиторского суда выделялась комната в епископском дворце. В Тулузе Святая палата устроила себе штаб-квартиру в доме, подаренном святому Доминику в ранние годы правления Петра Селлы. Дом был расположен недалеко от замка Шато Нарбонэ.^[94]

Не стоит удивляться тому, что монахи часто выражали нежелание заниматься делами инквизиции. И не из-за того, что эта работа требовала почти нечеловеческого напряжения и невероятной настороженности, не из-за того, что на инквизитора ложилась громадная ответственность, – все дело было в том, что он оказывался в ненадежной и опасной позиции, согласно папским указам, монах не имел права отказаться от официального назначения. В противном случае он рисковал навлечь на себя недовольство Папы. Францисканская система предполагала, что никто не может возглавлять инквизицию больше пяти лет.^[95] У доминиканцев не было подобных ограничений: к примеру, Бернар Гуи был инквизитором Тулузы больше шестнадцати лет.

Приступив к своим обязанностям в Лангедоке, инквизиторы обнаружили, что еретиков там очень много, они сильны и невероятно враждебно настроены. Заботясь о собственной безопасности, они стали вести все свои дела из штаб-квартиры в Тулузе, откуда вызывали к себе еретиков со всего района. Однако в 1237 году Лангедок посетил легат Джон Венский, который выразил недовольство тем, как там велись дела. Он приказал, чтобы в будущем инквизиторы сами ездили по стране, посещали те города, в которых, по донесениям, ересь пустила наиболее глубокие корни, и проводили бы расследования на местах. Результаты этого приказа не заставили себя ждать.

В ночь с 28-е на 29-е мая 1242 года инквизитор Гийом Арно, мирской брат Стефен из Сен-Тибери, были убиты еретиками в замке Авиньонет вместе со своими нотариусами, несколькими клерками, тремя другими мирскими братьями, каноником Тулузским и приором Доминиканского монастыря.

Доминиканцы из Лангедока обратились к Папе Римскому Иннокентию IV, перечислив тому все ужасные препятствия, стоящие у них на пути, сообщив, что лишь некоторые из них привели к страшному кровопролитию. Монахи просили избавить их от опасных обязанностей, возложенных на них Папой. В этой просьбе им отказали. А вскоре инквизиторы Бернар из Ко и Джон из Сен-Пьера были назначены на места несчастных, погибших в Авиньонете. Однако Папа принял во внимание жалобы монахов на подстерегающую их опасность и позволил им

вести дела в тех местах, которые они считали наиболее безопасными для себя. Его рекомендации были подтверждены в 1246 году Церковным собором в Нарбонне.

В обычном порядке вещей инквизитор путешествовал по своему району, останавливаясь в различных доминиканских и францисканских монастырях.

Естественно, он проводил больше времени в своей штаб-квартире, а не в других местах. Однако ему было необходимо посетить множество мест, и каждые два-три года он заезжал во все города и деревни, в которых была замечена ересь. Иногда о его прибытии не объявляли заранее, и тогда люди бывали ошарашены внезапными слухами, что среди них находится его высокопреосвященство *Inquisitor hereticae pravitatis*. Однако чаще всего о его прибытии сообщали заранее: устные объявления об этом делались в церквях, а письменные расклеивались на церковных дверях и официальных досках объявлений. Когда герольды сообщали о приближении инквизиторского кортежа, верующие выходили инквизитору навстречу из городов и деревень и приветствовали его на дороге. Процессия молча проезжала мимо них, и инквизитор проходил в отведенную ему в монастыре резиденцию.

В глазах верующих престиж инквизиции был очень высок. Инквизитора чтили и уважали, к нему относились как к хранителю веры, способному остановить распространение ереси среди людей. В дела инквизиции не позволялось вмешиваться. Когда инквизитор сообщал о намерении обратиться к народу, ни одна из церквей не могла проводить мессу в это время, потому что обращение инквизитора относилось ко всем людям. Об этом особо говорилось в многочисленных папских буллах; анафеме предавались те фальшивые проповедники – тайные приверженцы ереси – которые, суля людям индульгенции, пытались отвлечь людей, чтобы те не ходили на массовые собрания, устраиваемые инквизитором.

Вся организация, весь порядок процедур, проводимых Святой палатой, были основаны на том, чтобы безжалостно избавляться от всего, что могло помешать удачной борьбе с ересью. Не только всем кюре запрещалось даже рот открывать, когда говорил инквизитор, не только всем истинным католикам предписывалось всеми силами помогать инквизиторам в выполнении их миссии. Святая палата имела полную власть над светскими судами. Если преступника, обвиняемого в светском преступлении, вдруг начинали подозревать в ереси, магистрат был обязан приостановить его дело. Этого человека немедленно передавали под юрисдикцию Святой палаты, и светские власти больше не имели права трогать его. Требование предстать перед инквизитором считалось самым главным. И наоборот, если подозреваемый в ереси человек совершал какое-то светское преступление, то магистрат не мог судить его до тех пор, пока инквизитор не давал на это разрешения.

Местные кюре имели большое количество разнообразных обязанностей, которые должны были помочь инквизитору без помех выполнять свое дело. Кюре должны были следить за тем, чтобы наказания, налагаемые инквизицией, неуклонно исполнялись, они должны были переводить все официальные документы, касающиеся людей; должны были осуществлять подготовку к отправке в святые места согрешивших и получивших епитимью в виде паломничества; должны были доставлять в суд свидетелей по их воле и против нее; должны были вести приходские журналы, в которых тщательно записывались имена тех, кто без уважительных причин не приходил к мессе по воскресеньям или не праздновал пасху. Можно себе представить, что в тех приходах, где ересь была широко распространена, тщательное исполнение всех этих предписаний было, без сомнения, нелегким трудом. Однако за кюре следили, и если они без рвения относились к своим обязанностям, их могли заподозрить в ереси.

На следующий день после прибытия в район или через короткое время после него, инквизитор собирал в главном соборе людей и во время церковной службы рассказывал им, какие обязанности на него возложены. Все еретики должны были прийти в церковь и признаться в своих ошибках. Период – «время милости», как его называли, когда еретики

могли сделать это, обычно длился от пятнадцати до тридцати дней. Любому еретiku, который каялся в своих прегрешениях во «время милости», бояться было нечего. Сообщив инквизитору обо всех своих деяниях и прегрешениях, еретик мог вернуться в лоно Церкви – разумеется, после исполнения наложенной на него епитимьи. Он предстал перед инквизитором просто как согрешивший человек, желающий получить покаяние. Те, кто тайно предавался ереси, получали обычное наказание в форме исполнения специальных церковных обрядов и других религиозных отправлений. Тем, кто открыто признавался в своих еретических убеждениях и отворачивался от Церкви, предписывались более строгие наказания, состоящие обычно из паломничества в святые места, в особых постах или в исполнении каких-то принятых в подобных случаях церковных епитимий. Однако все эти люди в знак того, что они полностью раскаялись в приверженности к ереси, должны были назвать имена всех известных им еретиков.

Здесь мы видим еще один пример полной безжалостности, которая отличала инквизицию. Не стоит искать в записях Святой палаты каких-либо проявлений справедливости или порядочности, а если мы и попытаемся сделать это, то наши поиски окажутся безрезультатными. Когда дело касалось задержания и привлечения к суду подозреваемых в ереси, никакие требования не казались слишком жесткими или хитроумными. На пути инквизитора не должны были стоять ни чувства, ни рыцарский дух. Все должно было быть направлено на то, чтобы привести каждого еретика к церковному трибуналу. А когда он оказывался перед судом, все усилия были направлены на то, чтобы заставить его признаться в своих прегрешениях и искренне захотеть воссоединиться с Церковью. Меньше всего инквизиция хотела отправить человека на костер, потому что казнь была показателем того, что Святая палата не выполнила своего предназначения.

Разумеется, инквизиторы никогда не отступали от непоколебимой решимости полностью покончить с ересью. Однако уничтожить ересь – это вовсе не значит убить всех еретиков. Инквизитор прежде всего был священником и официальным представителем духовной власти. Его единственной задачей была забота о душах людей и их спасении. При этом инквизитор и не думал о тех страданиях, которые придется перенести еретiku, отправленному на костер. Зато он знал, что человек, умирающий в состоянии смертного греха, навлекал на себя все ужасы вечного наказания. А поэтому все, что можно было сделать для спасения его души, считалось обязанностью инквизитора, от которой он не мог отказаться.

Для помощи в борьбе с ересью инквизиция нанимала большой постоянный штат сотрудников, состоящий из посыльных, нотариусов, личных вассалов, юристов, работников тюрем, докторов, парикмахеров, привратников и так далее. В некоторых частях Италии и Испании инквизиторы нередко нанимали вооруженных людей, для того чтобы те ловили еретиков и приводили их в суд, а вот во Франции и в Лангедоке эти обязанности брали на себя представители светских властей. Что касается числа непосредственных помощников инквизиторов, то из письма архиепископа Эмбруна инквизитору Флоренции мы узнали, что штат инквизитора состоял из двух нотариусов, двенадцати других лиц, именуемых «близкими друзьями», и четырех советников. Инквизитору дается указание «выбрать себе этих служащих, но не более того». В Памьере, что в Лангедоке, в инквизиторской тюрьме работали один тюремщик, два тюремных надзирателя с женами и еще один человек, чьи обязанности не описываются.

Ведение записей

Одна из наиболее удивительных вещей в инквизиторской процедуре состоит в том, какой огромный труд и усилия прикладывались для того, чтобы аккуратно вести записи. Каждое слово, сказанное во время судебных процессов, каждая деталь перекрестного допроса, проводимого нотариусом, тщательно записывались на пергамент, который бережно хранился. Архивы инквизиции выросли до невероятных размеров. И нельзя сказать, чтобы

документы хранились в старых пыльных буфетах, из которых их никто никогда не вынимал. Нет, на каждый из них была заведена карточка в специальном каталоге, составлялись списки всех еретиков, представших перед трибуналом, дела хранились в доступных местах, и ими постоянно пользовались. Мы узнаем о том, что некоторые еретики через тридцать – сорок лет после публичного отречения от ереси вновь возвращались к ней, и это становилось известно инквизиции. К примеру, во время допроса пожилой женщины, которая предстала перед судом инквизиции в 1316 году, с помощью записей было обнаружено, что еще в 1268 году она привлекалась судом за ересь и вернулась в лоно истинной Церкви, а потому, мы видим, как записи были полезны инквизиции.

Допросы, организация и ведение всеми делами, переработка гигантской массы информации лежали на плечах нотариусов, которые, без сомнения, были наиболее важными и ответственными работниками младшего состава Святой палаты. До 1561 года, когда папа Пий IV дал на это разрешение, инквизиторы не могли сами нанимать нотариусов. Их следовало выбирать из тех нотариусов, которые работали в гражданских судах, или из членов религиозных орденов, которые имели опыт работы в монастырях. Однако, не имея возможности выбрать нотариуса по своему усмотрению, инквизитор мог лишь временно нанять двух священников или непрофессионалов. Как и все, кто имел официальную связь с инквизицией, нотариусы до того, как приступить к своим обязанностям, должны были поклясться хранить в тайне все, что касалось их работы. Они присутствовали на всех перекрестных допросах, записывали все вопросы, задаваемые осужденному, а также разъясняли их. В некоторых случаях нотариусы присутствовали при аресте подозреваемых в ереси и помогали доставить их в суд.

Позиция инквизитора

Во всем, что касалось ведения судебных процессов, инквизитор был абсолютно свободен. Все, кто каким-то образом препятствовал его работе, объявлялись врагами Церкви и получали тяжелый обвинительный приговор.

Таким образом, принц или вельможа, отказывающиеся помогать светским властям в выполнении вынесенного наказания нераскаявшимся или раскаявшимся в ереси, но вновь вернувшимся к ней еретикам, а также сомневающиеся в необходимости изменить законы, мешавшие Святой палате выполнять ее работу, или отказывающиеся внести в имперскую Конституцию статьи, касающиеся наказания еретиков, сами могли быть отлучены от Церкви. Это было делом непростым; такое отлучение означало, что все вассалы знатных людей освобождались от клятв верности им и что они сами ни под каким предлогом не могли входить в церковь. Этим людям запрещалось общаться с верующими. Их враги могли без страха открыто выступить против них. И, что было самым тревожным, если эти люди в течение года и одного дня не пытались вернуться в лоно Церкви, их автоматически начинали подозревать в ереси.^[96]

Папы Римские фактически не сделали ничего, что могло бы увеличить достоинство и престиж института инквизиции в глазах людей. Инквизитор обладал всеми правами и привилегиями. Ему принадлежала вся полнота духовной власти. Возражать ему в чем бы то ни было означало встать на сторону дьявола. Тут и появились еретики, заявлявшие, что Папа Римский был антихристом, что Иисус Христос не был ни человеком, ни святым, что брак был большим преступлением, чем инцест, что самоубийство – это наивысшее проявление добродетели и тому подобное. Понятно, что в деле подавления подобной богохульской философии не могло быть полумер: «кто не с нами, тот против нас». Однако ересь, с точки зрения Церкви, была в первую и последнюю очередь грехом, в котором можно было признаться священнику и за который грешник мог получить отпущение грехов. Ненависть к ереси не обязательно оборачивалась ненавистью к еретикам. Интересно, что Церковь, полная непоколебимой решимости искоренить ересь, настаивающая на действенной поддержке светских властей, тем не менее настаивала, чтобы окончательное решение о том,

что такое ересь и кто такие еретики, оставалось только за инквизицией. Церковь признавала отсутствие прецедентов в развитии инквизиторской процедуры. Самым главным было обеспечить, чтобы все подозреваемые в ереси и еретики предстали перед трибуналом – этой цели было подчинено абсолютно все.

Трудно преувеличить огромную сложность и ответственность позиции инквизитора. Он должен был выполнить не только относительно простое задание обнаружения преступника – нет, инквизитор должен был деликатным образом проникнуть в его мысли. Сделав это, ему следовало убедить грешника изменить свой образ мыслей, чтобы привести того к спасению и возвращению в лоно Матери Церкви. Количество еретиков, которые открыто и с готовностью рассказывали о своих еретических верованиях и надевали на себя венец мученичества ради воссоединения с Церковью, было ничтожным. Лишь полное невежество и незнание истории могло породить сравнение, которое я встретил в серьезных учебниках по этой теме: в них средневековые еретики Лангедока сравнивались с мучениками первых времен христианства. Подавляющее большинство первых стремилось путем всевозможных уверток и уловок под перекрестным допросом установить собственную ортодоксию. Например, опасаясь ареста, они всеми силами демонстрировали приверженность Церкви и даже регулярно ходили к мессе, чтобы отвести от себя возможные подозрения.

Правила, касающиеся назначения и смещения с должности инквизиторов

Несмотря на обладание огромной властью в проведении расследований, инквизиторы тем не менее были связаны строгими правилами орденов, в которых они состояли, и большим количеством специальных законодательств. Вероятно, нет необходимости указывать на то, что инквизиторами становились лишь честнейшие и чистейшие люди, обладающие множеством различных талантов. Разумеется, в ранние времена совершались и ошибки при назначении инквизиторов; к примеру, такой ошибкой было назначения отпетого бандита Роберта Боугра, о котором мы поговорим позднее. Однако число нечестных, подвергнувшихся коррупции инквизиторов, крайне мало. Можно почти с полной уверенностью сказать, что к концу XIII века Святая палата стала хорошо организованным трибуналом, которую отличали большое уважение к законам и незапятнанная репутация ее руководителей.

Однако следует признать верность утверждения, что инквизиция была организацией, которой – даже будь в ее составе одни святые – трудно было удержаться от злоупотреблений и коррупции. Бернар Гуи оставил нам весьма впечатляющее описание идеального инквизитора: «Он должен быть усердным, горячим сторонником религиозной правды, должен бороться за спасение душ и уничтожение ереси. Он должен всегда – и в трудные времена, и на суде – оставаться спокойным и сдержанным, он не должен давать волю гневу и чувствам. Это должен быть смелый человек, готовый при необходимости встретить смерть; не убегая от опасности из трусости, он, однако, должен избегать ее. Он должен быть глух к мольбам представших перед трибуналом еретиков и к их предложениям о взятках; впрочем, ему не следует ожесточать свое сердце настолько, чтобы отложить или смягчить наказание, как этого время от времени требуют обстоятельства.

В сомнительных случаях он должен быть очень осторожен и не должен верить тому, что кажется очевидным, а на самом деле может оказаться фальшивым; с другой стороны, он не должен упрямо отказываться верить тому, что может на первый взгляд казаться невероятным, но являться истиной, как это часто бывает. Он должен тщательно обдумывать каждое дело, чтобы принять верное, справедливое решение...

Наконец дайте ему, как хорошему судье, возможность сохранить в своих приговорах, которые бывают такими жестокими, верность юстиции, потому что несмотря на внешнее самообладание, он испытывает сочувствие, потому что гнева, который ведет к повторным

преступлениям, можно избежать... и никогда не позволяйте ему колебаться под действием мстительности и алчности».^[97]

Люди с таким количеством всевозможных добродетелей встречаются редко во все времена. Однако почти все добродетели, названные Бернаром Гуи, так или иначе связаны с папскими буллами и энцикликами, которым была дана сила дисциплинарных законодательств. По существующим правилам инквизитором не мог стать человек моложе сорока лет. В качестве предосторожности против плохого настроения или природной сварливости инквизитора, которые могли привести к поспешным, плохо обдуманым решениям, было принято решение записывать все, о чем говорилось на дознании, а потом передавать записи местному епископу, что исключало возможность попадания дела в руки светских властей без его санкции. Больше того, все обвинения, с которыми обращались к инквизитору, все допросы обвиняемых должны были проводиться в присутствии по крайней мере двух свидетелей.

Генералы орденов так же, как и архиепископы имели полное право временно отстранять инквизитора от исполнения обязанностей в случаях, когда он проявлял небрежность или некомпетентность при расследовании. Если причиной его небрежности становилось невежество или некоторая временная беспечность, его просто снимали с поста и заменяли другим инквизитором. Так же поступали, если выяснялось, что у инквизитора плохое здоровье или дурной нрав. Однако если можно было заметить, что инквизитор не может исполнять свои обязанности в силу обычной лени или слабости воли, если он был виновен в намеренной жестокости приговоров или если им руководила личная ненависть к обвиняемому, его не только снимали с должности, но и отлучали от Церкви в присутствии самого Папы Римского. Тот же приговор ждал инквизитора, который позарился на мзду, предложенную ему взяточниками, за смягчение или, напротив, ужесточение приговора, а также тех инквизиторов, кто пользовался своим положением в корыстных целях. Если становилось известно, что инквизитор принимал взятки или налагал штрафы для собственной выгоды, то с него не снимали анафемы до тех пор, пока он не исправлял свою вину.

Поскольку всем епископам было предписано немедленно сообщать Папе Римскому о случаях, когда главы религиозных общин не сразу заменяли некомпетентных или чрезмерно усердных инквизиторов, и, что на всех инквизиторов была возложена обязанность следить за действиями других инквизиторов и доносить об их злоупотреблениях и недостатках главам религиозных общин, то не стоит и говорить о том, что все эти действия подразумевали полную чистоту и честность лиц, исполняющих эти действия. Без сомнения, инквизитор обладал властью, которая делала его практически автократом в собственном дворе и позволяла, если ему этого хотелось, бесчестно и сурово вести суд. С другой стороны, ему постоянно грозили серьезнейшие кары за злоупотребление данной ему властью.

А теперь давайте коротко остановимся на деле ужасного разбойника, Роберта Боутра. Этому раскаявшемуся еретику, члену Доминиканского ордена Папа Григорий IX в 1233 году доверил вести борьбу с ересью в Северной Франции. Проведя расследования в Перонне, Элинкуре, Камбре, Дуайе и Лилле и приговорив к сожжению на костре нескольких человек (при этом он добродушно замечал, что его миссия состоит не в том, чтобы обращать еретиков, а в том, чтобы их сжигать), он обратил свое внимание на Шампань. В деревушке Монвимер Боугр обнаружил большую еретическую общину, возглавляемую неким манихейским епископом по имени Морани. Были проведены аресты, и не прошло и недели, как Робер вынес осуждающий приговор ста восьмидесяти еретикам. 19 мая 1239 года при большом стечении народа, а также в присутствии короля Наваррского, графа Шампаньского, архиепископа Реймского и многих других высокопоставленных церковных и светских лиц все эти еретики вместе со своим епископом были сожжены заживо.

Как обычно, холокост вызвал настоящую сенсацию. Папе Римскому были немедленно направлены жалобы, началось расследование. В его ходе выяснилось, что все жалобы на поведение Робера не были преувеличением. Когда это подтвердилось, Боугр был немедленно снят с поста и пожизненно отправлен за решетку.^[98]

Честность, присущая инквизиторам

Такого дикого взрыва фанатизма Франция еще не знала, а потому он был встречен самым серьезным осуждением. Традиционное представление об инквизиторе, как о диком, безжалостном изувере, грешащем против всех людских и Божьих законов и торжественно уверявшем при этом, что он предан делу Христа, не имеет под собой никаких оснований. Как правило, человек, известный своим горячим нравом или поспешными суждениями, не мог бы занять пост инквизитора. Не совсем верно, но близко к истине представлять среднего инквизитора терпеливым, даже трудолюбивым человеком, который постоянно озабочен своим положением, думает о спасении не только души каждого еретика, но и его телесной оболочки, который приветливо общается с попавшими к нему людьми, безжалостный только к не подчиняющимся и не желающим каяться. Недавно это обсуждалось в пьесе мистера Шоу «Святая Иоанна».

Всем членам Святой палаты строжайшим образом запрещалось принимать любые подарки. Это было полезное и необходимое предостережение. Разумеется, содержание трибунала, требующее, без сомнения, немалых затрат, было делом властей – церковных или светских, а деньги на это брались из штрафов и конфискованного имущества еретиков. Дальше у нас будет возможность подробнее поговорить об этом. Однако если не считать официальных трат, становится понятно, что у инквизиторов было немало возможностей для получения взяток. Нам известны случаи, когда обвиняемые или осужденные лица пытались подкупить родственников инквизитора, надеясь достичь с ним нечто вроде дружеского договора о том, что он наложит какую-нибудь простенькую епитимью. Это было не так уж необычно, а потому власти заботились о том, чтобы ни сам инквизитор, ни его помощники не были уроженцами той местности, куда их направляли; вообще вся организация строго следила за тем, чтобы инквизиторы не имели никаких связей – ни симпатии, ни нелюбви, ни ревности – с людьми той местности, где они работали.

И все же мы встречаемся с такими случаями, как, например, случай Гийома Арно Борна, нотариуса Каркассонской инквизиции, который признался, что получил некоторую сумму и пару туфель в дар от Арнольда Кэта, осужденного еретика, в ответ на что он добился отмены епитимьи в виде ношения крестов.^[99] Особенно в Лангедоке, где ересь была так широко распространена среди богатой знати, соблазн фаворитизма и взяток был особенно высок, потому что, без сомнения, взятки предлагались инквизиторам в большом количестве.

Больше того, как правило, инквизиторы и их помощники получали очень маленькое жалованье. Члены мендикантских орденов были, разумеется, связаны клятвой жить в нищете, не ждать и не желать ничего, что не было бы необходимо им в повседневной жизни. Однако часто они не получали и этой малости. В 1248 году Джон Бургундский принял предложение Святой палаты о помощи в искоренении ереси в его владениях. К тому времени, когда еретики прибыли в его дом, он оставил их вообще без финансового содержания, а потому в 1255 году они были вынуждены просить Папу Римского Александра IV отозвать их. Много лет спустя, читаем мы в документах, архиепископ Эмбрунский целых два года заставлял инквизитора Пьера Фабри работать у него в приходе, не платя ему ни пенни. Несмотря на приглашение принять участие в Церковном соборе в Базеле, Фабри не смог поехать туда из-за своей полной нищеты. Похоже, что лишь когда сами короли брали на себя содержание инквизиторов, те регулярно получали жалованье.

Принимая во внимание эти факты, можно смело утверждать, что честность членов Святой палаты давалась нелегко и достигла очень высокого уровня – гораздо более

высокого, чем, скажем, честность членов светских судов любого времени. С точки зрения Танона, «если было бы возможно завести против них (инквизиторов) дела о вымогательстве, мы должны были бы признать, что ордена, выполняющие задания по подавлению ереси, и те их члены, которые столь усердно выполняли это задание, в общем, были свободны от подозрений в злоупотреблениях, и что... они вели свои расследования в духе полной незаинтересованности».^[100]

Periti и Vin Boni – «эксперты» и «добрые люди»

В официальной деятельности инквизитор всегда оставлял за собой последнее слово во всем, что касалось наказания еретиков, представших перед судом инквизиции, и назначения им епитимьи. Ничто не могло помешать ему вершить правосудие. Инквизитор организовывал и вел судебные заседания, и окончательное решение всегда оставалось за ним. Однако в 1264 году Папа Урбан IV издал указ о том, что инквизитор должен вести все дела только в присутствии группы «экспертов» (periti) и «добрых людей» (boni viri) и выносить приговоры лишь после того, как они выскажут свое мнение по делу.^[101] Как всегда при инквизиторских процедурах представление этих «экспертов» было основано на процедуре inquisitio, прописанной в старом римском законе. Это было развитие епископской системы, при которой епископа, хоть и возглавляющего суды над еретиками в качестве высшего судьи веры и морали в приходе, непременно сопровождала группа священников, и при которой суды часто проходили в присутствии королей, знати и большого количества простых людей, которые имели право высказывать свои суждения.

Эксперты, назначаемые инквизитором, в той или иной степени играли роль жюри. Поначалу никому и в голову не приходило хоть как-то ограничить власть инквизитора, а эксперты были призваны предотвращать принятие инквизитором поспешных и необдуманных решений, а также давать инквизитору при необходимости советы, касающиеся гражданского и церковного судопроизводства. Епископы и гражданские юристы, аббаты и каноники регулярно занимали места на скамье для periti. Часто, когда инквизитор был не в состоянии собрать подходящих людей, или когда его волновали какие-то технические причины, или в особо трудных случаях, он письменно обращался за советом к знаменитым теологам или юрисконсультам. Иногда он даже обращался за помощью к одной из школ права или в великие университеты. Так, инквизитор Руана во время процесса над Жанной д'Арк собрал все документы и отправил их в Парижский университет с просьбой дать совет, как поступить с Орлеанской девой.

Вынужденные немало обдумать, эксперты часто заседали по несколько дней. Количество экспертов никак не ограничивалось – инквизитор сам решал, сколько помощников ему нужно. Однако, как правило, их было около двадцати человек, а иногда и много больше.

«На консультации, созванной инквизитором в январе 1329 года в епископском дворце в Памьере, присутствовало тридцать пять человек, девять из которых были юристконсультами; на другую консультацию, в сентябре 1329 года, пришел пятьдесят один человек, из которых двадцать были гражданскими юристами.»^[102]

В каждом случае присутствующим обрисовывали суть дела, потом брали с них обещание сохранить услышанное в тайне и, наконец, просили их дать совет, какое наказание обвиняемому выбрать – «епитимью по усмотрению инквизитора», «этого человека следует посадить за решетку или передать в руки светским властям» и так далее. Часто, но не всегда, инквизитор позволял себе послушаться совета экспертов. Так, некоему Гийому дю Пону, который был приговорен экспертами к заключению, называемому *murus largus*, инквизитор изменил приговор на *munis strictissimus*, подразумевающий ношение кандалов на руках и ногах. С другой стороны, в деле священника Г, Традери, который обвинял невинных людей в ереси, эксперты постановили отправить его на костер, однако инквизитор изменил этот приговор на тюремное заключение. Может показаться, что в большинстве тех случаев, когда

инквизитор изменял предложенный экспертами приговор, он действовал на благо осужденному.

Эта система сурового жюри очень помогала в стремлении уменьшить ту огромную ответственность, которая была возложена на плечи инквизитора. Однако ее действенность несколько снижалась в качестве гарантии законности для обвиняемого, потому что экспертам не выдавались имена обвиняемых и свидетелей, к тому же их дела пересказывались судебным экспертам лишь вкратце.

«Мы видим, – говорит Вакандард, – что *periti* и *boni viri*, которых призывали принять решение о невинности и виновности обвиняемого на основании абстрактных данных, вполне могли совершить ошибку в суждении, потому что не знали ни имен обвиняемых, ни мотивов, заставивших их пойти на преступление. На самом деле у них не было достаточных данных, необходимых для принятия верного решения. Потому что трибуналы призваны судить преступления, а не преступников – в точности, как врачи должны лечить больных, а не абстрактные болезни. Мы знаем, что для лечения одного и того же недуга разным людям требуется разное лечение. Так же и при совершении преступления следует учитывать ментальность человека, который совершил его. Похоже, инквизиция этого не понимала».^[103]

Это современная точка зрения на проблему. Однако мы должны помнить, что инквизиторы никогда не рассматривали дело в этом свете. Святая палата не была криминальным трибуналом – нет, она, скорее, была прославленной исповедальней. И если мы хотим похвалить или, напротив, осудить институт экспертных комитетов, то должны очень четко понимать, какую функцию они были призваны исполнять. Без сомнения, с точки зрения гарантий законности для обвиняемого, этот институт имел множество недостатков. Однако это не было его единственной целью. Он не обладал властью отнять у инквизитора его право на вынесение приговоров, а мог только советовать и помогать ему. Это был вспомогательный институт, призванный внимательно рассматривать каждое дело и высказывать свою точку зрения, помогая инквизитору вести нагрешивших людей к раскаянию.

Глава 6

Инквизиция в действии (II)

Мысль и действие

Ересь можно определить как добровольное и настойчивое отрицание истин, диктуемых Церковью, а поскольку это отрицание в определенной степени влияло на поведение человека, то оно не имело права на существование. Ничто так не тревожило инквизиторов, как вера еретиков. Впрочем, во множестве случаев святые отцы и каноники настаивали, чтобы Церковь не судила человеческие мысли – *ecclesia de internis non iudicat*. Однако мы не должны принимать это утверждение как не требующее доказательств. Человек волен делать кощунственные признания и получать Святые Дары, когда он знает, что совершил смертный грех, и, не веря ни единому слову католической веры, с показной регулярностью исполняет все религиозные обряды. Церковь никогда не притворялась, что исповедника нельзя обмануть или что нечестивца непременно поразит молния Господня. *Ecclesia de internis non iudicat*. В таких делах Церковь не выносила своего суждения, а просто говорила, что за подобные вещи человеку придется отвечать перед всевышним тронем Господа.

Не то чтобы Церковь как-то преуменьшала их греховность. Разумеется, Церковь учит, что нарушить правила исповеди – это грех против Святого Духа и что человек, намеренно делающий это, намеренно губит свою душу. Однако она не прикидывается, что обладает сверхъестественной способностью определять грехи и волшебной машиной их наказания.

То же самое относится и к ереси. Потому что Церковь имеет свою власть лишь над теми, кто сохраняет веру и признает авторитет Церкви. Формально (в отличие от материального) ересь – это добровольное отречение от одного и более канонов веры; она призывает к отрицанию того, что многие считают истиной. Таким образом, становится понятно, что

неверный, верящий в Бога человек, формально не является еретиком, равно как и схизматик вовсе не обязательно еретик. Как заметил мистер Маллок, «святых и истинно смиренных людей, не знающих Церкви или истинно верящих, но отрицающих ее, она отдает на безграничную милость Божью, но если она узнает об этих людях, то не может сказать о них ничего определенного... Ее анафемы бывают направлены лишь на тех, кто намеренно, с открытыми глазами, отрицает ее... И этих людей Церковь обвиняет – не за то, что они не видят истинности ее учения, а за то, что, зная это, они продолжают намеренно закрывать на это глаза. Они не станут повиноваться даже тогда, когда знают, что должны это делать».^[104] Однако совершенно ясно, что придерживаться или не придерживаться еретических взглядов – это личное дело каждого человека, о котором миру вообще не стоит знать, и которое мир не должно интересовать. Лишь однажды в Средние века Церковь торжественно поклялась искоренить ересь, а государство объявило ересь преступлением.

Однако в этом случае мы вновь сталкиваемся с фактом, что Церковь *de internis non iudicat*; она не судит людей за мысли. Простое отрицание веры, не сказывающееся на поведении или речи человека (если предположить, что такое вообще возможно), не может принести вреда никому, кроме человека, о котором идет речь. И если бы средневековая ересь, по сути своей, была столь слабой и нереальной, ни Церковь, ни государство не обратили бы на нее ни малейшего внимания.

Разумеется, на самом деле все обстояло совсем иначе. Было бы сущим трюизмом сказать, что в Средние века религия была гораздо более важным делом для людей, чем сейчас. Однако вы не сможете получить представление о вещи в целом, если будете наблюдать за ней через микроскоп. Мы должны очень четко представлять себе значение слова «религия». В религии Средних веков – ив ортодоксальной, и в еретической – не было ничего неопределенного. Она была четкой, согласованной, хорошо разработанной и логичной. Это была карта, с помощью которой человек выбирал себе направление в жизни; она влияла на его мнение, характер и поступки. Религия формировала его суждения и снабжала фундаментальными принципами, которых он старался придерживаться. Обратите внимание на тот факт, что мы говорим о религии вообще, а не об ортодоксальном католицизме в частности. Благодаря дуалистическому принципу, альбигойская ересь представляла из себя непоколебимую систему этики и веры.

Причины организованного подавления ереси мы уже достаточно обсуждали в предыдущих главах. Сейчас мы должны обратить внимание на то, что формально преступление состояло лишь в том, что человек придерживался определенных взглядов, а потому причиной преследования была не сама ересь, а то, как она влияла на действия и речь еретика. Больше того, поскольку разум среднего средневекового человека был гораздо более логичным и научным, чем человека современного, более реалистическим и умиротворяющим, то эти утверждения соответственно еще более пагубны и разрушительны. Ересь не могла быть безобидной, потому что исповедующий ее человек отличался логикой, впрочем, должно быть, хорошо, что люди редко в своих поступках руководствуются только логикой.

Итак, факт остается фактом: ни одна точка зрения не может быть преступной, однако на точку зрения можно смотреть как на нечто опасное из-за последствий, к которым она может привести. Вы не можете арестовать человека лишь за то, что он считает установившуюся монархию омерзительной, но если вы увидите его бродящим возле Букингемского дворца с бомбой в руках, то непременно – и справедливо – заподозрите что-нибудь нехорошее. Однако давайте предположим, что вы верите в святые права королей – помазанников Божьих, а потому не согласитесь ни с кем, кто придерживается иных точек зрения. Еще предположим, что ваша решимость доказывать это преодолевает даже естественную заботу о личной безопасности правящего монарха, а потому вы уверены, что бомба – это в первую очередь отрицание святых прав короля. Вот тогда вы и сделаете неправильный вывод. Даже если вы увидите, как обвиняемый бросает бомбу, даже если вы найдете неопровержимое

доказательство против преступника, вы, с точки зрения закона, не можете считать его более чем подозреваемым. Вы можете полностью доказать лишь то, что видели; можете доказать, что человек виновен в поступке, свидетельствующем о том, что он не верит в святые права королей. Разум подсказывает вам, что это так. Но вы не знаете, что у этого человека внутри – вы можете только подозревать то, что он не верит в святые права королей, и, какими бы сильными не были ваши подозрения, вы не имеете права называть их доказательствами.

А теперь давайте расширим эту мысль. Предположим, вы узнали о существовании некоего общества, которое намеренно занимается отрицанием святых прав; постепенно вы узнаете больше – оказывается, членов этого общества отличают некоторые определенные черты поведения – к примеру, они обычно держат ножи в левой руке, а вилки – в правой. Заботясь о монархии вообще и о правящей монархии в частности, вы будете с подозрением смотреть на тех людей, чье поведение за столом выдает их эксцентричность. Вы будете подозревать этих людей в точности так же – только чуть в меньшей степени, – как подозревали человека с бомбой. Ни в одном случае у вас нет доказательств – одни лишь подозрения. Вы можете совершить ошибку и арестовать человека, действительно замышляющего что-то против монарха, однако – что наиболее вероятно – вы арестуете множество совершенно невинных людей, единственная вина которых состоит в том, что они держат вилку правой рукой.

Подозрение в ереси

Это грубая и, надо признать, довольно смелая аналогия, касающаяся обвинений в ереси, с которыми сталкивались инквизиторы. Однако она извлекает наружу наиболее важную проблему, помогающую понять, как работала Святая палата, – я имею в виду четкое и абсолютное различие между внешним актом и внутренним мышлением. Если человека вызывали к инквизитору, то это могло случиться лишь в том случае, если он сделал или сказал что-то такое, из-за чего его могли заподозрить в ереси. Возможно, он часто заходил в дома к людям, подозреваемым в ереси, или посещал культовые места еретиков, или получал еретические святые дары. Возможно, что-то в его поведении выдавало в нем приверженца ереси. Нам известен пример некоего Петера Гарсиаса, которого заподозрили в ереси, потому что его отец был манихейцем, мать – вальденсийкой, и, как говорили, он за два года не познал своей жены. В другом случае, во время агитации против духовных францисканцев, свидетель обвинил женщину в ереси по той причине, что она никогда не молилась Христу или Богородице, а лишь Святому Духу. «Я не еретик, – сказал один подозреваемый в ереси инквизитору Гийому Пелиссу, – потому что у меня есть жена, я живу с ней и со своей семьей».^[105]

Вообще-то, все люди, которых вызывали к инквизитору, формально считались всего лишь подозреваемыми в ереси. Доказательство того, что они говорили или делали что-то предосудительное, вовсе не служило доказательством их приверженности ереси. Однако было бы незаконным утверждать, что, преследуя ересь, инквизиторы придумывали бы какое-нибудь нарушение, объявляли бы его подозрением и наказывали бы за него человека. Из приведенного выше примера мы видим, что человека осуждали вовсе не за то, что он живет холостяцкой жизнью. Или в случае Петера Гарсиаса, даже если бы было доказано, что этот человек давно живет вдалеке от своей жены, Церковь ничего не смогла бы сказать по поводу такого поведения *per se*. Но этот факт лишь подтвердил подозрение. Всем известно, что альбигойцы осуждали браки и учили, что женщина с ребенком одержима дьяволом. Так что если вам попался человек, точнее, пользующийся дурной славой католик, который вел себя как Гарсиас, вы, разумеется, начинали подозревать его в извращенных понятиях о браке и в том, что он был одним из альбигойских «идеальных». Но это еще не доказательство. У вас есть лишь доказательство внешнего поведения, а не его мыслей, которое можно было получить лишь при добровольном признании обвиняемого.

В скобках хочу заметить, что эта идея о подозрении получила гораздо большее развитие в светских судах, чем в церковных. 20 декабря 1402 года парижский парламент осудил Жана Дюбо и Изабель, его жену, «по подозрению» в убийстве Жана де Шаррона, первого мужа Изабель. Жана приговорили к повешению, а Изабель отправили на костер.

Евреи и неверные

Инквизиция была церковным судом и оружием внутренней церковной дисциплины, а потому в ее юрисдикцию не входили те, кто исповедовал иную веру. Ее не касались ни неверные, ни евреи. И в теории ей не было дела до схизматиков. Однако в своей безжалостной решимости искоренить ересь она была готова вымести все препятствия, встающие у нее на пути. Мы уже обращали внимание читателя на то, что если человек не пытался освободиться от отлучения от Церкви в течение года и одного дня, то его автоматически начинали подозревать в ереси, а значит, его путь лежал напрямик в Святую палату. Таким образом, схизматиков включили в запрет о еретиках, а потому их могли подвергнуть церковному трибуналу. Если крещеный еврей возвращался к иудаизму, то его считали еретиком. И хотя евреям не мешали исповедовать свою религию, если они совершали какой-нибудь агрессивный акт богохульства или отрицали верования, принятые иудаизмом и христианством, или отказывались носить отличительные пометки на одежде, или оскорбляли католиков, или пытались привести их к вероотступничеству – во всех этих случаях инквизиторы быстро выступали против них. То же касалось магометан и явных язычников.^[106]

«Приверженцы»

Еще один класс лиц, о которых верным приказывали доносить инквизиторам, – это «приверженцы» или защитники ереси. К этой категории относились те, кто принимал еретиков в своих домах, защищал, кормил их и помогал скрыться или избежать ареста; к этой же группе можно отнести принцев, дворян и светских магистратов, которые отказывались помогать инквизитору в полной мере осуществлять свою власть. Такое поведение влекло за собой отлучение от Церкви. А в тех случаях, когда исполнению работы инквизитора мешал целый город или даже район, их ждал суровый интердикт. Это было делом непростым. При интердикте в городе или в целом районе закрывались все церкви, не проводились обряды крещения, конфирмации и соборования – без специального разрешения не проводились вообще все службы, а если оно и давалось, то служить можно было только при закрытых дверях и потушенных огнях.

«Интердикт был ужасен тем, что при нем карались все – невинные и виноватые – вся страна, город или община. Стивен Бурбонский пишет о том, что в результате такой меры сильный замок и его окружение, расположенные около Валенсии, полностью обезлюдели».^[107]

Колдуны

Когда дело касалось колдунов, мнения о том, как с ними обходиться, несколько расходились, и почти до конца XV века Папы Римские не высказали какого-то определенного суждения об этих людях. Колдовство было мало распространено в Средние века, да и к концу XV – началу XVI веков оно не стало слишком популярным. Церковный собор в Валенсии, проходивший в 1248 году, не отнес колдунов к еретикам и постановил, что дело с ними должны иметь только епископы. В случае нежелания покаяться и при упорстве их приговаривали к тюремному заключению на срок, определяемый епископом. Бернар Гуи говорил, что Святая палата не должна заниматься еретиками, а потому почти во всех случаях, когда колдуны представляли перед его трибуналом, он попросту передавал их дела в руки епископских судов.^[108]

С другой стороны, Эймерик проводит четкое различие между теми, кого можно было назвать «простыми» и «еретическими» колдунами.^[109] К первым он относит тех, кто

занимался хиромантией, астрологией, предсказаниями судьбы и тому подобными вещами; с этими людьми ни инквизиции, ни церковными властями попросту нечего было делать. А вот когда дело касалось поклонения демонам, крещения картинок, использования святых масел для негодных целей, а также использования для колдовства любых предметов, благословленных священнослужителями, тут же возникало подозрение в ереси, и уж тогда инквизиция обращала внимание на колдуна.^[110]

Почти до конца XIV века колдовство считалось исключительно делом Церкви. Светская власть не пыталась ни искоренить, ни терпеть его, а дела колдунов передавались светским судам лишь в редких случаях. Но к 1390 году, несмотря на некоторые попытки Пап удержать дела колдунов в пределах обычных церковных дел, мы видим, как показывают документы, светские суды все чаще признают ересь преступлением, и что епископы с инквизиторами переставали вести суды над колдунами. Как замечает мсье Танон:

«У нас есть несколько важных примеров, записанных в журнале регистрации криминальных преступлений, совершенных в Ле Шатле с 1390 по 1393 год, которые были опубликованы мсье Дюпле-Ажье. Больше того, мы видим, что для бедняг, обвиненных в колдовстве, изменение юридической процедуры не принесло облегчения: если епископы и инквизиторы приговаривали их только к тюремному заключению, то светские суды, возглавляемые мэром Парижа, всегда карали их смертью путем сожжения на костре».^[111]

Другие еретические проступки

Инквизиция никогда не бралась судить обычные моральные проступки или нарушения поведения. Ее деятельность с начала до конца была посвящена преследованию ереси. А ведь ересь включала в себя множество грехов и вела ко всевозможным извращениям христианского морального кодекса – взять только части альбигойского учения в отношении брака и военной службы, потреблении мясных продуктов и повиновении конституционным властям. Соответственно некоторые общие правонарушения, не имеющие очевидной связи с еретическим верованием, могли при более тщательном рассмотрении оказаться результатом извращенного морального учения, а значит, ереси. Так, инквизиторов вроде бы не волновало ростовщичество. Однако если ростовщик заявлял, что не считает ростовщичество грехом, его могли заподозрить в ереси. Правда, Александр IV заявил, что инквизиторы вообще не должны заниматься делами ростовщиков, и что эти дела следует рассматривать только епископам. Однако несколько Пап, живущих после него, постановили считать еретиками тех, кто утверждал, будто ростовщичество – это не грех.

Сексуальные нарушения и такие проступки как, например, бигамия, разумеется, не касались Святой палаты. Однако если и в этом случае становилось известно, что подобные вещи проводились при отрицании церковных правил и устоев, или если их не считали греховными, людей, виновных в них, начинали подозревать в ереси, а потому их делом занимался инквизитор. К примеру, в Италии Святая палата осудила священника, который взял себе любовницу, – и не потому, что он нарушил церковный обет, а потому, что вообразил, что, надев одеяния священника, избавился от всех грехов. Разумеется, подобные нарушения, совершаемые священниками, не оставались незамеченными и безнаказанными. Но до тех пор, пока в их деяниях не начинали подозревать ересь, Святая палата не имела к ним отношения.

Большую озабоченность вызывала у Святой палаты необходимость искать и уничтожать еретические книги, недозволенные переводы Писания и, вообще, вся пропаганда, направленная против веры. Тот факт, что до наших дней сохранились лишь несколько книг, касающихся еретических культов, ритуалов и инструкций, позволяет предположить, что историки видели еретиков в ложном свете. Нам говорится, что это всего лишь еще один пример того, что дьявол черен, потому что на самом деле все книги написал Господь. Мы, конечно же, знаем, что в большинстве своем сохранившиеся книги написаны людьми,

которые были враждебны к еретикам и считали их присутствие на этой земле недопустимым. С точки зрения современного историка, остается лишь сожалеть, что усилия инквизиторов, направленные на уничтожение еретических книг, были такими успешными. Мы слышали об одном богатом и образованном дворянине, маркизе Монферране, который был большим любителем книг и собрал целую библиотеку катарской литературы. Когда он тяжело заболел, его посетили несколько доминиканцев, которым он рассказал о своем хобби, уверив их при этом, что читал эти книги просто из интереса. Для того чтобы продемонстрировать свое презрение к их содержанию, сообщил доминиканцам маркиз, он всегда вставал на ящик с этими книгами, когда одевался. Однако его заверения не убедили инквизиторов: книги были изъяты у маркиза и сожжены в его присутствии.

В 1319 году в Тулузе Бернар Гуи устроил казнь множеству собранных им еврейских книг. Две телеги книг – в основном, похоже, это были копии Талмуда – были проташены через весь город в сопровождении глашатаев, представителей герцогского суда и при большом стечении народа сожжены. Было бы нетрудно привести множество подобных примеров.

Донос инквизитору о еретиках

Сейчас мы подытожим нашу дискуссию об обычном ходе событий, происходивших после того, как инквизитор приезжал в район, где жили еретики. Проводилась торжественная церемония «Edit de foi», и объявлялось о времени милости. Верующим, верным приверженцам Церкви, приказывалось дать инквизитору полную информацию обо всех еретиках, известных им. Еретики торопились признаться в своих ошибках и, обратившись к инквизитору, как к отцу-исповеднику, попросить его об епитимье и искать пути воссоединения с Церковью.

После этого объявления инквизитор обычно бывал чрезвычайно занят. С одной стороны, он обычно получал множество добровольных признаний в ереси. Бернар Гуи утверждал, что «время милости» было весьма продуктивно, потому что в эти дни очень много людей каялись в своих прегрешениях. Этим еретикам нечего было бояться – они приходили к инквизитору с покаянием, в состоянии покорности – истинной или показной – и их признание вины расценивалось просто как покаяние. В случаях «тайной» ереси, когда кающийся просто «играл» с ересью от любопытства и не собирался компрометировать себя словами или действиями, он получал обычную каноническую епитимью. В более серьезных случаях инквизитор мог приказать кающемуся отправиться в короткое паломничество; часто к этому наказанию добавлялся пост и наказ строго соблюдать церковные обряды. Его ни при каких обстоятельствах не могли приговорить к тюремному заключению, а уж тем более к светскому суду. Инквизиция была в первую очередь институтом покаяния, а не карательным судом, так что добровольно раскаявшийся еретик получал обычную епитимью.

Тем временем к инквизитору тянулась вереница людей с ничем не подкрепленными заявлениями на подозреваемых в ереси. Эти люди часто бывали дома у известных еретиков или их видели выходящими с их собраний. Других обвиняли в том, что они часто вслух произносили положения еретических доктрин. Третьи внезапно начинали вести аскетический образ жизни и так далее. Трудно сдержать дрожь, когда представляешь, что доносы инквизитору часто составлялись самыми близкими людьми подозреваемых – жены иногда доносили на своих мужей, сыновья на отцов, а матери – на собственных детей. Потому что непременным условием воссоединения с Церковью для кающихся было дать наиболее полную информацию об их недавних соратниках. Вся машина была безжалостной и неразборчивой в средствах; здесь было не до галантности и не до чувств. Понятно, что это было время не для полумер. Нельзя было оставить ни малейшей лазейки, сквозь которую еретику удалось бы ускользнуть от покаяния. Без сомнения, инквизиторы лучше нас выполняли свою работу – это особенно хорошо видно через шесть веков; нам стоит признать, что применяемые инквизиторами методы были необходимыми для успешного выполнения стоявших перед ними задач. «Трибунал, – говорит мистер Турбервиль, – давал узнику все

возможности избежать неприятных последствий его диффамации, причем перед ним открывался только один путь – путь признания, покаяния и восстановления в церковных правах». ^[112] Иного пути и выбора у него не было.

Свидетели

Принимались, например, свидетельства лиц, которым не позволялось давать свидетельские показания на светских судах. Преступники, еретики, отреченные от Церкви и пользующиеся дурной славой люди могли предстать в качестве свидетелей. Похоже, не существовало каких-то ограничений, касающихся того, кто мог стать свидетелем. Но известно об одном – исключительном, надо заметить, случае, – когда ребенок в возрасте десяти лет, живущий в Монцегуре, выступил свидетелем против шести членов собственной семьи и еще против нескольких других людей. Что касается случаев, когда еретики свидетельствовали один против другого, Фридрих II постановил, чтобы они не выступали в судах, и поначалу инквизиция следовала этому постановлению. Но в 1261 году Александр IV отменил этот запрет, и свидетельства еретиков стали признаваться в судах.

Ни один еретик не мог быть осужден, если против него не было двух похожих, подкрепляющих друг друга, свидетельских показаний. Сам по себе донос не имел силы. Инквизитор Гай Фулк в неофициальной записке советовал, чтобы свидетелей было как минимум два, а если они выступали против добропорядочного человека, не замеченного прежде в ереси, то их должно было быть больше. Эймерик придерживался того же мнения. Однако, судя по всему, инквизиторы чаще всего довольствовались показаниями именно двух свидетелей.

Ложные свидетели

Перемещение *poena talionis* к ложному обвинению вместе с концентрацией всей юридической власти в руках одного человека, инквизитора, не могло не привести к тому, что инквизиция оказалась открытой для ложных свидетелей. Методы суда представляли из себя, по сути, форму дуэли между обвиняемым и инквизитором; обычные рычаги правосудия, нелюбимые инквизиторами из-за их тяжеловесности, могли сыграть роль мощной гарантии против ложных свидетелей и клеветы. Эймерик обращает внимание на то, какие злоупотребления могли породить лживые свидетельства, однако замечает, что их должны были непременно заметить при тщательном рассмотрении дела и допросе всех свидетелей. Надо отдать Святой палате должное: с самого начала она обращалась с ложными свидетелями с необходимой суровостью. Поскольку светская власть не могла дать никаких гарантий в таких делах, их отдавали на отработку обычной машине покаяния, которая заботилась о том, чтобы еретик признал свою вину, получил епитимью и воссоединился с Церковью. Для ложных свидетелей милости не было – их наказывали тюремным, часто пожизненным заключением. Только в Лангедоке в период между декабрем 1328 года и сентябрем 1329 года, как заметил Леа, было вынесено шестнадцать приговоров по ложным свидетельствам. Годом или двумя годами позже инквизитор Каркассонский обнаружил целый заговор, направленный на то, чтобы обвинить невинного человека. Выявив пятерых ложных свидетелей, он приговорил их к пожизненному заключению. Наконец, в 1518 году Папа Лев X издал указ, согласно которому инквизиция должна была передавать дела ложных свидетелей в руки светских судов, где с ними должны были обращаться, как с покаявшимися, но вернувшимися к своей вере еретиками.

Вызов в суд

Как только доносы попадали в Святую палату, нотариусы внимательно прочитывали их, а затем передавали инквизитору на рассмотрение. Если он находил, что в бумагах содержится необходимое количество доказательств для возбуждения дела против определенного человека, то ему отправляли ордер, в котором было указано, когда он должен явиться к инквизитору. Этот ордер доставлялся подозреваемому либо приходским

священником, либо, как это чаще бывало, одним из помощников инквизитора. В ордере было четко прописано, в чем, собственно, инквизитор обвиняет его. Тем временем, если инквизитор считал, что ему нужны еще и другие свидетели по делу, он вызывал их к себе на допрос. Все их слова тщательно записывались.

Затем следовал официальный ордер на арест. С этого мгновения и дальше обвиняемый в ереси был полностью в руках Святой палаты. Если инквизитор опасался того, что подозреваемый может убежать, то одновременно с повесткой в суд выпускались предварительный приказ суда и копия свидетельских показаний – конечно же, для того, чтобы несчастный подозреваемый не получил предупреждения и не успел как следует изучить дела. В тех редких случаях, когда обвиняемый не являлся к инквизитору в установленный срок, приказ инквизитора объявлялся три воскресенья подряд в кафедральной церкви прихода и в приходской церкви. На досках объявлений вывешивались письменные распоряжения инквизитора; отправлялись они и в дом, где подозреваемый жил в последнее время. Если за все это время об обвиняемом ничего не было слышно, его отлучали от Церкви и объявляли вне закона. Никто не мог приютить его у себя в доме или накормить под угрозой анафемы. Этот человек становился полным изгоем. Должен, однако, заметить, что все эти меры не принимались, если обвиняемый был болен, или если у него были серьезные причины не являться к инквизитору.

Соккрытие имен свидетелей

Ни в письменном изложении дела, ни во время суда не назывались имена тех, кто давал свидетельские показания против обвиняемого. Бывали, правда, случаи, когда инквизитор показывал обвиняемому полный список лиц, которые давали информацию, однако он не указывал на имена тех, кто свидетельствовал именно против него. Впрочем, чаще всего соблюдалась полная секретность. Бернар Гуи советовал (для того чтобы обеспечить безопасность свидетеля) в крайнем случае показывать обвиняемому лишь полный список свидетелей. Эта практика обрела силу закона при папе Бонифации VIII, который, однако, обговорил, что имена свидетелей могут быть названы, если инквизитор считает, что это не представит для них угрозы.^[113]

Тем не менее, обвиняемый, как правило, понятия не имел о том, кто все-таки выдвинул против него обвинения и дал информацию. Ко всему прочему, лишь в исключительных случаях на судах присутствовали обвинители. Судебные заседания попросту принимали форму допроса, проводимого инквизитором, каждое слово которого тщательно записывалось присутствующим на допросе нотариусом. Ясно, что подобные методы противоречат всем принципам законного судопроизводства, как мы их понимаем. Нам остается только представить себе инквизитора – вежливого, терпеливого, добросовестного, однако непоколебимо сурового, противостоящего, скажем, невезучему старому крестьянину, полумертвому от страха, оцепеневшему от строгого окружения, сбитого с толку непрекращающимся потоком вопросов и предположений – нам надо, как я уже сказал, лишь представить эту сцену для того, чтобы понять, что чаша весов перевешивала отнюдь не в сторону обвиняемого, каким бы вежливым и добрым не был дознаватель и каким бы смутным не было выдвинутое против несчастного обвинение.

Однако следует заявить, как это часто делалось, что подобный метод применялся именно для того, чтобы суд над обвиняемым был справедливым. Строго говоря, существовало несколько весомых доводов, которые – исключительно на утилитарной основе – полностью оправдывали его. Первой целью, разумеется, было гарантирование безопасности свидетелю. Есть множество примеров тому, как по подозрению или по той причине, что имена свидетелей каким-то образом становились известны, – как катары убивали тех, кто донес об их брате инквизитору. Не будет преувеличением сказать, что в ранние времена, когда ересь еще была могущественна и широко распространена, эффект случайно разглашенных имен свидетелей был поистине парализующим для Святой палаты,

причем судьба свидетеля при этом была предрешена. Однако даже эти случаи насилия были исключительными. Нам известно о некоем Арнольде Доминичи, который донес инквизиции на семерых еретиков. Он был убит в собственной постели «верящими» секты, которые удивительно легко забыли собственную заповедь о неприкосновенности человеческой жизни. В 1234 году в Нарбонне арест гражданина по имени Раймон д'Аржан привел к регулярному уничтожению доносчиков.

Далее. Как мы уже неоднократно отмечали, инквизиция была институтом покаяния, а не карательным судом; те, кто предстал перед ее судом, находились в положении грешников, но не преступников. Инквизитору нужно было лишь добиться признания греха и искреннего раскаяния. Следовало помнить, что в период «времени милости» все еретики имели возможность покаяться. Больше того, очевидно, что в большинстве случаев, которыми занималась инквизиция, свидетельские показания были столь недвусмысленными, что можно было с определенной долей уверенности сказать, что обвиняемый действительно был еретиком, признавался он в этом или нет. То есть обычно было довольно легко доказать, что он и в самом деле вел себя подозрительно, за что его и заподозрили в ереси.

Суд

Подозреваемого сначала спрашивали, не было ли у него смертельных врагов. Если в ответ он называл имена тех людей, которые дали против него показания, все дело оказывалось под угрозой закрытия. Однако это был практически единственный способ для обвиняемого обесценить данные против него свидетельства. Также инквизиторы всегда интересовались, не ссорился ли недавно обвиняемый с соседями или родственниками. Для того чтобы доказать факт подобной ссоры, обвиняемый мог представить собственных свидетелей, которые могли поддержать его.

У обвиняемого также было право (к которому, однако, прибегали крайне редко) обратиться к вышестоящему лицу. Леа приводит пример, когда один итальянский джентльмен, преданный католик, был обвинен в том, что давал пристанище еретикам, за что его призвали к инквизиторскому суду. Он сразу обратился за защитой к Риму. Папа Римский, рассмотрев все обстоятельства дела, приказал его закрыть. Еще более удивительно дело дворянина Жана де Партене, который был обвинен в ереси инквизитором-доминиканцем в Париже и арестован по приказу короля Шарля Справедливого. Сочтя, что инквизитор был некомпетентен и не мог вести дела Святой палаты, обвиняемый отказался предстать перед его судом и обратился к Папе Римскому. Его призвали к папскому двору и после долгого расследования он был отпущен. Кто-то может подумать, будто такое было возможно лишь для людей богатых, занимающих высокое положение, и, можно добавить, для людей с репутацией истинно верующих католиков. Однако ни один еретик – влиятельный или нет – не посмел обратиться за помощью к Папе Римскому.

Только от инквизитора зависело то, как обращаются с еретиком во время обычного курса дознания. В промежутках между допросами он был волен приходить и уходить, когда ему заблагорассудится. Иногда его заточали в одном из монастырей, а иногда позволяли уходить домой, если находились люди, готовые поручиться за то, что он вернется на следующий допрос в назначенное время. В более серьезных случаях обвиняемого могли посадить за решетку.

Главной задачей инквизитора, как говорилось уже не раз, было заставить обвиняемого признаться в грехах. Это было очень непросто, независимо от того, был стоящий перед инквизитором человек еретиком или нет. Перед инквизитором стояла сложная задача. Инквизитор не был судьей, разбиравшим обычное преступление, чьей задачей было бы всего лишь определить виновен обвиняемый или нет, и для которого признание или отрицание вины обвиняемым было совсем неважным. Инквизитор должен был вести дело иначе. Даже когда имелись все внешние признаки ереси и звенья преступления с легкостью сковывались

в прочную цепочку, даже когда он сам и все остальные имели моральную уверенность в том, что обвиняемый – настоящий еретик, перед ним стояла весьма тонкая и чрезвычайно важная задача. Как инквизитор он не мог ничего сделать без признания обвиняемого; если такого признания не было или если у инквизитора было против обвиняемого лишь свидетельство, ему оставалось лишь признать свое поражение и передать обвиняемого в руки светского правосудия, как упрямого, не желающего каяться еретика.

Часто говорят, что инквизиция никогда никого не оправдывала. Что ж, надо признать, что лишь несколько человек покинули инквизиторский суд с незапятнанной репутацией. Епитимья, пусть даже и пустяковая, всегда налагалась на подсудимых. Однако в данном случае было бы неправильно употреблять слово «оправдывать». Как мы уже говорили, Святая палата назначала епитимьи, а не наказания, а инквизиторы говорили о себе только как о людях, спасающих душу грешников. Больше того, с этим были согласны даже еретики. Они были кающимися людьми, а не преступниками, и мы часто видели в документах просьбу «не о справедливости, а о милости».^[114] Так что говоря о покаянии, не стоит упоминать такие слова, как наказание и оправдание. Грех признан, значит, за ним следует покаяние, а затем и прощение грехов.

Лишь когда свидетельство против обвиняемого было определенно признано клеветническим или ложным, инквизиторы бывали готовы признать невиновность обвиняемого. В остальных случаях, как настоятельно требовали инквизиторские книги, надо было приложить максимум усилий, чтобы доказать вину обвиняемого. Строжайшая секретность соблюдалась в отношении допросов свидетелей, потому что, как говорил Пенья, можно запятнать честь и репутацию каждого человека. В результате этого, если инквизитор заключал, что в деле какого-то человека недостаточно показаний для его ареста, никто ничего об этом не знал. Свидетельство просто откладывали, и подозреваемый ничего об этом не знал. В дальнейшем инквизитор был волен вернуться к этому делу. Если принималось решение о том, что подозреваемый сумел оправдать себя или объяснил свидетельские показания против него, дело прекращали, и его, конечно же, освобождали. Это и объясняет, отчего инквизицией при тщательном ведении судебного процесса так редко выносились оправдательные приговоры.

Допросы

Все отвратительные черты инквизиторской процедуры, поражающие своей жестокостью, появились в результате примитивного желания добиться от обвиняемого признания. Признание пытались выбить всеми возможными способами – долгими, тяжелыми перекрестными допросами, попытками заставить узника сделать какое-нибудь компрометирующее его заявление, а часто – долгими перерывами между допросами, чтобы у заключенного появилось время обдумать в тюрьме свое поведение. Нам известно об одном исключительном случае, когда человека призвали к трибуналу в 1301 году, а епитимья ему была назначена в 1319! Леа приводит удивительную историю о некоем итальянском инквизиторе, который долго морил подозреваемого еретика голодом, а потом довел его практически до бессознательного состояния, дав ему бутылку вина. Думаю, можно не сомневаться в том, что уж какое-нибудь признание он после этого точно получил. Нам ничего неизвестно о том, какая судьба ждала беднягу в дальнейшем, зато мы точно знаем, что этот человек, пожалуй, – единственный в истории, кто сумел напиться за счет Святой палаты.

А вообще-то следует заметить, что допрос при инквизиции – это не что иное, как духовная схватка между обвиняемым и инквизитором. С одной стороны, инквизиторы прибегали к множеству уловок и всевозможных трюков, желая сбить допрашиваемого с толку и добиться от него опасного признания. Умения и навыки дознавателей были такими изощренными, что один известный францисканец, Бернар Делисье, заметил (и эту его фразу часто цитируют), что если бы святого Петра и святого Павла привлекли к трибуналу, то они ничем не смогли бы полностью снять с себя обвинения.^[115] Так, инквизитор, делая вид, что

удовлетворен ответом, переходил к другому вопросу, а затем вдруг резко возвращался к первому, задавая походя множество наводящих вопросов. Мог он устроить и настоящее шоу, делая вид, что заглядывает в свои документы, потом сверяет их с записями ответов обвиняемого и, изумленно вскидывая брови, всем своим видом демонстрирует, что видит в них явное противоречие. Мог инквизитор и угрожать, и умолять, и притворяться то добрым, то злым. Хотя следует признать, что все эти средства достижения цели были относительно невинны и ясны, совершенно очевидно, что они оскорбляли достоинство суда и были чудовищно несправедливы с обвиняемому. Естественно предположить, что многие подозреваемые думали не столько о том, как бы опровергнуть выдвинутые против них свидетельства, как о том, чтобы отвести подозрение в ереси. Мы уже обращали внимание читателя на то, что большое число еретиков, вызывающе демонстрирующих свою приверженность к ереси, были людьми ничтожными. Большинство из них всеми возможными способами боролось за то, чтобы их не уличили в прославлении еретической доктрины; они пытались убедить инквизитора, что те действия, за которые их привлекают к суду, – это всего лишь досадные пустяки, которые можно легко объяснить. Эймерик заметил, что альбигойцев и катаров было проще всего уличить в ереси и что они, как правило, без труда делали необходимое признание. Но вот другие секты – в этом с ним соглашается Бернар Гуи – были куда более скользкими и изобретательными. Вальденсы, к примеру, «вели себя на допросе очень уверенно. Если вальденса спрашивали, знает ли он, за что арестован, он отвечал с милой улыбкой: «Господи, да я думал, что это вы назовете мне причину ареста»... Когда ему задавали вопрос, во что он верит, вальденс отвечал, что верит во все, во что должен верить добрый христианин. На вопрос, кого он считает добрым христианином, вальденс отвечал, что добрый христианин – тот тот, кто верит в то, чему учит Святая Церковь. Если у него интересовались, что такое – Святая Церковь, он заявлял, что это то, что вы считаете Святой Церковью. Если ему на это замечали, что Святая Церковь – это тот институт, которым заправляет Папа Римский, он отвечает, что тоже верит в это, имея в виду, что может осуждать это. На другие вопросы, в частности, на вопрос о пресуществлении, он избегает отвечать и лишь отвечает: «Как бы я мог верить в иное?» Еще вальденс мог вернуть вопрос судье: «Боже мой, надеюсь, вы верите в это?» И если судья подтверждает свою веру, или если он обязан придерживаться ее, то можно предположить, что это вера не его, а судьи. Если судье удастся увильнуть от его уловок и прижать вальденса к стене, тот начинает прикидываться на удивление скромным и смиренным и заявляет, что если они могут извлечь какой-то смысл из всего, что он говорил, то он не знает, что отвечать на это, потому что он простой и бесхитростный человек, а потому несправедливо загонять его в ловушку, пользуясь при этом его же словами. Однако для того, чтобы избежать клятвы или чтобы даже не познакомиться с клятвой, которая, возможно, будет противоречить его натуре, вальденс приложит все усилия».^[116]

Предварительное заключение

Если во время простого дознания инквизитор был не в состоянии добиться желаемого признания, то он приходил к решению прибегнуть при необходимости к более сильным мерам. «Если он (обвиняемый) осуждается свидетелями, – говорит инквизитор Дэвид Аугсбургский, – то к нему не должно быть снисхождения. Не стоит только сразу доводить его до смерти; ему следует давать совсем немного пищи, чтобы страх не покорил его». В 1325 году инквизитор из Каркассона держит в тюрьме человека «до тех пор, пока он полнее не передаст правду». Обратите внимание, что в обоих названных *случаях* существует абсолютная презумпция виновности; к делу относятся так, словно вина подозреваемого уже полностью доказана. Все, к чему стремятся дознаватели, так это к полному признанию вины,^[117] потому что без него у инквизиции нет иного выбора, как передать обвиняемого в руки светского правосудия. В результате этого против упрямых еретиков применялись самые жестокие методы, выдаваемые за проявления истинного альтруизма – некоего дикого,

кошмарного альтруизма, являющегося, по сути, древним проявлением религиозного фанатизма.

«Такой человек, – говорит Эймерик, – будет заперт в тюрьму, его будут держать в камере в кандалах. Никто, кроме тюремщиков, не будет заходить в его камеру... епископ и инквизитор... будут часто вызывать его на допросы и говорить ему об истинности католической веры и о фальши, ошибочности той, какой он по глупости своей придерживался... Однако если он не проявляет ни малейшего желания быть обвиненным, торопиться не стоит... потому что боль и лишения тюремной жизни часто заставляют людей изменить свою точку зрения... И... епископ и инквизитор... постараются заставить его сделать это, вынудив притерпеть страдания и отправив в наиболее неприятную тюрьму... Они пообещают, что его ждет милосердие, если он признается во всех своих ошибках».^[118]

Применение пыток

Последней мерой, применяемой только в самых серьезных случаях, однако, без сомнения, разрешенной Святой палатой, было использование пыток. По римскому закону можно было применять пытки против рабов, но не против вольноотпущенников или граждан; мистер Танон утверждает, что применение пыток и не прекращалось в Темное и раннее Средневековье. Однако с восстановлением римского права во всей Европе в XII и XIII веках, с началом применения костра в качестве «кары Божьей» при решении спорных вопросов пытки постепенно стали занимать определенное место в законной юридической практике. Аеа находит упоминание о пытках «в кодексе Веронезе 1228 года и в сицилианской Конституции Фридриха II 1231 года», однако он считает, что «в обоих случаях мы видим, как щадяще и нерешительно их использовали».^[119]

Мсье де Козон цитирует документ, который, по его мнению, демонстрирует, что в начале XIII века при светском дворе в Париже о пытках еще ничего не знали. Но с 1230 года упоминания о пытках встречаются все чаще. В 1252 году папа Иннокентий IV официально разрешает применение пыток в практике инквизиции. В своей знаменитой булле «Ad Extirpanda», которая была обновлена и подтверждена Александром IV в 1259 году и Клементом IV в 1265 году, было предписано: «Больше того, podesta, капитану, консулам и другим лицам, которым дана власть, приказано принуждать плененных еретиков полностью признаваться в своих ошибках и называть имена всех других еретиков, знакомых им; следует, однако, обращать внимание на то, чтобы эти действия не приводили к травмированию конечностей или к смерти; так же, как разбойники и воры, которых силой заставляют признать свою вину, еретики должны признаваться в своих преступлениях и сообщать о своих соучастниках. Потому что эти еретики и есть истинные воры и убийцы душ, крадущие Святые Дары Господни».^[120]

Ограничения, касающиеся того, чтобы пытка не «травмировала конечностей» или «не приводила к смерти», не были известны светским судам, при которых судья был волен применять такие жестокие пытки, какие ему было угодно. С другой стороны, по гражданским законам ни солдаты, ни рыцари, ни врачи, ни вельможи не могли подвергаться пыткам. Святая палата этих ограничений не имела. Инквизиторы могли подвергать пыткам всех без исключения, не обращая внимания ни на возраст, ни на пол, ни на социальную принадлежность человека. Чаще всего вопрос о применении пыток решался только инквизитором, хотя Клемент V в 1311 году приказал, чтобы в каждом конкретном случае инквизитор испрашивал разрешение на применение пыток у местного епископа.

А что касается того, чтобы при пытках «не нанести вреда конечностям», то это заявление можно считать не более чем бессмысленной насмешкой. Когда подозреваемого в ереси вздергивали на дыбу или подвешивали между полом и потолком на раму, выворачивая ему кости рук, не стоило утешать себя тем, что кости при этом не ломались. На самом деле инквизиторы обходили любые запреты на использование пыток с помощью самых грубых

уверток. Сначала, к примеру, им запрещалось церковными канонами присутствовать при пытке подсудимого, а сам палач всегда был светским офицером. Однако трибуналы так усиленно жаловались на это ограничение, напирая на то, что оно мешает им работать, что в 1260 году Александр IV позволил инквизиторам разрешать друг другу при необходимости присутствовать в камере пыток. Это разрешение было подтверждено Урбаном IV в 1262 году, когда он заявил, что в случае необходимости инквизиторы могут присутствовать при допросах с применением пыток.

«Пытку не следует применять до тех пор, пока судья не убедится, что более мягкие методы дознания не приводят к результату. Даже в камере пыток, пока подсудимого раздевают и связывают, инквизитор продолжает его уговаривать признать свою вину. Если он отказывается, *vexatio* начинается с легких пыток. Если они оказываются неэффективными, можно постепенно браться за применение более сильных пыток. В самом начале жертве показывали все инструменты для пыток, чтобы один их вид внушил ей страх и заставил сделать признание».^[121]

Существовало также правило, по которому подсудимого не должны были пытать более одного раза; продолжительность пытки не должна была превышать получаса. Однако его обходили с помощью еще одной увертки. Потому что когда начиналась вторая пытка, ее описывали как «продолжение», а не как «повторение» первой. Бернара Делисье подвергали пыткам три раза, а – это исключение – некоторых вальденских колдунов из Арасса пытали по три раза в день.

«Как правило, – пишет Леа, – пытка длилась до тех пор, пока обвиняемый не выражал своей готовности признаться; тогда его отвязывали, относили в другую комнату, где он и делал признание. Если, однако, признание делалось под пыткой, ему потом читали его вслух, и он должен был подтвердить, что прочитанные слова – правда. В любом случае в документах записывалось, что признание было «свободным и спонтанным», полученным без принуждения, без использования «силы страха».^[122]

Если кто-то захочет выразить полное доверие документам инквизиции, то ему будет непросто убедиться в том, что инквизиция практически не прибегала к пыткам. В регистрационном журнале Бернара Гун, который был инквизитором Тулузы в течение шестнадцати лет и за это время вел дела более шестисот еретиков, лишь однажды описывается применение пытки. Однако даже в этом есть противоречие: например, обвиняемый отказывается от своих показаний, объясняя свой отказ тем, что показания были получены с помощью пыток, однако писец возмущенно возражает ему, замечая, что признания были сделаны добровольно. В записях Бернара из Ко приводится один пример того, как еретик сделал признание под угрозой пытки. В записях Каркассонского трибунала с 1250 по 1258 год пытки, вообще, не упоминаются. Похоже, к пыткам никогда не прибегала немецкая инквизиция, где обычным способом получения признания в наиболее трудных для инквизитора случаях были голодание и перекрестные допросы, в интервалах между которыми человек сидел в тюрьме. В записях Жофрея д'Абли, чьи злоупотребления в роли инквизитора привлекли внимание самого Папы Клементя V, пытки встречаются чаще. Однако в записях говорится не об их использовании, а об их неиспользовании. Иными словами, мы находим множество случаев, когда признание было получено свободно и без принуждения. И все же, как замечает Леа, «существует множество случаев, когда информация буквально вырывалась из обвиняемого, у которого не было возможности убежать. Бернар Гуи... слишком горячо говорит о применении пыток к обвиняемым и свидетелям, чтобы мы могли усомниться в его готовности их использовать».

Нам не стоит удивляться тому, что в документах инквизиции так редко упоминались пытки. Полученное силой признание не было законным; мы уже обратили внимание на то, что официальное признание делалось не в камере пыток, а после их завершения. Таким образом, в документах делалась запись, что признание получено свободно и без

принуждения. Иными словами, целью пытки было не получить признание, а довести обвиняемого до такого состояния, чтобы он мог сделать признание позднее! Однако в том, что пытка применялась лишь в том случае, когда более мягкие методы дознания оказывались неэффективными, нет преувеличения. И далеко не все инквизиторы стремились применять пытки. Эймерик заявлял, что пытка – это бессмысленный и неверный способ добиваться признания. Довольно трудно сделать какой-то общий вывод о широте применения пыток. Можно лишь сказать, что, с одной стороны, почти полное умолчание о применении пыток в записях абсолютно ничего не доказывает, а, с другой, к применению пыток обращались лишь в тех случаях, когда все остальные методы дознания не приносили результатов.

Виды пыток

Может показаться, что, в общем, инквизиция использовала те же методы пыток, что и светские суды – пытку водой, раму и strappado. Наиболее отвратительный вариант первого применялся в Испании. Сначала к языку обвиняемого привязывали кусочек влажной ткани, по которому в рот стекала тонкая струйка воды. Потом, поскольку человек дышал и сглатывал эту воду, ткань проникала ему в горло, отчего создавался эффект удушья; когда ее вытаскивали из горла, она обычно была пропитана кровью.

О раме, возможно, и не стоит говорить – это пытка, довольно известная. К углам рамы треугольной или прямоугольной формы привязывались запястья и лодыжки человека. Веревки натягивались на некие приспособления вроде лебедок, и палач начинал закручивать их, что вызывало вывих суставов и страшные разрывы мышц.

Strappado считалась наиболее распространенным видом пытки. Она состояла из веревки, пропущенной через блок, прибитый к потолку. Руки обвиняемого связывали за спиной, а потом его начинали подтягивать вверх, к потолку, время от времени резко отпуская, что вызывало сильные вывихи суставов. Палачи иногда «развлекались» тем, что привязывали к ногам несчастного тяжелый груз.

Жестокость всех этих методов так очевидна, что ее не стоит и комментировать. Даже если принять на веру позицию средневековых каноников, даже если согласиться с утверждением, что ересь – большее преступление, чем государственная измена, и что инквизиция более осторожно и обдуманно, чем светский суд, подходила к использованию пыток, даже если признать, как это утверждалось, что ересь представляла собой как социальную, так и общественную угрозу – так вот, даже во всех этих случаях применение пыток было преступлением, которое потомки считают вечным позором инквизиции. И ничто, кроме плохого зрения, не может помешать историку увидеть эти факты. Несколько раз пытку предлагали рассматривать как «суд Божий»; мы уже успели обратить внимание на тот факт, что появление пыток почти совпадает по времени с серией папских постановлений, объявляющих сжигание преступников на костре незаконным. Однако мы склонны сомневаться в том, что светские и церковные трибуналы считали костер и пытки в чем-то схожими. Нам кажется, что, приняв пытки на вооружение, Святая палата осознанно последовала (правда, с некоторыми оговорками) примеру светских судов и римского закона, что инквизиторы лучше понимали свои трудности, чем мы можем понять их сегодня и что, решив, что поставленная перед ними задача была выше их сил – до тех пор, пока им не разрешили применять пытки, – они были в чем-то правы.

Оценив как следует эти утверждения, мы можем с уверенностью сказать, что пытка никак не могла помочь спасению души еретика. Предположение, что признание в ортодоксии, вырванное у обвиняемого после долгих пыток в пыточной камере, может каким-то образом вести к его спасению, можно считать лишь гротескным и омерзительным, и нормальный человек не станет серьезно относиться к нему. Мысль о применении пыток была куда более обыденной и практичной. Пытки использовались в первую очередь для получения информации. Мы уже заметили, что одним из условий воссоединения с Церковью было

условие назвать имена всех еретиков, знакомых кающемуся; именно поэтому утверждалось, что пытка может применяться или только в самых трудных случаях, или тогда, когда палачи верили в то, что обвиняемый умалчивает что-то важное. Вообще обо всех средневековых ересях можно сказать, что они были целыми обществами, а не просто школами мысли. Именно поэтому – опять это старое клише! – интересы Церкви и государства совпадали. Дело было вовсе не в сопротивлении ошибочной теологии нескольких отдельно взятых эксцентриков, а в необходимости разрушить высокоразвитое секретное общество, триумф которого привел бы к разрушению всей цивилизации.

Все вышесказанное, однако, не оправдывает применения пыток, которое остается, как мы уже заметили, темным пятном на репутации Святой палаты. Однако нам все-таки следует попробовать трезво оценить происходящее в Средние века и понять, почему же применение пыток было санкционировано церковным трибуналом. Должен признаться, что обо всем этом говорить весьма неприятно, поэтому я с облегчением оставляю эту тему.

Глава 7

Главные виды наказаний

Долгий, мучительный процесс суда завершен. Возможно, проходило много времени (нередко несколько недель, месяцев и даже – в редких случаях – лет), прежде чем обвиняемый предстал перед инквизитором. В любом случае заключение было сделано. Оставалось только вынести приговор. Инквизитор связывается со светскими магистратами и местными церковными судами, чтобы выверить все смущающие его пункты в собранном заключении. Он наводит справки о семье обвиняемого и ее истории, о его друзьях, образовании и т. д. – словом, обо всем, что может хоть как-то объяснить, почему он обратился к ереси. Вся эта дополнительная информация тщательно записывается нотариусами и прикладывается к его досье. Наиболее важные пункты были записаны раньше, а записи переданы собранию экспертов. В конце концов их суждение передавалось инквизитору, который и принимал последнее решение по делу и объявлял fiat^[123] инквизиции.

Если наказание заключается в передаче обвиняемого светским властям или в пожизненном заключении, то инквизитору остается лишь передать дело в руки епископа и дождаться его официального подтверждения. Если в деле вынесения приговора между инквизитором и епископом возникали серьезные разногласия, дело передавалось в Святую палату.

В таком случае Святая палата пишет судебную повестку, в которой обвиняемому предписывается явиться в определенный день в такое-то место, где он услышит окончательное решение. Он дает письменную подписку, подтверждающую его согласие сделать это.^[124]

«Sermo Generalis» или аутодафе

Не будет большим преувеличением сказать, что большинство людей знает только испанское^[125] слово, и это слово – аутодафе. Причем к нему относятся как к названию общественного праздника, где много веселятся и развлекаются; на самом деле аутодафе представляло из себя церемониальное сожжение большого количества еретиков. С точки зрения этого любопытного, но неверного представления об аутодафе и рассмотрим этот вид казни.

Sermo Generalis или аутодафе означает торжественный акт веры, исполняемый всеми присутствующими верующими. Он необязательно включал в себя осуждение или наказание еретиков, а уж тем более не наложение наказания в виде смертной казни. За долгие годы работы в Тулузе Бернар Гуи председательствовал на восемнадцати аутодафе, причем на семи из них наиболее серьезным наказанием было тюремное заключение. В период между 1318 и 1324 годами инквизиция Памьера провела девять аутодафе, однако за это время лишь пять еретиков были отправлены на костер. На аутодафе, проводимом 28 ноября 1319 года, Бернар

Гуи лишь один раз вынес антиеретический приговор, приказав сжечь большую коллекцию еврейской литературы, попавшую в его руки. На аутодафе, проводимом 14 июля 1321 года, он приговорил одного еретика к изгнанию. На аутодафе от 29 июля 1321 года единственной мерой против ереси стала отмена запрета, наложенного на деревушку Кордес. Аутодафе было, по сути, серьезной церемонией подтверждения власти инквизиции, целью которой было утвердить верующих в их вере и стимулировать их религиозное рвение. Любое важное событие, например, назначение в какую-то местность нового инквизитора, могло сопровождаться одной из подобных церемоний.

Однако, с самых ранних времен, стало принято во время аутодафе, считавшегося, как мы уже упоминали, просто торжественной церемонией, подвергать казни всех еретиков, представавших перед трибуналом, которые были осуждены за время, прошедшее после последней такой церемонии. Большинство приговоров Бернара из Ко и, насколько нам известно, Бернара Гуи были приведены в исполнение во время *Sermo Generalis*, то есть большой проповеди. Обычно она проходила в церкви. Однако мы слышали, что в 1247 году аутодафе проводилось перед воротами Тулузы, а в 1248 году – в городском отеле. Инквизиция Памьера, страдавшая отсутствием юмора, как и все методы инквизиции, характерные для Средних веков, проводила подобные церемонии на кладбище. Иногда аутодафе проводились в епископском дворце, иногда – в монастырях или на городских площадях. «Проповеди» Бернара Гун всегда проводились в церкви святого Стефана в Тулузе.

Не существовало общего правила, в какой именно день проводить аутодафе. Однако обычно для того чтобы собрать побольше народу, для него выбирали воскресенье или день какого-нибудь большого праздника. Правда, с другой стороны, в дни больших церковных праздников, таких, как Рождество, Пасха, Троица, а также воскресенья в Рождественский и Великий посты, аутодафе не проводились, потому что считалось нежелательным мешать церковным службам и молитвам верующих.

Церемония начиналась рано утром. В церкви или любом другом месте, где она должна была проводиться, воздвигали два деревянных помоста. Сначала в здание входила мрачная процессия: герольды в сопровождении вооруженной стражи, потом – инквизитор со своими помощниками, епископы, священнослужители, представители королевской семьи, вельможи и гражданские магистраты. Они занимали места на одном, центральном, помосте. На другом собирались еретики, которые должны были выслушать приговор Святой палаты каждому из них. Все помещение церкви бывало занято народом, который всегда собирался на подобные крупные мероприятия. В одном случае, произошедшем в 1420 году в Аррасе, собрание было прервано громким треском – это проломился помост, на котором сидела знать. Должно быть, этот инцидент немало повеселил стоявших невдалеке еретиков.

Церемония открытия начиналась службой, которую проводил инквизитор. Она обычно состояла из короткого обсуждения первого принципа веры, при котором непременно упоминалась извращенная натура ереси вообще и тех еретиков, которые предстали перед людьми, в частности. Заканчивалась служба словами предостережения и проповедью. Потом инквизитор произносил слова папской индульгенции о сорока днях, которая была гарантирована всем присутствующим. Затем следовал суровый акт веры – аутодафе – со стороны коронованных особ или их представителей, дворян, сенешалей, судебных приставов, магистратов и других официальных светских лиц. Эти люди клялись в верности Церкви и вере, а также обязывались преследовать еретиков и оказывать возможную поддержку миссии Святой палаты. Инквизитор завершал эту предварительную церемонию, объявляя анафему всем, кто стремился противостоять инквизиции.

Теперь наступала очередь еретиков. Похоже, о предстоящих наказаниях и епитимьях обвиняемым сообщали за несколько дней до публичного обвинения аутодафе. Правда, это нельзя утверждать с полной уверенностью, однако мсье де Козон замечает, что: «При

аутодафе было особенно много обвиняемых – похоже, их специально приводили в церковь побольше, чтобы избежать нарушений процедуры, слез и возможных протестов».^[126]

Сначала инквизитор и его представители объявляли о помиловании и смягчении некоторых приговоров. Так, на аутодафе, проводимом 30 сентября 1319 года, Бернар Гуи выпустил из тюрьмы пятьдесят семь человек и освободил тридцать от наказания в виде ношения крестов.^[127] Третьего и четвертого июля 1322 года он выпустил из тюрьмы одного человека и одиннадцати отменил наказание в виде ношения крестов. Вслед за этим все присутствующие в церкви еретики, признавшие инквизитору в своих прегрешениях и высказавшие желание воссоединиться с Церковью, вставали по очереди на колени и, положив руки на алтарь или Евангелие, произносили слова покаяния и клятву об отступничестве от ереси. Затем читались покаянные псалмы, и инквизитор объявлял о прощении грехов. Наконец, нотариус, начав с мелких наказаний в виде небольших паломничеств и исполнении различных религиозных обрядов, читал приговоры о наказании тем еретикам, которые, раз покаявшись в ереси и отказавшись от нее, снова возвращались к ней, и были за это приговорены к сожжению на костре. Приговор читался сначала на латыни, а затем на национальном языке; в нем коротко описывалось совершенное каждым еретиком преступление, а затем говорилось о назначенном инквизицией наказании. Последними шли приказы о разрушении домов. Осужденные на тюремное заключение уходили в сопровождении вооруженной стражи: нераскаявшиеся еретики и те, кто вернулся к ереси после раскаяния, немедленно передавались в руки светского суда.

Должен добавить, что приведенное описание – весьма приблизительное. Оно не означает, что приговоры всех видов обязательно произносились на всех аутодафе. Мы видели, что на семи из восемнадцати аутодафе Бернар Гуи никого не передавал в руки светских властей. Лишь в трех случаях он отдал приказ о разрушении домов; на восьми он никого не приговорил к тюремному заключению. Так что все, разумеется, зависело от обстоятельств.

Бернар Гуи

По некоторым причинам сейчас стоит более подробно поговорить о Бернаре Гуи. Он родился в 1261 году и вступил с Доминиканский орден в Лиможе в возрасте девятнадцати лет. Далее он стал приором Доминиканских домов в Альби, Каркассоне, Кастре и Лиможе. Более шестнадцати лет он занимал пост главного инквизитора в Тулузе; освободившись от этой должности, он был назначен архиепископом Туи в Галиции в знак признательности за его службу. Во многих отношениях его можно считать одним из наиболее выдающихся людей его времени. В возрасте зрелых писателей он был умнее их всех: его перу принадлежат труды, включая «Сокращенную хронику императора» (общая история от воплощения до его времен), «Хронику королей Франции», «Научный трактат о святых в Лимузине», «Научный трактат об истории аббатства святого Августина в Лиможе», «Зеркало святых», «Жизнь святых», «Исторический трактат о Доминиканском ордене», «Научный трактат о мессах», а также «Содержание христианской доктрины». И, наконец, среди наиболее известных его работ – богато иллюстрированная «Practica Inquisitionis», в которой он собрал все плоды своего долгого опыта в качестве официального представителя Святой палаты. В книге Бернар Гуи тщательно описывает обязанности и функции инквизитора.

Возможно, не будет преувеличением сказать, что Бернар Гуи был человеком, который нанес смертельный удар по альбигойской ереси. Во время его борьбы с нею Лангедок оставался главным полем сражения, а Тулуза сильнейшим форпостом ереси и центром всего еретического движения. Позднее, в начале XIV века, разразились кризис и кульминация конфликта с альбигойцами. Когда в 1307 году Бернар Гуи принял на себя руководство Святой палатой, ситуация была критической. В Альби и Каркассоне проводились мощные еретические демонстрации, направленные против французского короля. Филипп Справедливый не смог справиться с ними. Францисканский монах Бернар Делисье, яростно

выступавший против папства и Святой палаты, был весьма уважаем; огромное количество еретиков, изгнанных из Лангедока суровой инквизицией, возвращались в страну из Италии.

За годы бытности инквизитором, то есть с 1307 по 1323 год, Бернар Гуи провел восемнадцать аутодафе и объявил 960 приговоров – в среднем по пять или чуть больше в месяц. О его железном характере мы можем судить, сравнив деятельность Гуи с последующей деятельностью инквизиции Лангедока. С 1326 по 1330 год аутодафе проводились в Нарбонне, Памьере, Безьере и Каркассоне. Одно аутодафе было в Каркассоне в 1357 году, в Тулузе в 1374 году, наконец, одно в Каркассоне в 1383 году. Вот и все. Это достаточный комментарий к работе Бернара Гуи. Ни один инквизитор не был так безжалостен к еретикам, не прилагал столько усилий к тому, чтобы совладать с ересью. Под его руководством инквизиция, пользуясь всеми положенными привилегиями, действовала с силой хорошо отлаженного механизма. Публичные церемонии проводились с мрачной торжественностью. Опираясь на почти вековой опыт, вся процедура инквизиции демонстрировала терпеливую тщательность мельничного жернова с гибкостью голодного осьминога. Атакованная Бернаром Гуи, альбигойская ересь стала отступать, а потом и вовсе заглохла.

Чрезвычайно важно обратить внимание на то, что в документах инквизиции, касающихся тулузских трибуналов, мы можем увидеть полный список тех самых 930 приговоров, которые Бернар Гуи вынес с 1307 по 1323 год. Ниже мы вкратце приводим этот список:

Освобождены от обязанности носить кресты – 132
Приговорены к паломничеству без ношения крестов – 9
Выпущены из тюрьмы – 139
Приговорены к ношению крестов – 143
Посажены в тюрьму – 307
Умершие, которые были бы посажены в тюрьму – 17
Переданы в руки светских властей и сожжены на костре – 42
Умершие, которых бы отпустили – 3
Те, чьи кости были эксгумированы и сожжены – 69
Скрывавшиеся от правосудия, которых отлучили от Церкви – 40
Приговоренные к колодам или к позорному столбу – 2
Священники, которых должны были лишить сана – 2
Отправлены в ссылку – 1
Дома, подлежащие разрушению – 22
Конфискация имущества и сжигание Талмуда (две повозки) – 1
Отзыв интердикта – 1
Итого: 930.^[128]

Дон Бриаль в предисловии к раннему изданию «Recueil des Historiens des Gaules» в томе XXI говорит, что Бернар Гуи сжег 637 еретиков. Это ошибка: число 637 – это общее количество людей, представших перед трибуналом Бернара Гуи. Ту же ошибку, взятую у Дома Бриалья, повторяет М. Молинье в книге «L'Inquisition dans le midi de la France», с 207. Всего по приказу Бернара Гуи было сожжено 42 человека.

Мы увидим, что чаще всего наказанием становилось тюремное заключение; из 307 приговоренных к нему еретиков 139 были отпущены до приведения приговора в действие. По словам мсье Ланглуа, 19 человек из общего числа осужденных были приговорены к «*muras strictus*», которое подразумевало одиночное заключение в кандалах.^[129] Интересно также заметить, что 17 из 42 лиц, переданных в руки светских властей, были приговорены к аутодафе 5 апреля 1310 года; за последние 11 лет работы Бернара Гуи было рассмотрено 715 дел, а 19 еретиков, не желающих каяться, было приговорено к сожжению на костре. Из всех 930 приговоров 89 касалось уже умерших людей, 49 беглецам приговоры были

вынесены в их отсутствие, а также двое людей, виновных в лжесвидетельствах, были осуждены.

Особенно важно обратить внимание на относительно большое количество разнообразных наказаний. Из общего числа вынесенных приговоров 271 человек были помилованы, так что осуждающих приговоров остается всего 659. Из этого числа 307 были приговорены к тюремному заключению, а 143 – к ношению крестов. Совершенно ясно, что при режиме Бернара Гуи это были наиболее распространенные наказания. Перед тем как перейти к более подробному рассмотрению различных наказаний, хочется еще раз подтвердить то, о чем мы уже говорили: деятельность Бернара Гуи показывает средневековую инквизицию в расцвете ее деятельности. Ее действенность проявляется в относительно небольшом количестве неудач – то есть в передаче дел в руки светских властей. Тщательность ее работы подтверждает большое количество приговоров, а также последующий ход событий в Лангедоке.

Сожжение на костре

Обычная форма, по которой упорный или раскаявшийся, но вернувшийся к ереси еретик, передавался в руки светского правосудия, гласила: «Мы отпускаем тебя с нашего церковного форума и передаем тебя в руки светских властей. Но мы умоляем светский суд вынести приговор таким образом, чтобы избежать кровопролития или угрозы смерти».

Сейчас трудно понять, отчего использовалась именно такая форма. В раннее время, разумеется, еще до официального указа Иннокентия IV применять в виде наказания за ересь смертную казнь, та форма еще имела смысл.

Однако позднее она стала лишь пустыми словами – видимо, ее использовали по привычке, как дань обычаю. Если бы светские власти показали малейшее желание понимать ее буквально, они бы быстренько обратились к властям церковным. На самом деле, и это было указано многими канониками, именно неспособность государства привести в исполнение приговор в течение пяти дней после вынесения его Святой палатой должна была заставлять власти выносить судебный приговор. Теоретически инквизиторы должны были присутствовать при исполнении смертного приговора. Однако они, как и все остальные, знали, что передать еретика в руки светских властей было равносильно приговору к сожжению на костре. Когда, много лет спустя, знаменитый доминиканский инквизитор Спренгер искренне говорит в своей книге «Malleus Maleficarum» о «тех, на кого мы навлекаем смертную казнь путем сожжения», то он выражает мнение, которое могли бы высказать большинство средневековых инквизиторов. Со стороны де Местра было абсурдно заявлять, что «всему жестокому и ужасному, особенно смертному наказанию, этот трибунал обязан государству... И, напротив, все милосердие исходило от Церкви». Такое заключение – это грубое преувеличение фактов.

С другой стороны, понятно, что средневековая инквизиция весьма далека от того, чтобы быть святой убийцей, как ее любят представить некоторые спорщики. Бернар из Ко был инквизитором Тулузы с 1244 по 1248 год; большая часть его записей о нераскаявшихся еретиках не сохранилась. Однако когда дело касалось вернувшихся к ереси еретиков, его приговоры были не суровее тюремного заточения. В период между 1318 и 1324 годами инквизитор Памьера провел девять аутодафе, осудив в общей сложности 64 еретика, из которых пять были переданы светским властям. При Бернаре Гуи 42 из 635, иначе говоря, каждый пятнадцатый, а в Памьере каждый тринадцатый были приговорены к высшей мере наказания. Мсье Ланглуа замечает, что в худшие дни поздней испанской инквизиции (которой мы вообще не касаемся в этом исследовании) огню предавали каждого десятого еретика. Леа не делает никакого обобщения о средневековой инквизиции, однако указывает, что «огонь поглотил сравнительно немного жизней». Джиббон, обсуждая часть записей Бернара Гуи, замечает с ненужной воинственностью, что «раз уж никто не должен

злословить о сатане или о Святой палате, то я замечу, что из списка преступлений, занимающего девятнадцать страниц, лишь пятнадцать мужчин и четыре женщины были переданы в руки светских властей.^[130]

В самом деле, как указывает Вакандард, тем еретикам, которым удалось избежать пыток инквизиции, не с чем было себя поздравить. В 1244 году граф Тулузский взялся за разрушение нескольких фортов в Лангедоке; особенно его интересовал замок Мосегюр, известный форпост еретиков. Замок был осажден, а потом захвачен. Двести альбигойских «идеальных» были сожжены дотла без суда.^[131] В 1248 году Раймон VII Тулузский арестовал 80 еретиков в Берлеже. В его присутствии они признались во грехе и, не получив возможности покаяться, были сожжены на костре. Эти насильственные методы в корне отличаются от тех, к которым прибегал Бернар из Ко. 31 января 1257 года Рено де Шартр, инквизитор Тулузский, написал Альфонсу, графу Тулузы и Пуатье и брату святого Людовика, жалуюсь на поведение некоторых представителей светской власти. Немало «возвратных» еретиков, которых Рено приговорил к тюремному заключению, были пойманы магистратом и сожжены.^[132] Без сомнения, таких жалоб совсем немного; в XIII веке светские власти, как правило, не нуждались в побуждении к яростному противодействию ереси. И все же, когда дело касалось сожжения еретиков, инквизитор, скорее, оказывался буфером, чем движущей силой. Прав был Вакандард, когда писал, что «если взглянуть на вещи здраво, то становится понятно, что инквизиция добилась определенного прогресса в обращении с преступниками; она не только положила конец произволу, творимому толпой, но также существенно снизила количество смертных приговоров».^[133]

Нераскаявшиеся еретики

После того, как Фридрих II принял закон, касающийся ереси, для Ломбардии, костер стал легальным наказанием для нераскаявшихся еретиков. При инквизиции в необходимости такого закона никто не сомневался. Нераскаявшимися или упорными еретиками считали, к примеру, тех, кто признавал свою приверженность ереси, но сопротивлялся всякому усилию инквизиции добиться от них отречения от ереси. Их увещевали, им льстили и угрожали, их сажали в тюрьму и даже пытали, надеясь получить от них не признание в приверженности к ереси, а признание в виновности ереси. Если их сжигали на костре, они в полном смысле слова умирали смертью мучеников за свою идею. А ведь для них до самого последнего мгновения была открыта дорога к спасению. На эшафот представители Святой палаты сопровождали тех, кто отказывался от последнего напутствия смело встретить смерть и от любого духовного утешения. С другой стороны, инквизиторы до последнего мгновения ждали слов раскаяния, а потому даже малейший признак того, что осужденный готов покаяться был знаком к прерыванию казни. Известен даже такой случай в Барселоне, когда осужденного привязали к столбу посреди костра, запалили вязанки хвороста и языки пламени поползли к нему. Когда они лизнули его ноги, осужденный закричал, что готов отречься от ереси. Его немедленно развязали.

Можно добавить, что число нераскаявшихся еретиков было совсем невелико. В громадном большинстве случаев страха смерти и уговоров инквизиторов было довольно для того, чтобы человек раскаялся и отрекся от ереси. Из 42 человек, переданных Бернаром Гуи в руки светского правосудия, лишь восемь были нераскаявшимися; остальные были «возвратными» еретиками, то есть, такими, которые, раз покайся в ереси и вернувшись в лоно Церкви, затем вновь становились приверженцами ереси.

Мы уже обсуждали это и осторожно намекали на то, что сжигание на костре считалось подходящим наказанием за ересь. Похоже, по мнению людей того времени, идея поглощения физического тела пламенем была весьма символической; понятно, что костер был выбран не потому, что огонь причинял грешнику страшную боль. Часто жертв душили перед тем, как зажечь костер. Больше того, мы должны обратить внимание на внушительное количество еретиков, которых сжигали уже после смерти. Вероятно, и в те времена высказывались

предположения о том, что эта жгучая ненависть, заставлявшая людей преследовать еретиков даже после их смерти, была вызвана лишь желанием того, что Леа называет «побуждением к грабежу», то есть желанием добиться конфискации имущества, что было неизбежно после того, как человека – живого или мертвого – обвиняли в ереси. Мы еще поговорим об этом позднее. Однако можно заметить, что инквизиторы не останавливались на осыпание проклятиями памяти умершего. Они приказывали эксгумировать останки, чтобы их сожгли на торжественной и мрачной официальной церемонии. Это недопустимо, сказали бы они, чтобы останки еретика оскверняли освященную землю кладбища, где должны покоиться только тела верных Церкви людей и куда вход отрекшимся от истинной веры запрещен.

«Возвратные» еретики

Что касается нераскаившихся еретиков, о них никогда не было двух мнений. Как только светские законодательные власти пришли к выводу, что ересь – это преступление, заслуживавшее смертной казни, упорное стремление к ней могло привести только к костру. Однако с «возвратными» еретиками, то есть теми, кто после воссоединения с Церковью возвращался к еретической практике («*ut canes ad vomitum*», как изящно выразился Папа Григорий XI), дело обстояло иначе. Церковные соборы в Таррагоне в 1242 году и в Безьере в 1246 году постановили, что если уж «возвратные» еретики «решили сделать покаяние своей профессией», то их стоит только сажать в темницу. Среди приговоров, вынесенных Бернаром из Ко, чье усердие в делах заслужило ему прозвище Молота еретиков, мы находим дела 60 «возвратных» еретиков, ни один из которых не был отправлен на костер. В записях каркассонской инквизиции есть описание допроса одного «возвратного» еретика, который «полюбил» альбигойского «идеального», а потому забыл о крестах, носить которые ему предписывало прежнее наказание. Его приговорили носить двойные кресты и объявить о покаянии во всех церквях города.

Как типичный пример инквизиторской процедуры этого раннего периода, мы можем назвать дело некоего Аламана де Роэ. Вероятно, он был наиболее активным членом семьи, имена членов которой с удивительным постоянством появлялись в записях инквизиторских трибуналов. Все они были богатыми и влиятельными еретиками и, похоже, со всей мощью взялись за проповедование альбигойской ереси и агитацию против Церкви.

Заподозренный в том, что его избрали еретическим епископом, Аламан в 1229 году был осужден папским легатом Романо; признав свои ошибки, он вернулся в лоно Церкви и в виде епитимьи был отправлен в паломничество на Святую землю. Он даже не сделал попытки совершить это паломничество. В 1237 году первый инквизитор Тулузы Гийом Арно и Этьен де Сент-Тибери во второй раз рассмотрели его дело. После допроса Аламан был обвинен в активной пропаганде ереси. Стало известно, что в его доме была устроена штаб-квартира еретиков, что он провоцировал нападения на католических священнослужителей и успешно исполнял церковные обряды. Инквизиция вынесла приговор в его отсутствие, и Аламан был объявлен вне закона. Однако когда в 1248 году он снова решил отречься от ереси и захотел вернуться в лоно истинной Церкви, Бернар из Ко не отправил его на костер, а приговорил к пожизненному заключению.

«Далее мы предписываем, – говорится в судебных документах, – чтобы он обеспечивал Понса, живущего с Раймоном Скриптором, едой и одеждой, пока названный Понс живет на свете, а также выплачивал ему ежегодно пятьдесят солиди. Потом он должен вернуть больнице святого Иоанна то, что украл у нее, а также возместить ущерб всем, кого проклял или ранил».^[134]

1258 год, по мнению мсье де Козона, ознаменовал конец относительно терпимого отношения к «возвратным» еретикам. До этого времени, как нам известно, не было ни единого случая смертной казни путем сожжения на костре по отношению к «возвратным» еретикам, зато после 1258 года такая казнь для них стала общераспространенной. Мы уже

обращали внимание читателя на тот факт, что из 42 лиц, переданных Бернаром Гуи в руки светского правосудия, 33 были «возвратными» еретиками. Святой Фома Аквинский сказал, что к «возвратным» и нераскаявшимся еретикам следует относиться с равной суровостью, как и к остальным грешникам. В одной из позиций нераскаявшихся еретиков была даже более безнадежной, чем положение «возвратных» еретиков: как только принималось решение о передаче их в руки светского правосудия, их судьба была предрешена. Они не могли избежать смерти, покаявшись в последнее мгновение; их единственной привилегией оставалось лишь получить Святые Дары перед сожжением, если они высказывали желание.

Таким образом, позиция «возвратных» еретиков интересна своей уникальностью. Для них инквизитор был не судьей, а перспективным отцом-исповедником; для инквизитора «возвратный» еретик был не преступником, а перспективным кающимся грешником. Разве он добровольно не отверг наказание матери-Церкви и не погряз в ереси? Разве его первое воссоединение с Церковью не было обманчивым и не оскорбило снисходительность Церкви? Это было почти святотатством – доказательством нежелания каяться. Больше того, дело доходило до абсурда: с теми, кто пользовался снисходительностью инквизиции и насмехался над ее властью, следовало обращаться так же, кто, пусть и запоздало, искренне раскаивался в ереси. Тот факт, что Святая палата обладала властью назначать епитимью в виде пожизненного наказания, логически указывал на то, чтобы возврат к ереси можно было карать смертной казнью.

Церковь, светские власти и костер

Во всем, что касалось экзекуции, светский магистрат действовал как инструмент Церкви. Еретик, переданный светской власти инквизитором, предстал перед магистратом как осужденный преступник, чье преступление, заслуживающее смертной казни, было доказано. О втором суде, проводимом светскими властями, и речи не заходило; больше того, магистрат иногда даже не узнавал о подробностях дела. Инквизитор говорил свое слово, так что светской власти оставалось только устроить экзекуцию. После суда над Жанной д'Арк с гражданскими магистратами даже не консультировались. Костер был приготовлен заранее, и, как только инквизитор произнес последнее слово, солдаты повели ее к месту казни. Иногда осужденных на несколько дней сажали в светскую тюрьму. Потому что власти хотели, чтобы на казнь приходило как можно больше народу – суровая экзекуция наполняла их сердца страхом, и они начинали опасаться того, как бы тяжесть греха ереси не упала и на их плечи.

В этом действе Церковь принимала активное участие. Нелепо даже предполагать, что светские магистраты представляли из себя независимую власть, которая сама объявляет собственный приговор, не касающийся инквизитора. Цепочка аргументов, скрепленная некоторыми современными апологетами, пытавшимися доказать, что Церковь никакого отношения не имела к назначению смертной казни, средневековым инквизиторам показалась бы нелепой.

«По странной нелепости, – замечает мистер Турбервиль, – многие не замечали, что отношение инквизиции к еретикам логически и неизбежно сводилось к назначению смертной казни для самых упорных из них. Был создан трибунал, который существовал до тех пор, пока ересь не была искоренена. Не замечать того, что тех, кто не поддавался на самые сильные угрозы и не желал воссоединиться с Церковью, ждала худшая судьба, чем тех, кто искренне желал покаяться, было просто нелепо... Точка зрения, высказанная Фомой Аквинским, что ересь – преступление, более отвратительное, чем изготовление фальшивых денег или чем государственная измена (более сильное и чаще используемое сравнение), заслуживающее смертной казни, – кажется не такой уж шокирующей и ужасной. Напротив, можно подумать, что смертная казнь за ересь – вполне справедливое и заслуженное наказание... Только современные проповедники гуманности, а вовсе не средневековые власти думают о необходимости нести моральную ответственность за сожжение еретиков на костре».^[135]

Тюремное заключение

Кающимся еретикам (то есть тем, кого не передали в руки светских властей) приговор в виде епитимьи выносил сам инквизитор. Наиболее частыми наказаниями были заключение в тюрьму, ношение крестов и приказание отправиться в паломничество к святым местам. Точнее, все эти меры считались не наказаниями, а полезными дисциплинарными взысканиями, призванными восстановить духовное здоровье грешников. Теоретически инквизитор находился в позиции отца-исповедника, назначавшего мягкое наказание для оступившихся детей матери-Церкви.

Идея тюремного заключения как наказания за преступления принадлежит монахам: при римском праве подобных наказаний не было. Устав монастыря святого Бенедикта предписывал строгое заключение для преступников – нарушителей монастырской дисциплины и епитимью, которую поначалу назначали только ослушавшимся монахам и клерикалам, потом – мирянам, а уж затем она стала обычной законной карой. Поскольку идея о подобном наказании исходила из Церкви, то оно было принято на вооружение Святой палатой.

«Согласно теории инквизиции, тюремное заключение, – говорит Леа, – было не наказанием, а средством, которое с помощью горького хлеба и слез несчастья помогало оступившемуся человеку получить от Господа прощение за совершенные им грехи; в то же время ему давали возможность убедиться в том, что он избрал верную дорогу, и, будучи изолированным от остальных грешников, он мог полностью излечиться от инфекции».^[136]

В разных районах процедура трибунала проходила по-разному. Однако, по общему правилу, как может показаться, тюремное заключение было наиболее распространенной епитимьей, назначаемой раскаявшимся еретикам. Судя по документам, Бернар Гуи приговорил к тюремному заключению 307 еретиков, то есть почти половину тех, кто предстал перед его судом. В регистрационном журнале Бернара из Ко эта тенденция прослеживается еще явственнее, к тому же, там не приводятся примеры передачи дел светским властям. В период между 1318 и 1324 годами инквизиция Памьера вынесла приговоры 98 еретикам, из которых двое были оправданы, а о епитимье 21 еретика ничего не известно. Наиболее распространенным наказанием было тюремное заключение.

С другой стороны, судя по записям в регистрационном журнале каркассонского нотариуса, в период между 1249 и 1255 годами, а также в 1278 году выносились иные приговоры. Чаще всего грешникам назначалась епитимья в виде паломничества в Святую землю и лишь в нескольких случаях еретиков отправляли в тюрьму.

Часто использовалась практика смягчения и замены наказания в виде тюремного заключения. Замечено, что из 307 человек, отправленных Бернаром Гуи в темницу, 139 были освобождены по специальным мандатам. В 1328 году 23 узника Каркассона были отпущены, получив более легкие наказания. Из 13 еретиков, приговоренных 8 марта 1322 года к тюрьме трибуналом Памьера, восемь были отпущены на свободу 4 июля. 16 января 1329 года 14 еретиков были выпущены из тюрьмы, а 42 – освобождены от обязательства носить кресты. Более того, по общему правилу, инквизиторы всегда были готовы смягчить наказание, если еретика необходимо было кормить семью, а также заботиться о пожилых или больных родственниках. Так, 6 мая 1246 года Бернар из Ко приговорил некоего Раймона Сабатье, «возвратного» еретика, к пожизненному заключению, добавив, что, поскольку отец обвиняемого был добрым католиком, к тому же пожилым и бедным, сын может оставаться с ним до самой его кончины, но обязан носить черную одежду с двумя крестами, перечеркнутыми двумя полосами.^[137] В документах приводится множество примеров того, что заболевшим узникам разрешали пойти домой для того, чтобы набраться сил и здоровья в более подходящих условиях, чем тюрьма. Так, 28 октября 1251 года одна женщина из Куфуленса получила разрешение «уйти из тюрьмы, куда ее посадили за преступление в виде

ереси, до тех пор, пока она не излечится от болезни. Выздоровев, она должна вернуться в тюрьму, чтобы сполна выполнить епитимью, назначенную ей за указанное преступление».^[138] В другом случае заключенный в тюрьму еретик, масон, был отпущен из тюрьмы на два года, чтобы принять участие в строительстве монастыря в Риунетте.^[139]

В 1229 году Церковный собор в Тулузе издал декрет о том, что раскаявшихся еретиков следует сажать в тюрьму так, «чтобы они не могли повлиять на остальных узников»; в декрете также было записано, что если имущество еретика конфисковано, то он может забрать необходимые для себя вещи. Церковный собор в Нарбонне пошел еще дальше, предписав, что, независимо от возраста, пола и состояния, все еретики, не раскаявшиеся во «время милости» должны были отправляться в тюрьму пожизненно. Это было в 1244 году, через два года после убийства инквизиторов и священнослужителей в Авиньонете. Однако может показаться, что даже в те, ранние, годы, когда ересь была в расцвете своей силы, законы никогда не были чрезмерно жестоки к еретикам. Даже Церковный собор в Нарбонне издал собственные постановления, в которых говорилось о том, что инквизиторы не должны приговаривать в пожизненному заключению всех еретиков из-за нехватки кирпичей и известки для строительства тюрем.

По законам инквизиции, пожизненное заключение грозило тем, кто был виновен в лжесвидетельстве, а также тем, кто признался в приверженности к ереси под страхом смертной казни. С другой стороны, число не пожизненных заключений, о которых нам известно, удивительно невелико. Два приговора Бернара из Ко – на десять и пятнадцать лет, а также один случай заключения в тюрьму мужчины «до тех пор, пока Церковь считает нужным держать его за решеткой». В подавляющем большинстве случаев человека сажали в тюрьму пожизненно. Однако есть причины считать, что термин «пожизненное заключение» был скорее данью давнему обычаю и на практике означал очень мало. Мы уже приводили примеры других случаев, когда инквизиторы использовали термины и фразы, давно устаревшие и ставшие бессмысленными. Так было с «эластичной» формулой «*animadversio debita*» – «должное наказание»; так же дело обстояло с абсурдным приговором о передаче дела в руки светских властей. Во всяком случае, когда дело касалось заключения в тюрьму, мы должны обратить внимание читателей на огромное количество примеров того, как еретики были выпущены из темницы; почти половина приговоров о пожизненном заключении, вынесенных Бернаром Гуи, была изменена. Может показаться, что при хорошем поведении, убедив власти не сомневаться в искренности его намерения исправиться, узник получал шанс относительно быстро выйти из тюрьмы.

«*Murus largus*»

Существовало две формы тюремного заключения – более мягкое, или *munis largus*, или более суровое – *munis strictus*. *Murus largus* был обычным приговором. Если не было специальных указаний, то само собой подразумевалось, что еретика приговаривали к *murus largus*; а если приговор должен был выполняться в форме *murus strictus*, то это специально обговаривалось в документах. Бернар Гуи в 1307 году приговорил 19 человек к *murus strictus*.

Таким образом, большое количество приговоров было более легкой и менее суровой формой тюремного заключения, т. е. *murus largus*. Обычно узники обладали относительной свободой в пределах здания тюрьмы. Похоже, что они жили более или менее общественной жизнью, вместе ели, регулярно виделись. Фактически тюремная жизнь напоминала монашескую. Эймерик указывает, что по общепринятой практике друзья-католики могли навещать заключенных. А женам и мужьям разрешали жить вместе, если они оба сидели в тюрьме. Еду, деньги, вино и одежду им могли доставлять со свободы. Леа пишет, что «документы так часто указывают на подобную практику, что ее можно считать установившимся обычаем».

Состояние дел в инквизиторской тюрьме Каркассона можно оценить по заявлению, сделанному в 1282 году инквизитором Жаном Галаном. Он был диким, фанатичным человеком. На его поведение в роли инквизитора поступало множество жалоб и даже привлекло к нему внимание Папы Римского и Филиппа Справедливого. В 1282 году, встревожившись оживлением еретической деятельности в Альби и его окрестностях, он издал серию постановлений о более жестком соблюдении дисциплины в тюрьме Каркассона. Заключенным еретикам запрещается выходить из тюрьмы без специального разрешения инквизитора. Тюремщику и его жене отныне запрещается есть вместе с заключенными и играть с ними в игры. В будущем никаких игр в тюрьме не стало. Ни под каким предлогом узников не разрешается брать деньги, им запрещается получать от родных письма и посылки с предметами, которые могут послужить взяткой. В документах есть любопытный и интересный комментарий об одном тюремщике – явно сговорчивом человеке, нечистом на руку.

«Murus strictus»

Лжесвидетелей, провинившихся священников, членов религиозных орденов, а также тех, чье поведение следовало наказать с особой суровостью, приговаривали к форме заключения, называемой *murus strictus*. Это было наиболее суровое наказание. Узника бросали в темную, отвратительную камеру, иногда *подземную*. Это была камера-одиночка; кормили заключенного только хлебом и водой. Иногда узника приковывали цепями к стене и надевали на него кандалы. Навещать его дозволялось лишь инквизитору и епископу. Однако в 1351 году, по просьбе генерального vicaria Тулузы, король Иоанн II приказал, чтобы дважды в месяц узники имели возможность отдохнуть и поговорить с друзьями.

«В документах я натолкнулся на описание одного случая, – пишет Леа, – когда в 1328 году лжесвидетеля приговорили к *murus strictissimus*, то есть он должен был носить кандалы на руках и ногах... В деле Жанны, вдовы Б. из Тура, монахини из Леспинасса, которая в 1246 году совершала обряды катарской и вальденской ереси и была неискренна в своем признании, записано, что она была приговорена к заключению в отдельной камере в собственном монастыре, куда никто не мог войти и где никто не мог видеть ее. Пищу ей проталкивали в специальное отверстие. По сути, это была настоящая гробница для живого человека».^[140]

Обычные условия в тюрьмах

У инквизиции были собственные тюрьмы в Каркассоне и Тулузе. Неизвестно, имела ли инквизиция свою тюрьму в Безьере; в Памьере епископ предоставлял в их распоряжение *prison des Allemans*. Похоже, что, в общем, инквизиторские тюрьмы были такими же плохими, как и светские, – грязные, едва проветриваемые, иногда вообще не подходящие для проживания людей. Довольно любопытно, что иначе дело обстояло в Испании, где и светские и церковные тюрьмы были лучше оборудованы. Однако в Лангедоке и Италии тюрьмы ничем особенным не отличались. Заключенным никогда не хватало питания, да и пища была не из лучших. При *munis strictus* к лишениям и дискомфорту менее сурового наказания добавлялись ужас одиночества и изнуряющая тяжесть кандалов. В таких условиях смерть становилась желанным избавлением от кошмара. Неизвестно, что при *murus strictus* первым лишалось жизни – разум или тело. Как нам известно, в 1273 году один узник «ранил себя в голову, желая смерти и надеясь убить себя».

Следует, впрочем, заметить, что подобные вещи были не по нраву даже самым жестоким инквизиторам. Меньше всего Святая палата хотела, чтобы все кающиеся грешники погибали в тюрьме от нужд и лишений. «Надо быть осторожным, – заявил один из представителей власти, поражая шаткостью своей позиции, – а то как бы суровая тюремная дисциплина не довела до смерти осужденных... потому что в этом случае судей, которые вынесли этот приговор, обвинят в неспособности вынести правильный приговор». Таким

образом, даже если инквизитор был настоящим монстром, он не мог спокойно относиться... к смерти осужденного им еретика. Даже если мы согласимся с мнением оппонентов, которые выставляют всех инквизиторов только в черном свете и выставляют их как людей, глухих к голосу справедливости и ничего не знающих о порядочности, то нам придется признать, что следить за нормальным состоянием тюрем было в интересах инквизитора.

Большое количество необходимых реформ было внедрено в систему инквизиторских тюрем Папой Клементом V. Дачные выступления Бернара Делисье вызвали целый шторм враждебности против церковных властей Лангедока, в ответ на что инквизиция начала яростную кампанию против ереси. В 1306 году члены монашеских орденов двух религиозных домов написали Папе, торопя его вмешаться в это дело; тем временем консулы Альби и Корда официально пожаловались на поведение инквизиторов и Бернара де Кастане, епископа Альби. Было установлено, что множество невинных людей арестовали и посадили в тюрьму, что пытки к арестованным применяли без ограничений и что условия содержания людей в тюрьмах были отвратительными. Несколько человек так ослабли от нехватки пищи и пыток, что их сердца не выдержали и они умерли.

Папа Римский назначил комиссию, возглавляемую кардиналами Тейефером де ла Шапель и Беренгаром Фредолом. Они должны были поехать в Лангедок, чтобы провести полное расследование. Кардиналы имели право призвать к себе на допрос епископа и инквизиторов, посещать тюрьмы, приостанавливать судебные заседания, позаботиться о том, чтобы все ошибки были немедленно исправлены и своевременно сообщать обо всем происходящем в Рим. Изучив состояние дел, папские легаты прогнали нескольких тюремщиков, приказали, чтобы узников больше не содержали в кандалах и чтобы людей немедленно вывели из подземных камер. Все узники должны были иметь возможность регулярно передвигаться в пределах здания тюрьмы; использовать подземные камеры вообще запрещалось. Следует заметить, что лишь после 1550 года последняя мера была взята на вооружение законодательной системой Франции.

Результаты папского расследования были опубликованы в важной булле «*Multorum Querela*», которая была обнародована на Церковном соборе в Вене в 1311 году. Булла строго запрещала сотрудничество официальных лиц Святой палаты и местных епископов во всем, что касалось преследования ереси. Инквизитор не мог передать кого-то в руки светского правосудия, не мог назначить наказание в виде *munis strictus*, а также применять к обвиняемому пытки без разрешения епископа. Доступ в тюрьмы был открыт. Епископ должен был назначать одного тюремщика, а инквизитор – другого, и каждый должен был иметь свои ключи. Учитывая все это, можно сказать, что это была весьма действенная, справедливая реформа, «подрезающая крылья» инквизитору. Бернар Гуи был недоволен этими новыми правилами; он заявлял, что они мешают работе Святой палаты и что Папа Римский забыл о своей обычной мудрости, отдавая распоряжение внести их в буллу. В некотором смысле это утверждение верно. Реформы Клемента, какими они были известны в истории, существенно сократили свободу инквизиторов, однако говорить об их мудрости не приходится. Если бы все инквизиторы были такими же способными и честными, как Бернар Гуи, то ничего предосудительного в старом режиме и не было бы. Таким людям можно было бы довериться во всем: они смогли бы блюсти справедливость, но не забывали бы одновременно и о милосердии. Однако это было совсем не так. Существовали ужасающие злоупотребления властью и допустить их продолжения было невозможно. В этом и была цель реформ Папы Клемента. Доктор, нравилось ему это или нет, хотел он этого или нет, должен был выслушивать и «второе мнение».

Замечание об идее тюремного заключения

Думаю, читателю понятно, что в Средние века к тюремному заключению относились совсем иначе, чем сейчас. Это было относительно новой вещью, шедшей от монахов и служащей для того, чтобы добиться раскаяния. Так, если узник пытался убежать из

инквизиторской тюрьмы, к его бегству относились не как к желанию избежать справедливого суда, а как к добровольному отказу от любящего наказания Церкви – акт преступной неблагодарности! Для нас подобные вещи кажутся смехотворными и совершенно фантастическими. Однако так относились к подобным наказаниям судьи, а, судя по епитимье, можно в некоторой степени понять, почему узники так редко пытались сбежать из тюрьмы. Дело, должно быть, было не только в бдительности суровых стражников и в мощи толстых стен темницы. Большинство стражников легко поддавались коррупции; узники, осужденные к *munis largus*, большую часть времени проводили вместе и имели бесчисленные возможности составить план побега. Однако это происходило крайне редко.

Далее мы должны обсудить влияние установившегося монашества. Когда членов религиозного ордена обвиняли в ереси, их обычно приговаривали к *murus strictis-simus* – суровому заключению в кандалах на хлебе и воде. Такой была судьба монаха-картезианца из монастыря Болье в Каркассонском приходе. Его обвинили как духовного францисканца и приказали запереть в камере до конца жизни. Теперь понятно, что от священнослужителей требовали соблюдения суровой дисциплины и что ересь для священнослужителя была куда большим грехом, чем для светского человека. И, естественно, наказание за нее было более суровым. Но в конце концов, что *munis largus* могло значить для монаха? Как можно было приговорить такого человека к тюремному заключению, когда вся его жизнь была сплошным заключением? Разве профессия монаха не была добровольным тюремным заключением? Правда, сам он так к монашеству, разумеется, не относился; правда, что высокие идеалы монашеской жизни были не для обычных светских людей. И все же существовала определенная атмосфера, окружавшая саму идею монашеского затворничества. В наше время тюремное заключение рассматривают в первую очередь как потерю личной свободы, прекращение всего, что делает нашу жизнь стоящей; инстинкт, говорящий нам о ценности свободы, вполне естествен. Однако в Средние века к таким вещам относились иначе. Многие монашеские ордена, члены которых, как известно, были веселыми людьми, жили по правилам, куда более суровым, чем те, что диктовало *munus largus*. Так что одиночество и полное уединение были намеренными. К тюремному заключению относились негативно лишь потому, что оно ограничивало личную свободу, и в то же время положительно, потому что оно помогало духовному выздоровлению.

И все же, сказав это, я вынужден признать, что записи о заключении в инквизиторских тюрьмах весьма постыдны. Впрочем, хоть большинство обвиняемых подвергались *munus largus*, а ложные свидетели и другие – *murus strictus*, мы можем сказать, что они заслуживали того, что получили. К тому же очень многих узников выпускали из тюрьмы за хорошее поведение, так что весьма спорен тот факт, что послабление в исполнении наказания получали лишь те, кто был приговорен к самой строгой каре. Однако между идеальным и реальным была огромная пропасть. Для людей Средневековья было характерно ставить перед собой высокие цели, а те, кто высоко поднимается, обычно падают дальше. Теория тюремного заключения, предлагаемая инквизицией, с ее высокими идеями покаяния и духовного возрождения, по силе сравнима лишь с тем, что Осборн Тейлор называет «запятнанной реальностью».

Глава 8

Кресты, паломничество и другие виды наказаний

Ношение крестов

В книге уже указывалось, что в теории не существовало разницы между епитимьей, наложенной инквизицией или обычным исповедником. Даже тюремное заключение долгое время играло роль покаяния перед Церковью; на протяжении Средних веков епископы могли сажать людей в тюрьму почти с теми же целями, с какими это делали инквизиторы. На

практике единственным наказанием, которое назначала только инквизиция, было ношение крестов.

Вероятно, эта форма епитимьи была придумана святым Домиником. Во всяком случае, первое упоминание об этом наказании появилось в формуле, по которой святой воссоединил с Церковью бывшего еретика Понса Роджера.^[141] Согласно епитимье, кающийся должен был исполнять множество религиозных обрядов и держать много постов; в дополнение к этому он должен был носить на одежде два маленьких креста, пришитых по обеим сторонам груди. Трудно поверить, что святой Доминик рассматривал кресты как знак деградации. А если это так, если сама идея того, что крест будет напоминать грешнику о его прошлом грехе, крест должен был стать последним символом его выбора. В то время кресты на одежде носили только крестоносцы и члены военных орденов. Крест был знаком Христа, знаком чести, а не бесчестья. Ясно, что с точки зрения святого Доминика, раскаявшийся грешник должен был носить крест в знак триумфа, напоминая ему, с одной стороны, о совершенных им прегрешениях, а с другой, объявляя верующим о том, что заблудшая овечка вернулась в стадо.

Однако в истории есть несколько святых Домиников. А потому в глазах Церкви и государства, объединенные в ненависти к ереси, они изменили отношение к ношению крестов. Когда о них впервые появляется упоминание в записях Святой палаты, становится понятно, почему к ним относились как к знакам деградации. Для Бернара Гуи ношение крестов было близко тюремному заключению, как принадлежавшее к категории *poenitentiae confusibiles* – унижающая епитимья. Кстати, мы уже указывали на то, что он назначал это наказание в 143 *случаях*. Больше того, исследование инквизиторских записей явно показывает, что ношение крестов рассматривалось как наиболее суровое наказание, к которому могла приговорить инквизиция (кроме тюремного заключения). Лишь самые большие прегрешения карались подобным образом. Даже самое долгое, тяжелое паломничество считалось менее суровой карой. Так, 5 октября 1251 года инквизитор Каркассона освободил нескольких грешников от епитимьи в виде ношения крестов и вместо этого назначил им покаяние в виде паломничества; «...эти люди должны были отправиться за моря (т. е. на Святую землю) первым же кораблем, шедшим в те края».^[142]

Святой Доминик велел Понсу Роджеру носить два «маленьких креста» – *cruses parvulae*, – пришитыми к одежде. В 1229 году Церковный собор в Тулузе официально признал практику наказания таким образом обращенных еретиков. Святой Доминик особо отметил, что кресты должны быть иного цвета, чем одежда, и что их следует носить по обеим сторонам груди. Таким образом, следует предположить, что они не были очень большими. Однако в 1243 году Церковный собор в Нарбонне специально оговорил их размеры. Ясно, что к этому времени кресты расценивались как знак прегрешения и ничего больше. Собор постановил, чтобы в будущем кресты носили сзади и впереди; один следовало укрепить на груди, другой – между лопатками. Кресты следовалошивать на верхнюю одежду, и они должны были быть желтого цвета. Вертикальная часть креста должна была быть в две с половиной ладони в длину, горизонтальная – в две ладони, половинки креста должны были быть в три пальца шириной. Дальше, «хороший» еретик, которого по какой-то причине не приговорили к тюремному заключению, должен был носить три креста – третий надлежало прикреплять на шляпу, и на вуаль – женщине. Этот декрет был принят на Церковном соборе 1246 года в Безьере, который также постановил, что те еретики, которые намеренно солгали или скрыли правду от инквизиторов, должны носить специальные кресты с двумя поперечными полосками.

Идея подобным образом отмечать осужденных получила широкое развитие у инквизиторов. Ложные свидетели носили на одежде красные полосы, символизирующие языки. Те, кто был уличен в занятиях черной магией или в увлечении оккультными науками, что влекло за собой профанацию всего святого, носили пришитыми к одежде желтые диски,

символизирующие Святой Дух. Колдунам, идолопоклонникам и почитателям дьявола надлежало носить на одежде гротескные фигуры, напоминающие горгульи на соборах. Вероятно, все это было каким-то образом связано со средневековой страстью к геральдике и символике. Это был век униформ, эмблем и, если можно так выразиться, клейм. Тогда существовали униформы для членов религиозных орденов (доспехи рыцарей); львы святого Марка также ассоциировались со Средневековьем, как орлы с имперским Римом. В некоторые периоды Средневековья евреям предписывалось носить на груди желтые круги. Во время «Черной смерти» кочующие банды флагеллантов, или братьев Креста, ходили строем со знаменами, зажженными восковыми свечами и на их одежде спереди, сзади и на капюшонах были пришиты алые кресты в знак принадлежности к ордену. В XVII веке царь Петр Великий приказал членам схизматических сект носить подобные кресты на спине. В наше время мы можем увидеть такие же знаки огненного креста на балахонах Ку-клукс-клана и на одежде заключенных, причем некоторые носят их добровольно, а другим это предписывается законом. Многие писатели обратили внимание на интересное возрождение геральдики во время войны, когда в Британской армии подобными знаками отмечались дивизии и бригады.

С первого взгляда может показаться, что ношение желтых крестов, назначенное инквизицией, было простым наказанием. Но, как мы уже указывали, это было совсем не так. В глазах людей желтый крест был знаком позора; человек, носивший этот крест, был изгоем, живущим среди людей. О его прегрешениях узнали и его за них справедливо наказали. Разумеется, он покался и формально стал таким же католиком, как и остальные. Но это только формально... Церковь в своей безграничной милости позволила ему искупить грехи, однако может ли леопард избавиться от своих пятен? Ересь, как мы указывали уже несколько раз, была таким же оскорблением общества, как и оскорблением всей Церкви.

В результате всего этого те, кто носили кресты, часто подвергались остракизму. Один шкипер, которого арестовали за то, что он не носил крестов, заявил, что он перестал носить их десять лет назад из-за того, что его жизнь стала невозможной. При тех же обстоятельствах одна женщина, некая Раймонда Майнфер, призванная к Каркассонскому трибуналу 2 октября 1252 года, заявила, что ее хозяин запретил ей носить кресты. Люди не могли найти работы. Отцы, вынужденные носить кресты, не могли найти женихов своим дочерям, а *fortiori*, девушки, носящие кресты, не могли выйти замуж. Бернар Гуи, освободивший 139 человек от обязанности носить кресты, назвал условия, при которых с людей могли законно снять епитимью в виде ношения крестов. Речь шла о пожилых и больных людях; также освобождались от этой епитимьи те семейные люди, которым надо было выдавать дочерей замуж. Впрочем, он мог и по другой причине, «которая могла показаться нам уважительной», освободить людей от этого наказания. Инквизиторы отлично понимали, на какие несчастья Святая палата обрекает людей, приказывая им носить кресты.

И все же не это было целью наказания в виде ношения крестов. Следует отдать должное церковным властям, которые снова и снова пытались оградить наказанных людей от высмеивания, преследований и бойкотов. Церковный собор в Безьере издал соответствующие постановления по этому поводу; инквизиторы часто обращались за помощью к светским властям, чтобы прекратить это. Приятно было узнать, что архиепископ Нарбонны, разгневавшись, пригрозил в 1329 году, что заставит всех тех, кто преследует наказанных ношением крестов людей, самим носить кресты.

Частота, с которой инквизиция прибегала к подобным наказаниям, в большой степени варьировалась – в зависимости от активности инквизиции. К этому наказанию не часто прибегал Бернар из Ко; в записях каркассонской инквизиции в период с 1250 по 1258 годы есть не более 20–30 упоминаний о подобном наказании. Похоже, чаще других к подобному наказанию прибегал Бернар Гуи; судя по записям, почти четвертой части представших перед ним еретиков он назначил это наказание. Однако с середины XIV века о ношении крестов упоминается все реже. Мсье Танон заметил, что в 1451 году некий Жан Акарен был

приговорен к четырем годам ношения крестов и к трем годам тюремного заключения. «Кресты, которые должен был носить он (Акарен) были традиционными – такого же размера и формы».^[143] Но к тому времени французская инквизиция уже почти потеряла силу. Она сыграла лишь второстепенную роль в процессе и осуждении Жанны д'Арк. В течение второй половины XV века в Париже была совершена лишь одна казнь за ересь, и инквизиция не имела к ней отношения. Кажется, 3 июня 1491 года Жан Ланглуа, священник, напал на такого же, как он, священника, служившего мессу в соборе Парижской Богоматери, повалил его на пол, перевернул потир (литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия. – *Примеч. переводчика.*) и вылил его содержимое на пол. Он был арестован и после яростного богохульства, проклятий и сетований, издаваемых священником, его передали в руки светского правосудия. 12 июня 1491 года этого человека сожгли на костре.^[144]

Паломничество

Тюремное заключение и ношение крестов в глазах инквизиции были унижительными наказаниями; их рассматривали как меры для установления дисциплины, целью которых было вызвать и разбудить угрызения совести за прошедшие прегрешения и направить человека к истинным духовным ценностям. Выше я уже предполагал, что все поведение Святой палаты, похоже, основано на презумпции святости всех инквизиторов. Можно пойти дальше и сказать, что, работая с согрешившими людьми, Святая палата руководствовалась убеждением, что все раскаявшиеся грешники – будущие святые. И сажали их в тюрьму для того, чтобы на хлебе и воде, в кандалах они могли подумать о душе и, таким образом, спасти ее. Кресты на них надевали для того, чтобы они поняли, что Церковь сберегла их от грозящей им опасности. А крест и тюремное заключение были, как сказано в пособиях для инквизиторов, не наказанием, а унижительными епитимьями.

Иначе обстояло дело с пилигримами, наказание которых паломничеством не считалось унижительным. В Средние века паломничество расценивалось как акт очищения, с помощью которого можно было получить немало выгод. Все время от времени отправлялись в паломничество: некоторые в дальнее, на Святую землю, а большинство – к ближайшим святыням. В Англии, например, принято было ходить к Богородице Уолшингемской или к святому Фоме Кентерберийскому. Так, Вильям Ньюленд из Лондона, умерший в 1425 году, записал в своем завещании, что: «один человек должен идти в Рим и в Иерусалим и заработать на дорогу, другой должен идти в Кентербери босиком, третьего пошлют к святому Джеймсу в Галлию...»^[145]

Интересно заметить, что в Средние века светские власти часто приказывали людям отправляться в паломничество. Это любопытная деталь, как замечает мсье де Козон, которая еще раз подчеркивает тесную связь между социальными и религиозными аспектами общества. Паломничество было одной из главных обязанностей и одной из самых больших радостей наших средневековых предков. Однако, как и всякая форма церковных обрядов, оно могло быть назначено как епитимья. Этим я хочу сказать, что, хоть паломничество и назначалось в качестве епитимьи, его не рассматривали как тяжелую обязанность, от которой человек старался бы избавиться. Обычная епитимья могла заключаться в слушании определенного количества месс или определенного количества молитв. Такие акты покаяния приносили верующим только радость, хотя, возможно, они предпочли бы заняться чем-нибудь другим. Хотя, чем, собственно, могла развлечь себя веселая толпа, которую Чосер описал в своих «Кентерберийских рассказах»?

Таким образом, инквизиция рассматривала паломничество как одно из наиболее легких наказаний. На самом деле пилигримам редко приказывали носить кресты, разве что в случаях дополнительной епитимьи или в случае совершения ими раньше более серьезных преступлений. В списке приговоров инквизиции, составленном Лимборком, названо 127 случаев, когда людей освобождали от тюрьмы и приказывали им отправиться в

паломничество, причем с крестами на одежде. Были и случаи, когда людей сразу отправляли в паломничество, и из этого можно заключить, что они совершали совсем пустяковые провинности. Так, инквизитор Петер Селла назначил одному человеку епитимью в виде паломничества к святому Джеймсу из Компостелы всего лишь за то, что тот, увидев вальденсов на корабле, вступил с ними в разговор, причем он прекратил беседу, как только ему сказали, кто это такие.

Инквизиторы проводили четкое различие между большим паломничеством, малым паломничеством и *passagium transmarinum* – путешествием в Святую землю. Места большого и малого паломничества периодически менялись. Из Лангедока людей отправляли в Рим, к святому Джеймсу Компостела, к святому Фоме из Кентербери или к Трем Королям в Кельн. Места малого паломничества были более разнообразны и включали в себя монастыри святого Жилья, Рокамадур, святого Антония в Вене, Богородицы в Монпелье, Богородицы в Париже, святого Северинуса в Бордо, святого Доминика в Болонье, Нарбонне, Кастре, Лиможе и Памьере. Ко всем этим святыням весь год шел постоянный поток пилигримов, хотя естественно, что в дни церковных праздников людей прибавлялось.

Наказанные инквизиторами получали от них бумагу с перечислением мест, которые они должны посетить, и перечнем обрядов, которые они должны исполнять каждый день. Этот документ, написанный на латыни, служил в пути охранной грамотой и представлял собою нечто вроде паспорта. При необходимости паломники обращались к приходским священникам, которые переводили им текст документа и указывали дорогу, а также давали другие советы. Из каждого места паломничества пилигримы должны были принести бумагу, заверенную местным священником, в которой указывалось, что паломничество выполнено и что наказанный человек должным образом исполняет возложенную на него епитимью. Так, 30 ноября 1250 года такую бумагу, выданную инквизитором Каркассона, получил некий Петер Пельфа:

«... убрать кресты, которые он должен носить за совершенные им преступления в виде ереси, до его возвращения из Франции, куда ему хочется отправиться; по возвращении он должен в течение первых восьми дней предстать перед лордом епископом Каркассона... он должен показать тому письменное уведомление о том, что совершил паломничество в назначенные ему места».^[146]

Большое паломничество довольно часто назначалось в ранние годы инквизиции. Петер Селла большинство еретиков отправлял к святому Джеймсу в Компостеле и святому Фоме в Кентербери. Бернер из Ко крайне редко прибегал к такой форме наказания. Бернар Гуи назначал только малые паломничества. Очень часто осужденные должны были совершить, скажем, одно большое и три малых паломничества.

Гораздо чаще, особенно в поздний период, епитимья обретала форму серий походов к главным церквям, расположенным по соседству, в каждой из которых осужденного пороли в качестве наказания. Осужденный должен был входить в церковь босиком, держа в руке пучок розог, которыми его должны были выпороть. В промежутках при чтении евангелий и апостольских посланий он подходил к алтарю и вручал розги священнику; затем раздевался до пояса и получал определенное инквизитором количество ударов. Без сомнения, это наказание должно было, скорее, унижить человека в глазах прихожан, чем причинить ему боль. При этом грешника никак не держали. Он мог кричать, протестовать или, возможно, проявить более естественную реакцию и рассмеяться. Например, графа Раймона VI Тулузского подвергли подобному унижению. Оно было введено в инквизиторскую практику церковными соборами в Таррагоне и Нарбонне, и с тех пор инквизиторы часто прибегали к нему. Бернар Гуи приговаривал к телесному наказанию тех, кто намеренно создавал помехи в работе Святой палаты.

Вся церемония, без сомнения, отвлекала верующих, собравшихся на мессу, да и вообще была неуместна. Мы сможем сказать, что зашли довольно далеко в постижении Средних веков, когда поймем, как эта публичная порка могла проходить в полной и суровой тишине, как священник, люди и выполняющий епитимью еретик могли спокойно относиться к вторжению в святую церковь.

До потери Иерусалима в 1304 году самым опасным и в то же время самым похвальным считалось паломничество на Святую землю в качестве крестоносца. Для раскаявшихся еретиков оно называлось *passagium transmarinum*; и инквизиция, и светские власти таким образом рекрутировали крестоносцев и укрепляли их рядами Латинское королевство Иерусалима. 12 жителей Альби были приговорены к подобному паломничеству простым приговором. В 1237 году сенешаль короля Франции отправил нескольких граждан Нарбонны на борьбу с неверными – некоторых в Испанию, а некоторых на Святую землю. Их обвиняли в том, что они принимали активное участие в выступлениях против монахов-доминиканцев в Нарбонне.

Однако опасность подобного путешествия в Святую землю на кораблях, полных раскаявшихся еретиков (чья приверженность истинной вере могла быть весьма недолговечной), была слишком велика. В 1244 году Церковный собор в Нарбонне, подтверждая последний указ Папы Римского, приказал, чтобы эти путешествия вынужденных паломников были приостановлены. Появились опасения, что Святая земля, собрав на себе такое количество еретиков, станет их сильным форпостом. Впрочем, скоро стало понятно, что подобные опасения безосновательны. Как бы там ни было, Церковный собор в Безьере в 1246 году снял все ограничения по этому поводу. В 1247 году Папа Иннокентий IV приказал смягчать наказания в виде тюремного заключения и ношения крестов паломничеством на Святую землю. В результате подобных постановлений, как показывают записи каркассонской инквизиции с 1250 по 1258 год, *passagium transmarinum* применялось в великом множестве случаев. Однако с 1260 года и далее практика подобных епитимий применялась все реже, а после падения Иерусалима она и вовсе прекратилась. Бернар Гуи лишь однажды приказал раскаявшемуся еретика отправиться крестоносцем на Святую землю; любопытно, что в своей «Practica» он не называет это епитимьей.

«Что довольно странно, – указывает мсье де Козон, – так это признание того, что раскаявшийся еретик, не способный отправиться в паломничество, все равно от него не освобождался. Он должен был найти себе замену, а если надлежало совершить паломничество на Святую землю, то заместитель должен был быть вооруженным человеком. Разумеется, подобная замена могла производиться только с позволения инквизитора. Если приговоренный к паломничеству человек умирал, то его наследники хоть и не должны были отправляться в паломничество вместо него, но должны были заплатить за не осуществившееся путешествие».^[147]

Можно представить себе, что паломничество на Святую землю было весьма трудным и опасным путешествием. Куда легче было тем, кто отправлялся туда добровольно, с помощью Церкви. Эти люди сами выбирали время путешествия, приводили дела в порядок, оставляли содержание семье. А вот положение приговоренного к епитимье еретика, который должен был в намеченный инквизитором срок отправиться в паломничество, было куда серьезнее. Как правило, он должен был провести в Палестине несколько лет. Время отправления, порт прибытия и т. п. – все это было строго регламентировано инквизицией. Такое паломничество следовало приравнять к ссылке. Однако удивительно, что в записях каркассонской инквизиции мы редко находим примеры того, чтобы приговоренные к паломничеству отказались бы выполнить его или послать вместо себя замену, или близкие не заплатили бы денег за то, что их умерший родственник не смог отправиться в паломничество.

По приговорам экс-еретики направлялись в паломничество на срок от одного до восьми лет. Кажется, для отправления в паломничество было два наиболее подходящих периода: в марте и в августе.

«Издан декрет, – читаем мы в типичном документе об осуждении, изданном 5 ноября 1253 года, – о том, что, заплатив штраф в размере пятидесяти фунтов и дав должные клятвы, Бер. дез Мартир, Бер. Армен старший и П. Далбарс Алазонский должны отправиться за моря в месяце марте. Так пусть будут готовы отправиться в плавание либо из Эйг-Морта, либо из Марселя».^[148]

Следует помнить, что само путешествие давало мало или вовсе не давало опыта пилигриму. Почти во всех монастырях, в которые он должен был попасть, его встречали с большим гостеприимством. Он мог бесплатно оставлять в конюшнях своих лошадей, мог бесплатно два дня жить в каждом монастыре. Понятно, что к паломникам из Европы, отправленным в недолгое паломничество, скажем, на несколько месяцев, не относились как к серьезным грешникам. Пилигрим всегда ехал по проторенной дороге, и все считали, что он делает нужное, благочестивое дело. Мсье Молинье буквально с мукой указывает на «безжалостные насмешки иностранного населения», «на ужасное состояние дорог в Европе» и так далее, словно неудобства и опасности, встречавшиеся на пути средневековых пилигримов, были специально устроены инквизиторами.^[149] На самом деле паломник сталкивался на пути со множеством вещей, которые мы сегодня рассматриваем как трудности; обычному пилигриму было не легче и не труднее, чем обычному средневековому страннику.

Судопроизводство против мертвых

В двадцать третьей главе Второй Книги Царств^[150] говорится, что Иосия, опрокинув алтарь Ваала и изгнав языческих священников, взглянул Иосия, и увидел могилы, которые были там на горе, и послал, и взял кости из могил, и сжег на жертвеннике, и осквернил его по слову Господню, которое провозгласил человек Божий, предрекший события сии.^[151] Так традиционно выражали официальное отвращение в памяти мертвых; подобные же описания мы находим в пьесах Софокла и Эсхила, в хрониках кодов Жозева и Теодосия. Отрицание элементарных прав мертвых возникло задолго до христианской эры и считалось надлежащим наказанием мертвых, о чьих нехороших деяниях узнали лишь после их жизни. Это наказание могло ждать наиболее свирепых преступников; общество отказывалось почитать их память. В 1022 году, когда еретиков впервые стали сжигать в Орлеане по приказанию короля Робера Благочестивого,^[152] выяснилось, что один каноник, умерший за три года до этого, был уличен в ереси. Его тело немедленно эксгумировали и выбросили с кладбища. В 1209 года труп еретика Амори де Бене был выкопан из земли, и останки бросили собакам на съедение.

Возможно, не стоит так уж удивляться тому, что средневековая Церковь с ее удивительной ненавистью к ереси с такой легкостью приняла практику подобного обращения с мертвецами. Ересь была проклятием, грязью, которую нельзя было простить даже мертвым. Невыносимой была мысль, что на освященной земле кладбища с фамильными усыпальницами верующих покоились останки тех, кто при жизни был богохульником. Если еретика хоронили в семейном склепе, то считалось, что он обманом попал туда. Так пусть лучше его с миром похоронят в другом месте. Пусть все делается пристойно и в надлежащем порядке. Но как же можно положить его в землю в месте, подготовленном тем, кого он при жизни презирал и от кого отрекся?

Именно так относились к могилам еретиков, начиная со времен патристики и заканчивая Средними веками. Однако с повторным появлением организованной ереси в Европе и с соответствующим нарастанием анти-еретических настроений проклятие мертвых обретало все более серьезные формы. К тому времени, когда на историческую сцену вышла инквизиция, было уже множество прецедентов проклятия мертвых, причем оно заключалось

не только в выкапывании их останков из могил, но и в отказе на право перезахоронения. Причина развития нового витка преследования мертвых относительно понятна; в документах есть множество описаний подобных преследований. Существовало, однако, опасение того, что ученики умерших еретиков заберут их останки и будут почитать их, как святые реликвии. Таким образом, секта могла получить новый стимул к жизни, а религиозные предрассудки, о которых было почти забыто, могли расцвести с новой силой. Так, после смерти Арнольда из Брескии было приказано сжечь его тело, а его останки выбросить в Тибр, «дабы люди не могли собрать их и почитать, как пепел великомученика».

Святая палата со своими многотомными записями и с развитой системой слежки за тем, кто предстал перед нею, лучше всего подходила для преследования памяти мертвых. Случайное замечание сына или внука могло вызвать мгновенное подозрение; поднимались записи чуть ли не полувековой давности, и вполне могло выясниться, что давно умерший человек был еретиком. Тело некоего Арно Пуньилупоса, умершего в 1260 году, было эксгумировано и сожжено в 1301 году. Эрмесинд де Фуа и ее отец, Арно де Кастельбон, были обвинены в ереси через 30 лет после смерти. В 1330 году осуждена была также память Бернара Арно Эмбрина, который к тому времени был мертв уже 75 лет! В 1319 году инквизиция Каркассона открыла дело против памяти Кастеля Фора, францисканского монаха. Выяснилось, что на смертном одре в 1278 году он был принят в секту альбигойцев. Его вина была доказана; немедленно приказали откопать его останки. Тот, кто занимался эксгумацией, заявил, что по костям невозможно узнать человека, потому что кости одного покойника перепутаны с костями другого. Тогда заподозрили, что монахи, ревниво относившиеся к памяти своего брата, намеренно смешали кости. Об этом деле было доложено Папе Римскому. Было проведено расследование, которое и признало обвинение несостоятельным.

Процессы над мертвецами проводились по той же схеме, что и процессы над живыми. Сначала обсуждались факты, затем допрашивались свидетели, а потом все собранные материалы, как обычно, передавались на рассмотрение группе экспертов. Мсье Танон заметил, что на посмертный процесс над 13 гражданами Каркассона общие траты составили: «жалованье для юристов инквизиции, которые представили материалы, для нотариусов, которые в течение 12 дней выслушивали свидетелей, и, наконец, двух барристеров, которые, по просьбе инквизитора, защищали мертвецов».^[153]

Приговор оглашался обычным образом – либо во время «*Sermo generalis*», либо в присутствии наследников и всех тех, кого это дело касалось. Эксгумация и перевоз останков проводились в атмосфере полной суровости и серьезности, соответствующей случаю; кости везли по улицам в телеге, которую сопровождала толпа людей и герольд, выкрикивающий имя осужденного человека и называющий преступления, за которые его осудили. Церемония кремации проводилась, разумеется, светскими властями. Святая палата занималась только вынесением приговора и следила за тем, чтобы останки были вырыты из священной кладбищенской земли. Все остальное было делом светских властей. Любопытно, что Церковный собор в Арле, проводимый в 1234 году, использовал ту же формулировку, что и при вынесении приговора нераскаявшимся: «если их тела или их кости можно отличить от других, то их следует выкопать из земли и передать в руки светского судьи».

Как и в случаях других наказаний инквизиции, частота процессов против мертвых варьировалась в зависимости от времени и места. Бернар Гуи судил 89 мертвецов и приказал эксгумировать останки 69. Легко можно представить, что когда Святая палата обрела полную мощь и набрала внушительный портфель документов, ее способность уличить мертвеца в ереси многократно возросла. С другой стороны, эффективность работы инквизиции затрудняла деятельность еретиков, какими бы осторожными они не были; так что всего лишь несколько человек – истинных еретиков – умерли в мире с инквизицией. Так, многочисленные приговоры Бернара Гуи, направленные против мертвых, могут означать две вещи. Первая: записи о похороненном давно человеке велись с должным тщанием, так что

инквизитор без труда мог узнать все о человеке, похороненном даже 50 лет назад. И вторая: предшественники Бернара Гуи действовали неэффективно, потому что позволили еретику избежать наказания при жизни. Из 89 приговоров мертвым 46 были произнесены на аутодафе, проводимом 23 апреля 1312 года – менее чем через пять лет после того, как он принял на себя руководство Святой палатой.

Некоторые высказывают предположение, что, предавая огню останки тех, кому была вынесены анафема, Церковь таким образом готовилась к Страшному суду и старалась предотвратить воскресение еретиков. Эта мысль слишком нелепа, чтобы ее обсуждать. Настоящие причины, судя по многочисленным документам, были иными. Во-первых, тело выкапывали из могилы и выбрасывали с кладбищенской территории, потому что Церковь трепетно относилась к святой территории кладбища. Во-вторых, трупы уничтожали таким образом, чтобы еретики не могли добраться до них и превратить их в святые реликвии. В течение многих веков сжигание трупа на костре считалось чем-то отвратительным. Кстати, этим, видимо, можно объяснить, почему в наши дни Церковь с недовольством относится к кремации. Правда, она никогда открыто не выступала против нее, однако она не хочет менять своего мнения. Вот и все.

Разрушение домов

Еще одна традиция инквизиции, корнями уходящая в античность, – это разрушение жилищ и уничтожение собственности врагов и преступников. Цель этого – добиться, чтобы память об этих людях была полностью уничтожена. Подобное действие относится к символическому выражению верования, что все предметы, до которых дотрагивался осужденный или которыми он владел, даже, к примеру, стул, на котором он сидел, считаются оскверненными его прикосновениями. Все, что напоминало о его характере или поведении, считалось грязным и должно было быть полностью уничтожено. Так, Абимелех, захватив город Шецем, приказал уничтожить все его население, сравнял город с землей и руины посыпал солью. Так, римляне, не удовлетворенные тем, что убили всех жителей Карфагена и сожгли его, дошли до того, что распахали землю, где прежде находился великий город, чтобы в дальнейшем никто не узнал о его местоположении. Точно так же, согласно коду Юстиниана, все места поклонения еретиков должны были быть уничтожены; таким образом, становится понятно, почему с возрождением римского права в XI и XII веках эта идея перешла в Средние века.

Как бы там ни было, впервые в Европе, в Кларендоне, присяжные приказали разрушить дома еретиков в 1166 году. Так становится понятно, что еретики объявляются естественными врагами общества и что даже само их присутствие отвратительно. Издав гражданский запрет об «этой секте ренегатов, которых отлучили от Церкви и заклемили в Оксфорде, законодательный акт добавляет, что «если кто-нибудь примет их в своем доме, то он сам предстанет на милость его величества короля, а дом, в котором приняли еретиков, будет вынесен за пределы города и сожжен».^[154] В 1184 году император Фридрих Барбаросса издал несколько антиеретических указов, согласно которым еретики были обречены на лишение всех гражданских прав, конфискацию имущества и ссылку; это включало запрет находиться в любом общественном заведении, а также разрушение их домов. В 1207 году папа Иннокентий III подтвердил эти законодательные акты в своем письме магистратам Витербо, где он написал, что все дома еретиков следует разрушать и ровнять их с землей и чтобы никто ничего не строил на освободившихся местах. С этого времени светские и церковные власти стали считать разрушение домов еретиков обычной законной практикой, диктуемой антиеретическим законодательством.

Следует, однако, заметить, что еретики не были единственными лицами, чью память с таким старанием вытравляли из сознания людей. В 1187 году Филипп Август, ратифицируя законоположение о городе Турне, приказал разрушить дома убийц, а святой Людовик IX издал такой же указ, касающийся дорожных грабителей и разбойников.

Теоретически позиция инквизиции была понятной и безошибочной. Когда бы они ни осуждали еретика, у них была власть уничтожить его дом. А вот Иннокентий IV приказывал разрушать не только дом еретика, но и все соседствующие с ним строения, которые принадлежали тому же владельцу. Однако с самого начала стало ясно, что эта практика к добру не приведет. В Лангедоке и Северной Италии, например, буквальное исполнение папской инструкции привело к разрушению целых деревень, так что неудивительно, что Александр IV внес в эту инструкцию кое-какие коррективы. Впрочем, несмотря на это, теоретическая позиция оставалась неизменной. Каждый дом, в котором жили еретики или сочувствующие им лица, а также здания, в которых они исполняли свои обряды, следовало уничтожить и больше не строить домов на этом месте. Лишь оставшиеся камни дозволялось использовать для какой-нибудь благочестивой цели – для строительства церкви или больницы, например.

Правда, в Италии запрет пользоваться оскверненной еретиком землей действовал лишь в течение 40 лет, а вот во Франции инквизиторский запрет должен был длиться вечно, и лишь специальное распоряжение Папы Римского могло снять его. 22 марта 1374 года Папа Григорий XI пообещал разрешить Бернару Версавену, секретарю герцога Анжуйского, строительство дома на земле, которую тот недавно приобрел и которая за несколько лет до этого была предана инквизиторами анафеме.^[155]

Однако, несмотря на целый ряд прецедентов и предписаний, Святая палата очень редко приказывала разрушать дома еретиков. Нам сейчас не решить, в чем причина этого. Возможно, инквизиторы порой не знали, как привести подобный приговор в исполнение, а, может, они желали усилить наказание лишь в исключительных случаях. За время ведения дел инквизиции Бернар I и приказал разрушить 22 дома, причем всякий раз дело касалось наиболее ярко выраженных случаев ереси, например, процедуры так называемой «еретикации». Поразительный комментарий о том, какой эффект производили такие действия, приведен в письме, написанном Папе Клементу VI инквизитором Эймоном де Комон из Каркассона. Похоже, в одном-двух фешенебельных кварталах города пустовали некие места, на которых в прежние времена стояли дома еретиков. После того, как дома были разрушены и земля под ними была вспахана, эти места покрылись таким толстым слоем всевозможного мусора и отходов, что они стали представлять собой угрозу для общественного здоровья. По словам инквизитора, он обратил на этот факт внимание местных властей и в письме спрашивал у папы совета, как поступить. Клемент ответил, что эти места следует тщательно расчистить, а потом обнести забором – подальше от людских глаз.^[156]

Впрочем, разрушение домов по приказанию инквизиции не заслуживает длительного внимания. Это делалось не так уж часто, о подобном наказании не говорится ни слова в приговорах, вынесенных Бернаром из Ко; не упоминается о них и в записях каркассонской инквизиции с 1250 по 1258 год. А после середины XIV века подобные приговоры, кажется, и вовсе перестали выносить. До тех пор, пока во времена Реформации в католиках и протестантах не проснулся дикий, яростный дух разрушения. В начале XVI века каноники-августинцы из Антверпена были обвинены в лютеранстве; их монастырь был разрушен. В 1559 году был издан королевский указ, согласно которому все места, где собирались протестанты, тоже следовало разрушать. Генрих VIII Английский, не желая нарушать жизнь монашеской общины, все же приказал смести с лица земли все постройки монастыря, чем уничтожил древнейшие ценности, так что сегодня из-за его прихоти мы имеем возможность лицезреть лишь руины величественного архитектурного сооружения, которое в былые времена украшало наши края.

Конфискация имущества

Подводя итоги в работе об инквизиции, Леа заметил, что «преследования как постоянная и продолжительная политика, чаще всего подкреплялись конфискацией имущества», а, поскольку это заявление нуждается в определении, следует заметить, что оно

содержит большую долю правды. В самом деле ересь была чем-то более существенным, чем простое несогласие с догматическими определениями Церкви. Больше того, ересь считалась преступлением, заслуженным наказанием за которое, по гражданскому законодательству, была смерть и конфискация имущества.

Начиная со времен принятия теодосийского кодекса антиеретическое законодательство настаивало на том, что любая связь с ересью должна сопровождаться отказом от имущества. Последствия не заставили себя ждать. Как только человек начинал испытывать сомнения в вере, он становился *ipso facto* неспособным в глазах закона держать какую-то собственность. Ересь вела к потере гражданства; собственность еретика конфисковывалась точно так же, как собственность убийцы или государственного изменника. С единственной, правда, разницей; если наследники еретика не были сами замечены в ереси, то они могли получить конфискованное имущество назад; в остальных случаях конфискация была полной и вечной.

В соответствии с этим, когда Папа Григорий IX официально установил монашескую инквизицию, ересь была признана светскими властями преступлением, караемым конфискацией имущества и смертью. Теоретически любой человек, заподозренный в ереси, должен был получить первое наказание. И даже если впоследствии он раскаивался и возвращался в лоно истинной Церкви, это не имело значения: сам по себе факт приверженности к ереси, как, например, факт государственной измены, влек за собой потерю гражданских прав и конфискацию имущества. Причем любопытно, что на отношение государства к еретикам никак не влияло отношение к нему инквизиции, однако это никак не помогало обвиняемому. Важен был лишь факт ереси. А ересь, как указывали Иннокентий III и Фридрих II, была большим преступлением, чем государственная измена.

Однако на практике закон редко действовал в полную силу. Больше того, можно было бы даже предположить, что в ранние времена он вообще не применялся. Достаточно сказать, что в течение тринадцатого века собственность еретика нельзя было трогать без разрешения налоговых властей, которое давалось лишь после того, как судья выносил приговор. А в Италии инквизиторы сами принимали решение о том, стоит или нет конфисковывать имущество осужденных. Но во Франции и Испании Святая палата не вмешивалась в дела конфискации, и решение об отъеме имущества принималось только государством. Было также принято решение, что все те, кто покаяться в ереси во «время милости», будут избавлены от этого наказания. Для остальных действовал иной закон, принятый Церковными Соборами в Альби и Безьере и поддержанный Бернаром Гуи, как он говорит в своей книге «Practica». Согласно этому закону, собственность конфисковывалась у всех «возвратных» и нераскаявшихся еретиков, приговоренных к сожжению на костре, а также у тех, кого приговорили *in absentia* (в их отсутствие) или к пожизненному заключению. Комиссия, отправленная в Лангедок Альфонсом Пуатье в 1253 году, добавила к этим трем категориям четвертую – имущество стали конфисковывать также у тех, кто был приговорен к ношению двойных крестов. Однако, судя по тому, что писал мсье де Козон, «это последнее предписание не получило широкого распространения».^[157]

Конфискация относилась лишь к собственности самого еретика. Собственность и приданое его жены были неприкосновенны, если, конечно, она сама не совершила ошибки и не впала в ересь. В документах мы встречали несколько отчетов о возвращении приданого женщинам, если оно было ошибочно изъято судебными приставами.

Во Франции все конфискованное имущество отходило к государству, если только изгоем, поддавшимся ереси, не был священник. Потому что государство не могло отнимать имущество у Церкви. Однако личные вещи священника, то есть то, что не имело отношения к Церкви, передавалось государству. Более того, во Французском королевстве вся конфискованная собственность принадлежала самому королю; в Лангедоке – графам Тулузы и Фуа. Любопытно, что государство покрывало издержки инквизиции на конфискацию имущества.

В других странах применялось множество иных методов. Согласно знаменитой булле Папы Иннокентия IV «Ad extirpanda», вся конфискованная собственность делилась на три части. Одну треть получали городские власти, другую – власти Святой палаты, а еще одну «убирали в сохранное место, о котором знали только епископ и инквизиторы, чтобы они могли при необходимости использовать имущество на прославление веры и подавление ереси». «Разные авторы, – говорит Танон, – никогда не могли прийти к согласию о том, кто производил конфискацию собственности. Эймерик приводит первые декреты. Он передает процедуру конфискации имущества от светских лиц временным владыкам, а от тех – к священникам и церквям. Епископы не принимают участия в конфискации, если только они не владеют местностью. Другие авторы утверждают, что конфискация была делом казны Римской курии, а третьи настаивают на том, что к делу больше всего была привязана Святая палата. Занчини говорит, что в его время подобная практика имела место в Италии, и что указ Иннокентия о разделении конфискованного имущества на три части там не соблюдался. Пенья, с другой стороны, признает, что этот указ должен распространяться не только на владения Церкви, но и на все страны, а первые декреты на этот счет он считает устаревшими и нелепыми. Однако указ Папы Иннокентия IV он предлагает рассматривать в общем смысле. По его мнению, временные наместники или светские власти не могут получить их долю до тех пор, пока не окажут помощи инквизиции и не оплатят ее издержки. Если они этого не сделают, утверждает он, то их следует лишить их доли и передать ее инквизиции. Он также заключает, что в Испании, где инквизиция стала заботой короля, последний и занимается всеми делами, связанными с конфискацией. Впрочем, он очень осторожно высказывает свою точку зрения: поскольку делом занялись такие большие умы, полагает он, ни в чем твердо нельзя быть уверенным».^[158]

Итак, становится ясно, что мы не можем точно сказать, как именно проводилась конфискация имущества еретика и как оно распределялось. Во Франции и Испании делом конфискации занимались исключительно светские власти, которые и получали от нее выгоду. В Италии Святая палата, объявив приговор о конфискации имущества, получала часть этого имущества в плату за свои труды, вследствие чего не зависела от государства, которое должно было бы компенсировать ее издержки. Как бы там ни было, с определенной уверенностью мы можем утверждать только одно: процедура конфискации имущества у еретиков была непростой. У нас есть документ, в котором описывается, как в Тулузском приходе по приказу Альфонса Пуатье проводилась конфискация. В 1255 году денежные поступления из этих источников достигли 541 фунта. С 6 мая 1255 года до 2 февраля 1256 года поступления поднялись до 820 фунтов, а расходы – до 832 фунтов. Судя по счету, выписанному 22 мая 1259 года, было получено 244 фунта, а в расходы входило следующее.

Поимка и казнь еретиков 60 фунтов стерлингов.

Заплатено инквизиции 11 фунтов стерлингов.

Содержание узников 17 фунтов стерлингов.^[159]

То, что практика конфискации имущества у осужденных еретиков во многом была связана с вымогательством, коррупцией и жадностью, не должно вызывать сомнений у тех, кто хотя бы немного знаком с человеческой натурой и историческими документами. У нас есть множество доказательств этому – взять хотя бы отчет, составленный комиссией, которая была назначена святым Людовиком для проверки деятельности сборщиков податей по всему королевству. Выяснилось, что было проведено множество несправедливых задержаний; проверяющие также убедились, что большинство жалоб на сборщиков налогов оправданы. Типичный пример тому – Понс Жоффрей из Рокебруна, которого арестовали по подозрению в ереси, а потом оправдали. Стряпчий не обратил на это внимания и конфисковал его имущество. Подобных примеров можно привести великое множество.

Следует, однако, помнить, что ересь была далеко не единственным преступлением, караемым конфискацией имущества. Лишь небольшая часть изъятой у людей собственности была получена от еретиков. Это также записано в отчете комиссии, назначенной святым Людовиком. В северных королевствах о конфискации имущества за ересь вообще ничего не говорится; даже в Лангедоке это было вещью не такой уж частой. И все же не следует отворачиваться от того факта, что светские принцы были весьма и весьма заинтересованы в увеличении числа осужденных еретиков. Особенно когда они были богаты – ведь именно богатство могло помочь инквизиции обрести большую мощь. «В наши дни, – мрачно замечает Эймерик, – больше не осталось богатых еретиков, так что принцы, не видя перспективы разжиться деньгами, не станут зря тратиться. Жаль, что такой полезный институт, как наш, должен быть так неверен в будущем».

Подобные жалобы не были редкостью, так что нам не стоит тратить время на порицание жадности и скаредничества. Ведь в конце концов ересь была приравнена к государственной измене, так что конфискация собственности еретиков была вполне справедливым наказанием, применявшимся еще во времена римского права. И вполне естественно, что светские принцы хотели вернуть себе хотя бы часть денег, истраченных на содержание Святой палаты. К тому же им нужны были деньги на подавление ереси – в точности так же, как сейчас правительство вводит системы штрафов, деньги от которых идут на борьбу с преступностью. Кстати, было бы грубым искажением фактов утверждать, что светские власти осуждали еретиков и поддерживали инквизицию только из соображений алчности. Мы встречаем множество примеров того, как властью за спиной у инквизиторов злоупотребляли местные агенты, которые, ко всему прочему, даже внимания не обращали на приговоры, вынесенные инквизицией. Однако и скрывать то, что конфискованное у еретиков имущество вносило некоторый, но несущественный вклад в королевскую и баронскую казну, не стоит.

Просто все дело было в том, что ересь считалась преступлением, за которое законным наказанием была конфискация имущества, а Святая палата была трибуналом, в задачу которого входило определение ереси. Больше того, этот трибунал содержался на общественный счет. И если инквизиторы действовали с ленцой или неэффективно, или если они были чересчур мягки, то принцы имели полное право считать их бесполезными паразитами. Так, в начале 1250 года (точную дату указать невозможно) сенешаль Руржа, Жан д'Арси, пишет графу Альфонсу Пуатье письмо, в котором жалуется на то, что епископ Роде нарочно составляет такие приговоры, которые спасают еретиков от конфискации.^[160] Годом или двумя позднее инквизитор Рено Шартр жаловался графу на ужасные несправедливости, творимые королевскими офицерами в отношении осужденных еретиков.^[161]

Расходы инквизиции

Кроме Италии, инквизиторы нигде больше не выносили приговоров о конфискации, да и вообще не занимались этим делом. Они не выигрывали и ничего не теряли от конфискации. Все, что доставалось инквизиции от сборщиков налогов, – так это всего лишь деньги на оплату текущих расходов Святой палаты. Правда, время от времени принцы в порывах благочестия делали щедрые пожертвования церквям и монастырям на какую-либо благую цель, названную Церковью. Доминиканская церковь в Альби была построена Бернаром де Кастане, городским епископом, который помог французскому королю провести конфискацию в его приходе. Граф Альфонс Пуатье щедро жертвовал на монастыри и больницы, причем и не думал скрывать, что подобная щедрость вызвана доходами от конфискации, проведенных по его приказу. Однако подобная щедрость неизбежно встречала противодействие. В 1268 году граф, раздраженный долгим безденежьем, жаловался на огромные траты тулузской инквизиции и даже посоветовал, чтобы инквизиторы из экономии поселились в его замке Лаво.

Задача поддержки Святой палаты, включая содержание тюрем, выплачивание жалования и все траты на заключенных, связанные с арестами, судами и казнями, лежала на плечах светских принцев. Однако инквизиторы иногда брали на себя роль сборщиков штрафов. Так, кого-то могли оштрафовать за отказ отправиться в паломничество; штраф мог сам выполнять роль наказания; если дело касалось больных и стариков, которые были не в состоянии выполнить другую епитимию, то им предписывалось выплатить некую сумму. Инквизиторы сами решали, как распорядиться собранными таким образом деньгами. Ясно, что подобная система давала широкий простор для взяточничества и коррупции. Поначалу казалось просто отвратительным, чтобы монахи, связанные клятвой вести нищенскую жизнь, имели какие-то дела с деньгами или обладали властью обогащать Святую палату. Провинциальный капитул доминиканцев в 1242 году и Церковный собор в Нарбонне в 1244 году пытались запретить распространившуюся практику. Иннокентий IV в 1245 году постановил, чтобы деньги, собранные посредством штрафов, использовались только на нужды тюрем. Однако в 1249 году у него возникла необходимость наказать лангедокских инквизиторов за излишнюю суровость при взыскании штрафов, а потому в 1251 году он решил, что штрафы не должны взыскиваться там, где возможна другая форма наказания.

В этом постановлении понтифика, как замечает мсье де Козон, содержатся и рекомендации избегать злоупотреблений и совет правильно налагать штрафы. Следует признать (особенно учитывая, что часть денег, полученных за штрафы, шла на благотворительные цели, вроде строительства церквей, больниц или мостов), что штрафы вообще-то были справедливым и терпимым наказанием. Увы, злоупотребления были неизбежны. В 1311 году Церковный собор в Вене повторил инструкцию Иннокентия IV; определенно, что указы Клементя IV, направленные против несправедливости и вымогательства, были вызваны некими специфическими жалобами на поведение властей предрезающих Святой палаты.

Глава 9

Инквизиция в Европе – от установления до «Великого раскола»

Мы уже довольно подробно рассказали, чем занималась инквизиция. Остается теперь коротко остановиться на том, когда и где она делала это. Будет удобно говорить о деяниях Святой палаты, распределив их по странам, в которых она действовала. Среди этих стран наиболее важные – Франция, Италия, Испания, Германия. В Северной Франции, Лангедоке, Испании и Германии в состав инквизиции, как правило, входили монахи из Доминиканского ордена. В папских государствах – Южной Италии, Юго-восточной Франции, Венгрии и на Балканах – большинство инквизиторов были францисканцами. Впрочем, это не всегда было именно так. Некоторые ранние инквизиторы Испании были францисканцами, зато в городах Северной Италии большинство – доминиканцами. Однако в общем районы к северу и востоку от Роны можно рассматривать как духовные владения доминиканцев, а территория к востоку и западу от этой линии принадлежала францисканцам.

Инквизиция во Франции

Первая резиденция инквизиции открылась в Лангедоке в Тулузе в 1233 году. Инквизиторов звали Гийом Арно и Петер Селла – друг святого Доминика. С их именами ассоциируются имена еще трех доминиканцев – Арно Каталана и Гийома Пелисса в Альби, и Франсуа Ферье – в Нарбонне. Можно сомневаться, составляли ли еретики в то время большинство населения, однако, как бы то ни было, можно быть уверенным в том, что они жили компактной, высоко организованной и богатой общиной, обладающей большим влиянием у светской администрации и движимой яростной ненавистью против священнослужителей и монахов. Все это не смутило инквизиторов – они спокойно взялись за исполнение возложенного на них задания. Первые казни были проведены в Тулузе к концу 1233 года. Несколько предводителей еретиков были осуждены и препровождены к префекту

города. Несмотря на протесты людей и беспорядки, они были сожжены на костре. В том же году трое доминиканцев, отправившихся проповедовать в деревушку Корд, были сброшены в колодец толпой еретиков. Еще раньше, в 1234 году, инквизиторы вынесли приговор больной женщине, которую к месту казни буквально принесли, подняв с постели. После того, как чудовищная церемония сожжения была завершена, епископ и монахи вернулись в монастырь, вознося благодарности Господу и святому Доминику за хорошо выполненную работу. Безумство фанатизма достигло своего пика.

В том же году Петер Селла был переведен в Каркас – сон, а Арно, остался в Тулузе единственным инквизитором. С яростной храбростью, которая могла быть рождена только отчаянием, он решился арестовать 12 выдающихся граждан по обвинению в ереси. На этот раз светские власти не помогали ему – толпа схватила Гийома Арно, проволокла по улицам города, осыпая его проклятиями и изгнала из Тулузы. Вышел официальный приказ, запрещающий кому бы то ни было иметь дело с епископом или монахами. Первый, не в состоянии купить себе даже самого необходимого, был вынужден покинуть город, а последние забаррикадировались в своем монастыре, готовясь к осаде.

Тем временем бесстрашный Арно приехал в Каркассон и отправил письмо своим братьям в Тулузе, приказывая, чтобы четверо из них немедленно арестовали обвиненных им. Результатом этого письма была чудовищная уличная драка, из которой четверо монахов едва унесли ноги. На следующий день, пятого ноября 1235 года, советники Тулузы обратились к приору доминиканского монастыря и потребовали, чтобы монахи немедленно уехали из города. Получив решительный отказ, они призвали себе на помощь солдат, которые выволокли монахов на улицу. Возглавляемые приором, несущим свечу, монахи группой проследовали к воротам города, распевая покаянные псалмы, и временно обосновались в Бракивилле, в доме, принадлежавшем кафедральному капитулу Тулузы.

В Альби и Нарбонне первым инквизиторам было не лучше, чем в Тулузе. В 1234 году Арно Каталан передал двух самых известных еретиков Альби светским властям, отправил 12 других в паломничество на Святую Землю и приказал эксгумировать останки нескольких человек. Разъяренная толпа поймала его и пригрозила бросить в реку Тарн. Разразилась уличная битва между еретиками и католиками, и инквизитора с трудом удалось спасти. В Нарбонне светские магистраты отказались помогать инквизитору Франсуа Ферье. Похоже, что тот положил немало сил на борьбу с еретиками и многих из них посадил в тюрьму. В 1234 году доминиканский монастырь был осажден толпой еретиков, захвачен и побежден. В том же году нападение на монастырь повторилось – толпе удалось уничтожить большое количество записей и документов.

По приглашению графа Раймона доминиканцы вернулись в Тулузу в 1237 году. Город все еще был в ужасном состоянии, и, возможно, по политическим причинам преследование еретиков возобновилось только в 1241 году, когда инквизиторы принялись объезжать все населенные пункты местности и требовали, чтобы им указали всех подозреваемых. В период между рождественским постом и Пасхой 1242 года Петер Селла помог раскаяться не меньше, чем 742 еретикам, и назначил им епитимьи в виде паломничества. Нескольких, правда, сожгли на костре, нескольким предъявили обвинение *in absentia* – в их отсутствие.

В ночь с 28 на 29 мая произошла ужасающая резня в Авиньонете, когда Гийом Арно, Стефен из Сен-Тибери, три светских брата, каноник из Тулузы и доминиканский приор вместе с нотариусом и несколькими клерками были убиты целой бандой вооруженных еретиков. Похоже, нападение было спланировано неким Петером Роже де Мирепуа без ведома графа Раймона, а банда еретиков была сформирована в большом еретическом форпосте Монтсегюр, принадлежавшем Петеру Роже. Последний был разъярен из-за того, что его головорезы не принесли ему черепа Гийома Арно, из которого он намеревался сделать чашу для питья.

Доведенные до отчаяния этим событием, послужившим кульминацией многочисленных выступлений еретиков против власти, доминиканцы обратились к Папе Иннокентию IV с просьбой освободить их от возложенной на них миссии. В просьбе им не было отказано, и в ноябре 1243 года на место измученных инквизиторов приехали Бернар из Ко и Жан де Сен-Пьер. Еретиков ждало суровое возмездие. В марте 1244 года могущественная вооруженная сила, поднятая и экипированная архиепископом Нарбонны, епископом Альби, сенешалем Каркассона и большим количеством католической знати, отправилась на Монтсегюр. После недолгой осады мощная крепость была взята штурмом, а 200 еретиков были сожжены на месте без суда и следствия.^[162]

Это было важное событие. С этого времени инквизиторы были уверены, что светские власти окажут им поддержку. Таким образом, не будет большим преувеличением рассматривать Бернара из Ко и Жана де Сен-Пьера как первых настоящих инквизиторов Лангедока. До резни в Монтсегюре война против ереси была вооруженной войной; насмешкой казалось бы утверждение о том, что подобная война могла вестись лишь с помощью духовного оружия. Монтсегюр был всего лишь оплотом бандитов, откуда по всей стране тянулись многочисленные нити, связующие его еретиков с другими противниками истинной веры. Захват Монтсегюра был серьезным политическим фактором; он помог раскрыть организованный заговор против Церкви.

Итак, как бы там ни было, лишь при Бернаре из Ко Святая палата смогла серьезно взяться за дело, так что почти в течение 50 лет она могла вести работу практически беспрепятственно. В 1285 году еретики сделали попытку захватить здание, в котором располагалась Святая палата в Каркассоне, и уничтожить все ее записи. Стало понятно, что назревают дальнейшие неприятности. Ересь и не думавшая исчезнуть, похоже, прибирала земли в свои руки. Инквизиторы в ответ на это усилили собственные меры против нее, в результате чего в 1290 году советники Каркассона обратились к Филиппу IV с жалобой на жестокость и несправедливость двух инквизиторов – Николаса Аббевилля и Фулька из монастыря святого Георгия. «Это было, – замечает мистер Дуэ, – первым предупреждением о восстании, которое под предводительством Бернара Делисье и fratricelli из Нарбонны двенадцатью годами позже поставило под угрозу единство Франции».^[163]

Король, действия которого в подобных делах обычно зависели от его отношений в данный момент с Папой Римским, выразил недовольство злоупотреблениями инквизиции и призвал к сдержанности в дальнейшем. Впрочем, на его указания не обратили внимания: в 1301 году граждане Тулузы во всеуслышание объявили о своем недовольстве поведением Фулька. Так, инквизитора обвиняли в том, что он сажал в тюрьму невинных людей, многих невинных призвал к суду и часто несправедливо взыскивал штрафы. В Лангедок была послана королевская комиссия; дело против инквизитора возглавил знаменитый францисканский монах Бернар Делисье, который открыто встал на защиту жалобщиков. Филипп, который в это время «был на ножах» с Бонифацием VIII, счел жалобы справедливыми и сделал неслыханный шаг: освободил обоих инквизиторов от занимаемых ими должностей.

Ободренный успехом, Делисье начал настоящий Крестовый поход против Святой палаты. В результате его действий в инквизиторские тюрьмы Каркассона ворвалась толпа и узники были выпущены на свободу. Население Альби было настроено столь решительно, что доминиканцы не решались выходить на улицу и даже появляться в церквях. На их монастырь напали, и огромное количество документов было уничтожено. Беспорядки вспыхивали то тут, то там, и вскоре вся страна была охвачена восстанием. Именно в этот момент Делисье переступил черту, чем подготовил себе путь к падению. В 1304 году он оказался замешанным в политической интриге: вместе с жителями Каркассона он замыслил установить в Лангедоке самостоятельную монархию и вернуть Лангедоку утраченную независимость. Филипп в ответ действовал жестко и решительно. Советник Каркассона был освобожден от своей должности,

а город оштрафован на 60 тысяч ливров. По срочной просьбе короля Клемент V приказал арестовать Бернара; мятеж был остановлен, а инквизиторы смогли вернуться к прерванной деятельности.^[164]

В 1305 году граждане Альби, Каркассона и Корда вновь принялись жаловаться на деятельность Святой палаты, и их жалобы были немедленно переданы папе римскому. В результате делом занялась папская комиссия под руководством кардиналов Тайефера де ла Шапелля и Беренгара Фредола,^[165] которая тщательно изучила все обстоятельства и провела несколько решительных реформ. Менее чем через два года делами в этих местах занялся великий Бернар Гуи. Почти 16 лет этот инквизитор возглавлял трибунал Святой палаты в Тулузе, вынес около тысячи приговоров и осудил более 600 еретиков. Его деятельность была столь эффективной, что когда в 1323 году он ушел на покой, работа инквизиции во Франции была, по сути, завершена. Альбигойская ересь – этот всепроникающий яд – была подавлена. В Лангедоке деятельность инквизиции продолжалась до 1330 года. После этого постоянного трибунала там уже не было. Лишь временами проводились суды над отдельными еретиками, в 1357 году аутодафе было проведено в Каркассоне, в 1357 году – в Тулузе и третье – снова в Каркассоне в 1383 году. Однако ересь, которая, собственно, и породила инквизицию задолго до этого, была уже делом прошлого.

В мрачной цепочке событий, которая привела в 1311 году к подавлению рыцарей тамплиеров, инквизиция играла активную и зловещую роль. Первые аресты были проведены 13 октября 1307 года. Рыцарей обвиняли в самых тяжелых преступлениях; было решено, что в их ордене ересь получила широкое распространение. Инквизитор Парижа немедленно взялся за расследование отдельных дел. Из 138 рыцарей, допрошенных в Париже, лишь четверо отрицали свою вину. Для получения информации широко применялись пытки. В Париже 36 человек умерло от пыток; в Сансе 25 не выдержали мучений; вообще, везде смертность была очень высока. Еще до комиссии Папы Римского, назначенной в ноябре 1309 года, тамплиер Жан де Кормель заявил, что потерял все свои зубы во время первого же суда. Понсар де Жизи свидетельствует, что «в течение трех месяцев до моего признания мои руки были связаны за спиной так крепко, что кровь текла из-под ногтей... Если вы будете пытать меня еще раз, я стану отрицать все, что говорю сейчас и скажу все, что вы захотите. Я готов принять любое наказание, только бы оно было коротким».

Аресты проводились без ведома Папы Римского; Филипп Красивый добился сотрудничества со Святой палатой, сделав лживое заявление, что, отдавая приказы о судах и арестах, он руководствуется указаниями Папы Римского. 27 октября Клемент V, узнав о происходящем, написал королю, с возмущением требуя объяснить это «невероятное оскорбление нас самих и Римской церкви». Филиппу удалось путем обмана отвергнуть подозрение Папы, так что лишь в феврале 1308 года Клемент, наконец-то получивший исчерпывающую информацию о том, что происходило, временно приостановил деятельность епископов и инквизиторов во всем королевстве и взял расследование дела на себя. В июле того же года деятельность священнослужителей была восстановлена, однако суды не проводились до ноября 1309 года. Теперь в расследовании Святая палата уже играла большую роль».^[166]

Перед тем, как потолковать об отношении Церкви с еретиками-вальденсами и с духовными францисканцами, будет удобно обратить наше внимание на другие страны, в которых действовала инквизиция, и постепенно привести историю к одному времени.

Инквизиция в Испании

Что касается этого исследования, то история инквизиции в Испании коротка и не богата событиями. В течение Средних веков неоднородная культура Испанского полуострова, тесно связанная с сарацинской и еврейской, оставалась почти нетронутой. Лишь около 1480 года, с приходом к власти Фердинанда и Изабеллы, была предпринята серьезная попытка отвергнуть

иностранным влиянием. В течение следующей половины века испанская инквизиция, воссозданная на монархической основе, играла жуткую, кровавую роль в цементировании национальной общности Испании – общности, в которой основное значение придавалось религиозному единству.

Здесь мы не будем говорить об этих, более поздних событиях. В средневековый период инквизиция постоянно существовала лишь в королевстве Арагон. Инквизиторов не было в Кастилии или Леоне до второй половины XV века.^[167] Первый инквизитор Португалии был францисканским монахом по имени Родригес де Цинтра, служившим исповедником короля Иоанна I. Он был назначен на свою должность в ноябре 1394 года. Но ни он, ни его неизвестные преемники, похоже, не были в восторге от исполнения своих обязанностей.

В Арагон Святая палата попала во многом благодаря усилиям великого священнослужителя, святого Раймона из Пеннафорты. В 1238 году Григорий IX официально одобрил преследование ереси в этой стране монахами нищенствующего ордена, а в 1242 году Церковный собор в Таррагоне выпустил целую серию правил и постановлений, которые должны были соблюдать инквизиторы. В тот же год инквизитор Понс д'Эспира был отравлен еретиками. В 1269 году целую сенсацию вызвал приговор инквизиторов Барселоны об эксгумации тел виконта Кагельбона и его сестры, Эрмессинды де Фуа. В 1277 году Петр Кадирета, один из инквизиторов, вынесший этот приговор, был до смерти забит камнями. Это, собственно, и все интересные события в Испании, касающиеся борьбы с ересью в XIII веке. Таким образом, становится понятно, что инквизиция не играла серьезной роли в этой стране. Большинство еретиков в Арагоне были беженцами из Лангедока. В 1317 году архиепископ Компостелы в письме к Бернару Гуи спрашивал у знаменитого инквизитора Тулузы совета, как ему поступить с еретиками, которые недавно поселились в его приходе, потому что «до сих мы не имели с ними дела».^[168]

В течение XIV века преследование ереси в Испании было таким же непостоянным и бессистемным, как и в XIII веке. Кого-то в июле 1325 года сожгли на костре. В 1334 году некий монах Бонато, осужденный, как отъявленный еретик, был приговорен к такому же наказанию. В 1357 году знаменитый инквизитор Николас Эймерик вынес приговор, состоявший в тюремном заключении человеку, переданному в руки светской власти, мотивируя свое вмешательство тем, что раскаяние того было якобы ложным и неискренним. Вообще, все время управления Эймериком инквизиция в Арагоне была в опасности. Мы уже обращали внимание читателя (в другом контексте) на переживания этого инквизитора по поводу его бедности и недостаточной поддержки светских властей. «Тот факт, что сборщик налогов получал так мало от конфискованного имущества, – замечает мистер Турбервиль – и то, что такому рьяному, активному инквизитору удалось сделать так мало, свидетельствует о том, что ересь в ту пору не представляла из себя серьезную угрозу Арагону».^[169] Угроза или не угроза, но это доказывает, что никто не заботился тогда о том, чтобы подавить ересь, а светские принцы действительно не расценивали ересь как угрозу любого вида. И все же через несколько лет в Арагоне начались беспорядки. В 1390 и 1391 годах ужасные антиеврейские погромы и кровавая резня начались в Севилье, Бургосе, Толедо, Барселоне и еще в некоторых местах. Множеству евреев удалось сохранить себе жизнь, приняв христианство. То было начало великого движения, которое почти век спустя привело к объединению тронов Арагона и Кастилии и к изгнанию евреев из Испании.^[170]

Инквизиция в Италии

Деятельность, вероятно больше, чем в других странах, итальянской инквизиции была примешана к политике. Лишь в середине XIII века партии гвельфов и гибеллинов пришли к некоторому согласию; и только в 1266 году, когда силы партии гибеллинов были поражены Шарлем Анжуйским в битве при Беневенто, была организована Святая палата – как постоянно действующий трибунал для борьбы с ересью.

Первым инквизитором в Италии был доминиканский монах Альберик, которого в 1232 году Папа Римский Григорий IX назначил инквизитором Ломбардии. В том же году Роландо из Кремоны, тоже доминиканец, занял резиденцию в Пьяцензе, где провел целую серию пламенных месс, направленных против ереси. В ответ немедленно поднялась буря народного протеста, в которой один монах был убит, а сам Роландо и несколько его приспешников – ранены. Не усвоив этого урока, инквизитор направился в Милан, где принялся с еще большим рвением бороться с еретиками, от чего сильно пострадал знатный вельможа, могущественный еретик Лантельмо. Через месяц, как свидетельствуют документы, он приказал конфисковать имущество двух богатых флорентийских купцов.

В эти ранние годы – вплоть до смерти Фридриха II в 1250 году, история деятельности инквизиции в Италии так тесно перемешана с политическими противоречиями и занимает такое важное место в постоянной борьбе между империей и папством, что практически не представляется возможным связно рассказать о ней. Известно, что ересь свирепствовала на севере Италии и в Ломбардии. Приверженность к ней и не пытались скрывать, а еретическая иерархия в некоторых городах была такой же могущественной и заметной, как и ортодоксальная. Однако между еретиками и ортодоксами не существовало четко очерченной границы – даже между партиями гвельфов и гибеллинов. В общем, гвельфские фракции стояли за папство и ортодоксию. Но в то же время Милан, признанный крупнейшим форпостом ереси в Италии, традиционно был городом гвельфов. Отсюда – возникновение альянсов и контральянсов, интриг и контринтриг, конфликтов, замешанных на амбициях Папы Римского, императора, светского дворянства, епископов, народных фракций, которые препятствовали всем возможным акциям, направленным против ереси. Тем не менее делалось множество попыток объединить ортодоксов и направить их против ереси. Доминиканский монах Джованни Шио с удивительной энергией трудился в Северной Италии и в Болонье; при существующих обстоятельствах не хотелось бы недооценить его роли, однако его усилия были, скорее, дипломатическими. И, конечно же, самым бесспорным борцом за веру в эти ранние годы был инквизитор святой Петр из Вероны, больше известный как святой Петр-мученик.

Вступив в Орден доминиканцев в 1221 году, он со всей энергией взялся за проповедование против ереси в городах Северной Италии. Насколько нам известно, он проповедовал в таких городах, как Равенна, Мантуя, Венеция, Милан, Флоренция и в других местах. В 1233 году его послали в Милан с заданием расшевелить местные власти, чтобы те занялись многочисленными еретиками, живущими в этом городе. Вероятно, он остался там на целые десять лет! В документах не упоминается о назначении инквизитора в Милан в этот период, так что, скорее всего, мы можем рассматривать его как инквизитора. Без сомнения, его мессы и разоблачения сыграли важную роль в подъеме национального духа против еретиков. Однако антиеретическая деятельность в Милане в те годы была безнадежно перемешана с политикой; не существовало сколько-нибудь отлаженного и эффективного сотрудничества светских и духовных властей. Также не существует свидетельств, позволяющих предположить, что Петр когда-нибудь брал на себя роль церковного судьи.

В 1244 году мы видим его во Флоренции. В те годы город сотрясала то и дело возобновлявшаяся борьба между партиями гвельфов и гибеллинов: а инквизитор Руджери Кальчани, яростно выступавший против еретической знати, был в самой гуще этой борьбы. Сразу после прибытия во Флоренцию Петр счел нужным организовать нечто вроде вооруженной стражи, которую он назвал «Кампанией веры», для защиты доминиканцев. Первые попытки обуздать еретиков сопровождались уличными беспорядками и драками; обе стороны объединяли свои силы; на улицах то и дело бросались камнями; наконец, в двух кровавых конфликтах гвельфы добились решительной победы. Так во Флоренции была уничтожена власть гибеллинов и еретиков. В признательность за его деятельность Руджери в 1245 году был призван в епископат, и святой Петр-мученик назначил его главным

инквизитором. С этого года, можно считать, установилась флорентийская инквизиция. Когда, приблизительно в 1251 году, Петр был переведен в Кремону, он уже мог утверждать, что Святая палата во Флоренции уверенно действует и что временное могущество еретиков сломлено.

У нас нет записей, свидетельствующих о его деятельности в Кремоне или Милане, куда он был переведен впоследствии. В Фомино (первое после Пасхи) воскресенье, проведя Пасху в своем монастыре в Комо, Петр решил вернуться в Милан. Около деревни Барлассина он и его единственный спутник были окружены бандой еретиков и убиты. Таков был печальный конец защитника веры, которого никогда не обвиняли в фанатизме и которого Церковь канонизировала меньше, чем через год после смерти. Не менее потрясающим было обращение двух еретиков, участвующих в убийстве, один из которых вступил в Доминиканский орден, а второй стал вести святую жизнь и сейчас числится среди святых.

Тем временем император Фридрих II умер (это произошло в 1250 году), и дело папства и гвельфов получило внушительный толчок. В 1256 году был, наконец, организован давно планируемый Крестовый поход против крупного тирана-гибеллина Эдзелина да Романо. Из Венеции выступила мощная армия под предводительством избранного архиепископа Равенны. Падуя, сильнейший и главный форпост Эдзелина, была захвачена. В течение двух последующих лет крупных сражений не было. Однако в 1258 году Эдзелин, нанеся сильнейший контрудар, вернул себе владения в Брескии и положил глаз на Милан. Лишь предательство его союзников, находившихся в Милане, предотвратило захват города. Его армия была остановлена на марше и встретила сильное сопротивление; сам Эдзелин был убит на поле брани. Марш Тревизо перешел в руки гвельфов; огромная часть страны, куда ранее ни один инквизитор не осмеливался и заглянуть, была открыта спасательным операциям Святой палаты.

Восемью годами позже последнее политическое препятствие на пути свободного продвижения инквизиции по итальянскому полуострову было преодолено. В битве при Беневенто Шарль Анжуйский с триумфом одержал победу над объединенными силами гибеллинов. Королевство Сицилия перешло в его руки и оказалось в полной власти папской политики. Победа при Беневенто была пышно отпразднована; любопытно, что Жан де Мейн описал эту битву в шахматной терминологии.^[171]

В Сицилии и королевстве Неаполь действия инквизиции были нерегулярными и большого значения не имели. После определенного количества мудрых решений инквизиция была установлена в Венеции в 1289 году. Несмотря на ее постоянные контакты с жителями Востока, великая морская республика оказалась практически свободной от влияния ереси, что явилось причиной большего общественного порядка, чего не скажешь о других шумных городах Италии. В 1267 году гость Венеции засвидетельствовал: «Какой отваги полны ее люди; как идеальна их вера в Иисуса и в Святую церковь! В Венеции нет места ни еретикам, ни убийцам, ни ростовщикам, ни ворам!» Через два века Сен-Бернардино из Сиены приводит Венецианскую республику как пример государства, избавившегося от фракций. По его словам, в Венеции его больше всего поразили не флот, не гондолы, не богатство и преуспевание ее жителей, а нерушимый мир и согласие, царящие там. Судя по этому утверждению и свидетельству, приводимому выше, пост инквизитора в Венеции был настоящей синекурой. За все время деятельности инквизиции в Венеции лишь шесть еретиков были казнены; любопытно заметить, что они не были сожжены на костре – их или утопили, или повесили.

Уничтожение различных альянсов гибеллинов нанесло тяжелый удар по ереси, потому что оно привело к эффективному сотрудничеству светских и церковных властей. Примерно с 1270 года инквизиция начинает систематически преследовать еретиков по всей Северной Италии и в папских государствах. Правда, были и редкие отступления, к примеру, в Парме в 1279 году, когда казнь «возвратного» еретика привела к народному бунту. Доминиканский

монастырь был захвачен, документы инквизиторов уничтожены, и один из монахов был убит. Папский легат подверг город интердикту; лишь в 1287 году интердикт был снят, и монахи-доминиканцы смогли вернуться к своей прерванной деятельности. Впрочем, такие происшествия были крайне редки. В основном война против ереси шла уверенно и без помех. В 1304 году Фра Джордано да Ривальдо объявил, что ересь изгнана из Тосканы, а Виллани утверждает, что к середине века во Флоренции вообще не осталось еретиков. «Это, – отмечает Леа, – слишком голословное утверждение». Совершенно точно, что вальденская церковь процветала там, как цветок. В 1332 году папа Иоанн XXII призвал обратить внимание на большое количество вальденсов в Турине. Папа заявил, что вальденсы устраивают свои собрания на людях и не думают при этом скрываться. Но даже в это время вальденсы были практически незаметны. Настоящими еретиками были, к примеру, катары, или, как обычно их называли в Италии, *патаринсы*. Похоже, что в Лангедоке эта секта расцвела к середине XIV века. Леа заметил, что «в законодательных актах миланских герцогов с 1343 по 1495 год ни слова не говорится ни об инквизиции, ни о наказаниях еретиков».^[122]

Инквизиция в Германии

Инквизиция – или, скорее, инквизиторские методы – ненадолго, но с ощутимыми последствиями попала в Германию с помощью грозного, пользующегося дурной славой Конрада Марбургского. Красноречивый проповедник и ретивый евангелист, этот доминиканский монах, поднялся на высокий церковный пост, удостоившись почести быть назначенным в 1214 году проповедником Крестового похода в Германии; в 1220 году ему было доверено деликатное поручение убедить Фридриха II отправиться наконец в экспедицию на Святую землю, что он давно обещал сделать. В 1227 году Григорий IX в знак высокого уважения к его талантам возложил на него почетную обязанность бороться с ересью во всех германских королевствах. Для этого он сопровождал его могучей армией, что сделало Конрада наиболее могущественным немецким священнослужителем того времени.

У нас нет документальных свидетельств о деятельности Конрада, направленной против еретиков в первые годы его службы. Судя по всему, он полностью посвятил себя разработке крутых реформ в монашеских домах по всей стране. Он был заметной фигурой при дворе в Тюрингии; он был духовником святой Елизаветы Венгерской и доверенным советником правящего принца, который дошел до того, что заявил во всеуслышание, что Конрад сияет, как звезда, по всей Германии. В 1231 году милая святая Елизавета умерла в возрасте 24 лет; несколько месяцев добрый доминиканец посвятил тому, чтобы добиться ее немедленной канонизации.

Тем временем Григорий IX выпустил большое количество новых инструкций, касающихся подавления ереси, и призвал одновременно приложить побольше энергии к исполнению этого жизненно важного дела. Конрад на призыв Папы Римского отозвался немедленно. В конце 1232 года он отправил четырех еретиков на костер в Эрфурте; в течение следующих месяцев провел еще несколько подобных дел. Люди стали громко протестовать против того, как он вел свои так называемые суды. Архиепископы Трира и Кельна, тронутые просьбами граждан, попытались обуздать рьяного монаха, однако суровый Конрад остался глух к их словам. В июле 1233 года, ободренный прежними успехами, он призвал верующих Майнца выступить с Крестовым походом против еретиков-вельмож, которые отказались явиться на его трибунал. Этот план не был принят, и Конрад решил вернуться в Марбург, причем отказался от вооруженного эскорта. Увы, на пути его ждала засада. Как святой Петр из Вероны и Гийом Арно, он погиб от ножа убийцы. Тело Конрада было перевезено в Марбург и захоронено подле святой Елизаветы. Важно заметить, что Церковь никогда не ставила печать канонизации на его мученичестве. О Конраде было сказано немало нехороших – и во многом справедливых – слов. Он был из тех, чье рвение преобладало над здравым смыслом, чья непоколебимая суровость часто переходила в буйный фанатизм.

Однако инквизиция тогда еще не была установлена в Германии, и ей не суждено было быть установленной там до того, как по стране прошла «Черная смерть».

«В кодексах, отражающих обычаи средневековой Германии, – пишет Леа, – ни слова не говорится о существовании такого института, как инквизиция. Sachsenspiegel, содержащий муниципальный закон северных провинций, предусматривает (это верно) наказание в виде сжигания на костре для тех, кого обвиняют в неверии, отравлении или колдовстве, но там не говорится о том, как именно должна проводиться казнь... Schwabenspiegel, кодекс поныне действующий в Южной Германии более любезен с Церковью, однако в нем не говорится о вершении кем-либо, кроме епископов, правосудия над еретиками... Епископы могли наказывать еретиков сжиганием на костре. Schwabenspiegel указывает, что, как только становится известно о существовании еретиков, церковные суды должны наводить о них справки и начинать против них дела... Он (кодекс) демонстрирует достаточную готовность принять составленный Церковью закон против ереси, однако в подготовке такого закона вскрывается полная несостоятельность инквизиторского процесса, которая навлекает talio на тех, кто обвиняет других в некоторых преступлениях, включая и ересь, если их обвинения не приводят к осуждению предполагаемого еретика».^[173]

Во второй половине XIII и первой – XIV века епископы были единственными подстрекателями нечастых и ленивых процессов против ереси. Катаризм практически еще не был известен. Ереси, процветавшие в этот период, в большинстве своем представляли из себя затейливые псевдомистические культы, требовавшие от своих приверженцев исполнения дичайших обрядов. Так, существовали некие Братья Свободного духа, утверждавшие, что всем следует расхаживать голыми, или Друзья Господа, которые заявляли, что достигли такой святости, что уже практически не могут согрешить. Существовало также определенное количество нищенствующих общин, высказывающих ярую ненависть к идее собственности и призывающих к жизни в полной нищете. Однако все эти любопытные секты, между которыми трудно провести четкое различие, отличались страстью к преувеличенным, нездоровым мистическим тенденциям. Все они проповедовали – в той или иной степени – некий смутный пантеизм. Они утверждали, например, что человек настолько полон святым духом, что и сам является святым. После испытательного периода полного воздержания человек может полностью отождествить себя с Господом и сам стать богом. В этом желанном состоянии он безгрешен и может отдаться любой страсти, подчиниться любой прихоти, будучи в полной уверенности в том, что, раз уж он стал богом, то не может совершить греха.

Без сомнения, такие вещи стоят совсем недалеко от полного безумия. И до тех пор, пока эти секты не начали открыто угрожать спокойствию общества, агрессивно противопоставлять себя Церкви, их, как правило, предоставляли самим себе. Нам, правда, известно о нескольких случаях подавления подобных сект. В 1317 году епископ Страсбурга запретил им собираться и приказал сжечь все их книги, в которых описывалась суть их верований и обычаев. Было проведено несколько экзекуций, а те, кто отрекся от своей веры, были приговорены к ношению крестов – в документах это первое упоминание о подобном наказании в Германии. В 1323 году священник, обвиненный в ереси, был лишен сана и сожжен на костре. В 1336 году в Ангермунде 14 еретиков были приговорены к сожжению на костре. В 1339 году три престарелых ересиарха Братьев Свободного духа были задержаны в Констанце и полностью отреклись от своей веры. Подобные антиеретические акции были нечастыми и локальными. Никто и не пытался организовать преследование ереси, и во многих районах к ней относились с большим терпением. Во всяком случае, не считалось, что ересь в Германии достигла такого размаха и так могущественна, чтобы для борьбы с нею создавать монашескую инквизицию. Единственными судьями еретиков были епископы.

Страшное нашествие «Черной смерти», которую многие рассматривали как кару Господню нашему грешному миру, вызвало немедленный взрыв ультрааскетического и

покаянного движения. В 1349 году 200 флагеллантов вошли в Страсбург, где им был оказан теплый прием. Они объявили, что взяли людские грехи на свои плечи и что теперь благодаря их молитвам Господь, возможно, смилостивится над человечеством и остановит «Черную смерть». Их пример распространился с еще большей скоростью, чем распространялась сама чума. Целые банды флагеллантов разбрелись по Европе; повсюду сияющие глаза тех, кто стал свидетелем их покаяния, говорили о том, что люди восхищаются ими и, разумеется, одобряют их действия. Люди предоставляли свои дома в их распоряжение; женщины вышивали для них знамена; церковные колокола начинали перезвон, когда группа флагеллантов входила в город.

«Они калялись дважды в день. Утром и вечером они выходили из домов парами и под звон колоколов распевали псалмы; прибыв к месту, где проводилось бичевание, они раздевались до пояса и снимали с ног туфли, так что на них оставалась лишь полоска одежды, прикрывающая их от пояса до лодыжек. Потом они ложились на землю кругом в разных позах, которые зависели от того, какое преступление они совершили, – виноватые в адюльтере' ложились лицом в землю, лжесвидетели – на бок, подняв вверх три пальца, и так далее. Потом их порол специальный мастер; он же приказывал им произносить определенные слова. Затем они начинали заниматься самобичеванием под пение псалмов и громкие крики о ненависти к чуме. Иногда они совершали коленопреклонение и другие церемонии, которые по-разному описывались современниками. Все это время они, не переставая, хвалились своим покаянием, утверждая, что их кровь во время этой церемонии смешивается с кровью Спасителя».^[174]

Однако огромный энтузиазм, с которым поначалу было встречено движение флагеллантов, постепенно сменялся равнодушием, а затем и вовсе угас. В первое время большинство людей с восторгом воспринимали их, и любое вмешательство флагеллантов в их жизнь тепло приветствовалось. Два доминиканских священника, попытавшихся прервать одно из их собраний и урезонить их предводителей, были забросаны камнями. Одному из них удалось бежать, а второй погиб. Полное отсутствие руководящей и организующей власти движения быстро привело к злоупотреблениям и коррупции. Появились случаи разрушения домов. В Страсбурге флагелланты предприняли попытку воскресить умершего ребенка; неспособность сделать это нанесла существенный урон их репутации в городе, жители которого до этого случая весьма почитали их. В некоторых случаях бродячие банды флагеллантов превратились в обычных хулиганов, не уважающих ни людей, ни их собственность.

20 октября 1349 года Папа Клемент VI издал буллу, в которой указал, что Братство Креста – именно так называли себя флагелланты – не имело благословения Церкви своим действиям. Епископы должны были сделать все, что в их власти, чтобы подавить их движение и развенчать их репутацию. В случае неповиновения и беспорядков священнослужители могли обращаться за поддержкой к светским властям.

Как бы там ни было, в Германии эффект от папской буллы был ничтожен. От Церкви стали отлучать всех, кто пытался присоединиться к флагеллантам или принимал участие в их церемониях. Однако, в результате, официальное осуждение этой секты властью привело лишь к объединению еретических сил. Объединенные враждебностью к Церкви и общим смыслом своих доктрин, флагелланты, Друзья Господа, люди Свободного духа, а также члены иных сект быстро сформировали единое общество, чья сила и явная опасность для общественного порядка, немедленно вызвали тревогу. В 1367 году в Германии наконец была установлена монашеская инквизиция – Папа Урбан V назначил двух доминиканцев – Луиса из Вилленберга и Вальтера Керлингера – папскими инквизиторами, обладающими соответствующей их постам полной властью. Через два года император Карл IV издал эдикты в их пользу и приказал использовать всю мощь закона для борьбы с ересью.

За этим последовала короткая, но яростная кампания. В 1368 году в Эрфурте был сожжен на костре еретик. В 1369 году Керлинггер благословил арест сорока еретиков в Нордхаузене. Из них семеро были сожжены на костре, а остальные отреклись от ереси и им были назначены епитимьи. В том же году император доверил им почетную обязанность цензоров; в результате огромное количество еретической письменной пропаганды было уничтожено. 16 февраля 1370 года четыре еретика из мультхаузена – так назывались коммунальные жилища, в которых жили еретики, – были переданы Керлинггером светским магистратам, а их дома стали использоваться для общественных нужд. Вот, собственно, и все свидетельства о подавлении ереси в Германии. В 1372 году Григорий XI объявил, что инквизиторы изгнали ересь из центральных провинций Германии. Через шесть лет оба – Папа Римский и император Карл IV – умерли. Вслед за этим немедленно последовал «Великий раскол», и в Германии, как и во Франции и Италии, это сильно ослабило власть Святой палаты. С 1377 года почти до конца века в документах нет упоминаний о деятельности инквизиции в Германии.^[175]

Вальденсы

Около начала XIII века вальденсы действовали во многих европейских государствах. По сердитому законодательству Педро они под страхом смертной казни были изгнаны из Арагона; из восьмидесяти еретиков, сожженных в Страсбурге в 1212 году, большинство были вальденсами. С установлением инквизиции, однако, отношение к ним властей стало более терпимым. Лишь изредка их преследовали, а во Франции их не только терпели, но Церковь даже защищала их. Вероятно, причина этого кроется в том, что инквизиторы, занятые катарами, попросту не имели времени заниматься еще и вальденсами, которые казались им вполне безвредной сектой. Как бы там ни было, в XIII веке Святая палата практически не обращала на них внимания.

В 1248 году граф Бургундии пожаловался Папе Римскому Иннокентию IV на то, что в его владениях буйно расцвела ересь. В ответ Иннокентий приказал настоятелю доминиканского монастыря в Безансоне отправить в Бургундию двух братьев для борьбы с ересью. К сожалению, мы не располагаем документами, свидетельствующими об их деятельности там. Однако из двух коротких заметок в записях Бернара Гуи становится ясно, что в шестидесятые годы XIII века инквизиция активно действовала в Бургундии. Один свидетель заявил, что видел, как двух еретиков сжигали в Бургундии на костре, а другой сообщил, что слышал, как «сорок лет назад» (он говорил это в 1320 году) «инквизиторы в Бургундии преследовали вальденсов. Арестованных сжигали на костре».

В 1251 году несколько еретиков-вальденсов были приговорены архиепископом Нарбонны к пожизненному заключению. Примерно через двадцать лет в документах инквизиции встречаются свидетельства довольно странных приговоров против них, зато потом в течение почти полувека о них вообще не упоминается.

В первые восемь лет своей деятельности Бернар Гуи не выносил приговоров вальденсам. Однако они приговариваются к аутодафе в 1316, 1319, 1321 и 1322 годах. Вероятно, в этот период шестерых из них Гуи передал в руки светских властей – пятерых как нежелающих каяться, а одного – как «возвратного» еретика. В 1321 году довольно большое количество вальденсов было арестовано и допрошено в Валенсийском приходе. Их приговорили к ношению крестов. При инквизиторе Анри де Шамее, преемнике Бернара Гуи, в Тулузском приходе было осуждено всего несколько еретиков. Однако к этому времени ересь вальденсов почти угасла во Франции; в дальнейшем ее последователей можно было встретить лишь в холмистых и гористых районах Прованса, Пьемонта и Савоя.

Редкие репрессивные меры по подавлению ереси проводились при правлении Бенедикта XII, Клементя VI и Урбана V. В 1338 и 1339 годах в долине Ла Валюаз тела нескольких умерших еретиков были эксгумированы, за чем последовала обычная конфискация

имущества. В период между 1352 и 1363 годами, как нам известно, архиепископ Эмбруна Гийом де Борд провел несколько яростных атак на ересь. Он лично ездил по гористым местностям своего прихода, проповедовал верующим и призывал еретиков исправить совершенные ими ошибки. Он стал известен как апостол вальденсов и своим добрым отношением к еретикам многих из них убедил обратиться в истинную веру. Однако после его смерти в 1363 году все попытки продолжить его дело такими же мирными методами были прекращены. В течение последующих двадцати и даже более лет на исторической сцене действует грозный францисканский инквизитор Франсуа Борелли.

Небольшая вооруженная экспедиция была отправлена в 1366 году на борьбу с еретиками в горы. Дело кончилось множественными арестами, несколькими казнями в виде сожжения на костре и эксгумациями. О том, насколько рьяно проводились расследования и о жадности проводящих их людей, можно судить по тщательности, с которой проводилась конфискация имущества. Так, «Гийом Пела, сожженный заживо, имел корову и теленка, которые были проданы. Гийом Лонг и его жена, сожженные заживо, имели корову, которая была продана... Мартин Шабре, сожженный заживо, имел в кошельке два флорина».^[176]

Этот рейд против еретического форпоста, который можно рассматривать лишь как сущее мародерство, больше не повторялся. У нас нет данных о дальнейшей активности, направленной против вальденсов до 1375 года, когда Папа Григорий XI назначил Борелли инквизитором приходов в Арле, Эйсе и Эмбруне. Епископы получили выговоры за их нерешительную борьбу с ересью и неспособность оплатить издержки инквизиторов. Эффект этого не заставил себя ждать. Началось яростное преследование ереси под руководством Борелли. Не прошло и нескольких месяцев, как все тюрьмы были заполнены жертвами; 15 августа 1376 года Григорий был вынужден срочно обратиться к верующим с просьбой помочь в содержании тюрем.

Миссия Борелли в Эмбрунском районе длилась с несколькими перерывами до 1393 года. Все это время он действовал с предельной суровостью. Без сомнения, Борелли был самым жестоким и фанатичным инквизитором из всех, о которых мы писали.

«В течение этого длительного времени, – говорит Танон, – он передал в руки светских властей великое множество жителей этих несчастных долин; хотя довольно трудно принять на веру данные не документальные, а приводимые только историками, но, к примеру, в Ла Валуазе, по приказанию Борелли, 150 человек было передано в руки светских властей, и по восемьдесят – во Фрейсиньере и в Ларжентьере... Можно, конечно, сомневаться в словах Шорье, утверждающего, что 150 жителей Ла Валуаза были сожжены в Гренобле в тот же день. Лежер в своей «Histoire des Eglises vaudoises» соглашается с Перреном в цифрах «восемьдесят» для Фрейсиньера и Ларжентьера, однако число сожженных в Гренобле он уменьшает до пятидесяти. К тому же, он настаивает на том, что это все люди, казненные по приказу Борелли за тринадцать лет. У нас нет документов, которые подтвердили бы или опровергли эти противоречивые утверждения, а потому мы не можем точно назвать количество жертв. Однако должно быть, их было немало. Информации, содержащейся в булле Григория XI от 1375 года, которая касается множества узников... достаточно для того, чтобы подтвердить это».^[177]

Когда Борелли был освобожден от исполнения обязанностей инквизитора, репрессии против еретиков немедленно прекратились. В течение следующих сорока лет, как свидетельствуют документы, их не преследовали и не притесняли.

Духовные францисканцы

Ересь духовных францисканцев была, без сомнения, наиболее революционной, а потому, вероятно, и наиболее интересной из всех средневековых ересей. В 1254 году школы в Европе оказались в состоянии возбуждения и тревоги из-за внезапной публикации книги под названием «Вечное Евангелие». Утверждалось, что оно написано Иоахимом из Флоры,

аббатом-цистерцианцем, который умер в 1200 году, и был знаменит своей глубокой святостью и удивительным даром предвидения. Однако есть причины считать, что «Вечное Евангелие» написано все же не Иоахимом. «Вечное Евангелие», появившееся в 1254 году, состояло из длинной коллекции апокалиптических излияний, возможно, и взятых частично из трудов Иоахима, однако снабженных весьма пространными комментариями и довольно смелым вступлением. Ни комментарии, ни вступление не могли быть написаны Иоахимом. Впрочем, автор «Вечного Евангелия» так точно и не известен. Францисканский летописец Салимбен утверждает, что комментарии и вступление были написаны Жераром да Борго сан Доннино, а Эймерик, писавший об этом веком позже, называет автором Джона из Пармы – магистра-генерала францисканцев. Лишь одно бесспорно: автором был францисканец, принадлежавший к тому сектору ордена, который в то время возглавлял Джон из Пармы.

С самого основания во Францисканском ордене прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, существовали некие монахи, которые интерпретировали устав Ордена с весьма практичной и довольно вольной точки зрения, утверждая, что строгое следование принципам, установленным святым Франциском, было не только непрактичным, но и нежелательным. С их точки зрения было вовсе не обязательно постоянно жить в нищете, а нищенский образ жизни можно было вести временами, когда этого требовала необходимость. Для них было важно обладать собственностью – не личной, а общественной, – чтобы они имели все, необходимое для жизни. Больше того, не обращая вниманий на подозрительное отношение святого Франциска к обучению и учебным заведениям, они понимали, что не могут полностью игнорировать интеллектуальную жизнь в школах и университетах.

Спиритуалы, с другой стороны, настаивали на полном соблюдении устава. Они утверждали, что не должно быть никаких отступлений от общих правил. Основным принципом их устава была полная нищета. Ни Господь, ни его апостолы не обладали собственностью. Как и Господь, они должны были входить в мир без всяческой собственности. Все попытки хоть как-то изменить их решимость в этом считались проявлением слабости, предательством идеалов основателя ордена и отречением от его основных принципов.

Можно без труда представить себе, что для таких людей мистические излияния Иоахима были более чем привлекательными. Они были преданными, страстными поклонниками его труда, а в его пророчествах находили множество поразительных подтверждений их собственных теорий касательно особой миссии, которую в миру выполнял святой Франциск. Под их покровительством «Вечное Евангелие» было выпущено в свет в 1254 году. В этой книге весьма смело заявляется, что вся история человечества делится на три великих периода: на век Отца, век Сына и век Святого духа. Век Отца длился со Дня творения до Дня воплощения; век Сына – со Дня воплощения до настоящего времени, и, наконец, век Святого духа – на всем свете воцарится мир и любовь – должен начаться со дня на день. Многочисленные мистические исследования помогали назвать и точный год этой интересной церемонии перехода из одного века в другой – 1260-й. Век Сына сопровождался большими страданиями и тяготами. Однако все это – всего лишь прелюдия к великому второму пришествию Христа, когда наступит век полного согласия и процветания, а все люди будут наполнены любовью Господа. По этой причине отпадет необходимость в Церкви и в ее Святых Дарах.

Реакция на это учение была ужасающей. Комиссия кардиналов осудила книгу в 1255 году. Парижский университет лихорадило. В 1256 году Джон из Пармы, обвиненный в приверженности к учению Иоахима и в поддержке спиритуалов, был освобожден от поста магистра-генерала ордена. Его место занял Сен-Бонавентура. Что касается основной причины, вызвавшей такой шум при публикации книги, то у нас есть любопытные стихи об этой книге, написанные Жаном де Мейном:

Двенадцать сотен лет и двадцать пять
Прошло с тех пор, как Христос жил
На Земле для людей, когда его впервые увидели.
(Никто не станет отрицать моих слов, я полагаю).
Первый экземпляр книги,
Такой отвратительной, словно написанной
Дьяволом для того,
Чтобы клерки ее переписывали,
А потом она бы ходила среди людей.
«Вечное Евангелие» —
Это просто макулатура, а монахи славят ее достоинства,
Будто она написана, в основном, Святым Духом,
А на самом деле она заслуживает того, чтобы ее сожгли.
Университет до тех пор
Спал, но поднялся, когда
Это богохульство достигло его ушей.
Он сразу проснулся от ярости и страхов.
Выпрямился, приготовив свои оружие и щит,
Он готов вступить в бой
С этой гидрой и отнять у нее
Эту книгу, чтобы осудить ее.
Множество порочных дьяволят,
Идущих прямо, как можно видеть
В этой книге, представляющей собою пустышку (пустую пену),
Против святого закона Рима,
За антихриста, который устроился
В этой грешной книге.^[178]

Похоже, первоначальное возбуждение быстро погасло. Жан де Мейн, написавший эти строки в 1273 году, говорит, что книга была спрятана ее авторами, и что никто не знает, что с нею случилось. Однако через несколько лет некий Пьер Жан д'Олив, францисканец из Безьера, развил идею, высказанную в «Вечном Евангелии», повествуя в книге под названием «Postula», что история человечества делится на три периода, а история Церкви – на семь. Как и «Вечное Евангелие», эта книга была ужасной, и, хотя ее автор умер в 1297 году, не получив выговора от власти, его работа была осуждена в 1336 году Иоанном XXII. Тем временем появились две четко различимые группы, чьи верования были построены на учении Пьера Шана. Первая группа – это духовные францисканцы, вторая состояла из светских людей, принадлежавших к третьему ордену святого Франциска, которые стали известны как бегуины.

За годы, последовавшие после появления книги Пьера Жана, их движение прочно встало на ноги. Пока речь еще не шла о ереси, а только о прискорбном расколе внутри Францисканского ордена. А потом Церковный собор в Вене, вынесший судебные постановления о некоторых спорных пунктах, все же встал на сторону спиритуалов. И все же было ясно, что дело близится к развязке. В 1311 году несколько итальянских спиритуалов откололись от ордена и объявили себя отдельным сообществом. Через шесть лет папа Иоанн XXII по срочной просьбе магистра-генерала официально высказался на этот счет и приказал инквизиторам Лангедока считать еретиками всех, кто называет себя «фратичелли»,

«братьями нищеты» или «бегинами». Папская булла была выпущена 17 февраля 1317 года, а 7 октября этого же года Папская конституция *Quorumdam* осудила обычай спиритуалов отказываться от личной собственности. С тех пор им было запрещено носить специальное платье, какое они привыкли носить. Все имущество францисканцев было вынута из подвалов и хранилищ. Нищета, заметил Папа Римский, – это, конечно неплохо, но еще лучше послушание.

Инквизиторы Лангедока сразу же принялись за работу. Шестьдесят четыре спиритуала из монастырей Безьера и Нарбонны были призваны к трибуналу; к их ордену стали относиться презрительно. 23 апреля шестьдесят четыре нарушителя дисциплины под предводительством Бернара Делисье, который возник из забвения для того, чтобы вновь скрестить шпаги со Святой палатой, отправились в Авиньон и предстали перед Папой Римским. После долгой аудиенции сорок из них признались в своих ошибках, однако двадцать четыре и сам Бернар Делисье были непреклонны. Тогда Папа передал их в руки инквизитору Прованса, наказав тому разобраться с ними, как с подозреваемыми в ереси. На последующем процессе двадцать отреклись от своей веры и получили наказания. Однако четверо продолжали стоять на своем. Их признали неспособными принести покаяние, и они были сожжены на костре 7 мая 1318 года.

Бернаром Делисье занимался специальный трибунал, в котором инквизиция играла лишь вспомогательную роль. Бесспорно, он был пользующимся дурной славой проповедником и заядлым врагом церковных и светских властей. Кроме обвинений в ереси, ему припомнили еще и прошлые прегрешения – то, что он выступал против французского короля и против доминиканских инквизиторов. С ним обращались с ужасающей жестокостью. Отказавшись сделать полное признание, он был дважды подвергнут пыткам. Окончательный приговор был суров: его лишили сана и до конца жизни отправили в тюрьму. Церемония лишения сана проходила 8 декабря 1318 года; меньше чем через два года он умер.

В течение следующих десяти лет спиритуалов и бегингов без устали преследовали инквизиторы Южной Франции. Нам известно о казнях в Каркассоне, Тулузе, Ажде, Лодеве, Нарбонне и Люнеле. Первое упоминание о них в приговорах Бернара Гуи относится к 1322 году, когда Гуи возглавлял аутодафе в Памьере. Несколько бегингов были приговорены к тюремному заключению, а один из них – к сожжению на костре. В том же году Бернар проводил аутодафе в Тулузе, после которого трое были переданы в руки светского правосудия. Похоже, уже к этому времени движение потеряло всяческую привлекательность, прелесть и глубокую искренность, которые когда-то так прельстили его основателей. Начиная с 1320 года оно оказалось замешанным в дела сект с напороч испорченной репутацией таких, как бегарды и Братья Свободного Духа.

Этот факт обращает на себя особое внимание при изучении последних приговоров Бернара Гуи. При допросах бегины рассказывали об ужасных дебошах, в которых они как члены секты принимали участие. Возможно, даже несправедливо искать связь между всеми этими развращенными экстремистами и Францисканским орденом. Без сомнения, их учение – это всего лишь весьма отдаленный отголосок глубоко мистического мышления, в корне отличавшегося нездорового аскетизма «Вечного Евангелия», воплощавшего невротические фантазии бегингов и бегардов. Оба движения не нашли равновесия и проявляли большую недисциплинированность. Они практически возникли на пустом месте и с нетерпением ждали воцарения Святого Духа на Земле, а также скорого второго пришествия Христа. Однако одно дело ждать столь желанного утешения, и совсем другое – говорить, что век мира и любви уже наступил и что вы – одни из его первых детей. Подобные утверждения – путь к безумию и извращению правильного мышления. Говорить, что душа так заполнена Духом Господним, что не способна на грех, – значит на словах обратить телесные нужды в святые побуждения. Скорее всего, в этом нет величия мысли, как нет ничего более коварного, чем афоризм, утверждающий, что «для чистоты все чисто».

Эти бессмысленные псевдомистические ереси, которые расцвели в XIV веке почти во всех европейских странах, представляют для историков мало интереса. Больше того, их, вообще, едва ли можно назвать ересями, потому что ни одна из них не имела связно разработанной доктрины или верований. Что касается непосредственно духовных францисканцев, то у нас есть записи судов над ними и тексты их последующих отречений от ереси, которые они сделали в период с 1328 по 1330 год. С 1330 года упоминания о них становятся все реже и реже. Однако они продолжали свое существование – это видно хотя бы из письма Клементя VI францисканским архиепископам от 1346 года, в котором он жалуется на духовных францисканцев и призывает архиепископов арестовать их и наказать. В 1354 году священник и светский брат, обвиненные в том, что вновь принялись проповедовать еретические теории, касаемые отсутствия собственности у Христа, были допрошены инквизицией Каркассона. Они отказались отречься от своих убеждений и даже заявили, что со времен Папы Иоанна XXII все Папы Римские были еретиками. Инквизиция передала обоих вероотступников в руки светского правосудия. Это последняя смертная казнь, о которой нам известно.^[179]

Глава 10

Заключение

Мы много раз настойчиво повторяли, что средневековые ереси, о которых говорится в данной работе, основаны не на интеллектуальном протесте против требований и доктрин Церкви. Конечно, этот протест присутствовал в их учениях, но он не был стимулом для их возникновения. Эти ереси не были продуктом великого возрождения мысли и учения, начавшегося в XI веке и достигшего своего апогея к XIII. Они ничего не добавили к ценности культуры и знаниям их времени; в области теологии и философии они не оставили серьезных следов. В истории убеждений их значимость крайне невелика.

Еще раз повторю, что было бы большой ошибкой считать Средние века веками интеллектуальной нетерпимости. Принять подобную точку зрения значило бы совершенно не понимать средневековых достижений в общем и схоластической философии в частности. Некоторые высказывают сомнения в том, что распроры и споры велись с большей свободой и с большей оглядкой на достоинства и способности человеческого интеллекта, чем на научные школы Парижа, Болоньи, Оксфорда и еще множества других европейских университетов. Некоторые интересуются, мог ли синтез человеческой активности выработать такое широкое, всеобъемлющее основание, могли ли противоречия быть такими целеустремленными и близкими по духу, что наиболее горячие противники объединились в своей решимости добраться до правды, забыв о причинах споров между ними. Все могло и должно было быть доказанным; ничто не принималось на веру. Я не скажу, что это было время рационализма, потому что в наши дни под рационализмом понимается что-то непременно антихристианское, а молчаливое согласие с тем, что тот, кто пытается поступать согласно доводам разума, обязательно станет отрицать христианство, – это не более чем детский предрассудок. Я бы, скорее, сказал, что это было время обоснований и что силлогический метод ученых был, вероятно, наиболее смелой попыткой, когда-либо сделанной, осветить огнем понимания всю сферу человеческого опыта.

Не доминиканские ученые сказали, что философия и теология являются отдельными и даже далекими предметами, которые следует изучать различными методами. Нет, это было предложение аввероистов,^[180] в особенности – знаменитого Сигера Брабантского. Именно по этому пункту с ними с радостью объединились святой Фома и Альберт Магнус. «Разум, – смело заявил святой Фома, – вот основной фактор человеческой деятельности». Именно святой Фома настаивал на том, что между положениями, которые могут быть сделаны на основе доводов разума, и статьями христианского откровения могут быть совпадения, а также на том, что некоторые истины, такие, например, как существование Бога, доказывались исключительно голосом разума. Именно Аввероэс сказал, что истина не

зависит от разума, что утверждение, правильное с точки зрения веры, может быть ошибочным в качестве философского заключения; иными словами, он утверждал, что не существует такой вещи, как абсолютная правда, и что синтез, основанный на вере и на разуме, недостижим.

Итак, несмотря на то что позиция Аввероэса вела прямо к еретическим утверждениям, чрезвычайно важно отметить, что никогда не вставал вопрос о преследовании ее сторонников или о лишении их права на свободу выступлений. Мы не перестаем удивляться огромной интеллектуальной симпатии средневековой Церкви к этому учению и к ее готовности поддерживать его. Может, было бы не совсем справедливым сказать, что «философы были вольны обсуждать эту проблему, но имели право прийти только к одному заключению». Однако есть в дуалистической уверенности Церкви нечто великолепное, ведь она непоколебимо верила и в собственное учение и в способность человеческого разума оценить его истинность. Не в ее духе было уходить от споров и дискуссий. Скорее, Церковь была уверена в том, что трезвый, пылкий ум непременно придет к озарению истиной, что ученый будет нагромождать силлогизм на силлогизм до тех пор, пока не достигнет пика, а лестница, по которой он будет взбираться вверх, на самом деле лестница Иакова.

Вследствие этого, как видим, полемика и дебаты велись, как правило, на чрезвычайно высоком уровне. Давайте раз и навсегда отбросим идею о том, что век Данте был веком интеллектуального высокомерия. На самом деле это был век невероятной интеллектуальной благотворительности, согласованности, а не раскола; синтеза, а не анализа. Во всех весьма противоречивых трудах того времени, обязательно говорится о нарочитой терпимости и куртуазности. К примеру, труд святого Фомы «Summa contra Gentiles» весьма возвышен и убедителен; в нем нет и следа разоблачения или нетерпеливой эмфазы. Если обратиться к Данте – «поэту святого Фомы», как его часто называют, – то обнаружим то же самое. Отношение Данте к ереси удивительно либерально. Его довольно часто обвиняют в том, что он поместил Аввероэса и его последователя Авиценну в адские пламя. Однако все дело в том, что он этого не делал. Аввероэс находится у него в Лимбо в компании великих язычников античности – Сократа и Платона, Цицерона и Сенеки, Эвклида, Птолемея и Галена. «Знай, прежде чем продолжить путь начатый, – говорит Вергилий, – что эти не грешили; не спасут одни заслуги, если нет крещения, которым к вере истинной идут; кто жил до христианского ученья, тот Бога чтит не так, как мы должны. Таков и я. За эти упущения, не за иное, мы осуждены, и здесь, по приговору высшей воли, мы жаждем и надежды лишены».^[181]

Сам Аввероэс описывается не с презрением и осуждением, а как человек, «который сделал великий комментарий»: имеются в виду его труды в области философии Аристотеля.

Что касается великого учителя аввероистов, Сигера Брабантского, то он помещен Данте в роскошь рая. Сигер был одним из наиболее решительных и ярких выразителей принципов Аввероэса в парижских ученых школах. В 1277 году епископ Парижа, действуя по указанию папы Иоанна XXI, привел список его ошибок с 219 заголовками. Однако несмотря на то, что этот документ был главным образом направлен на аввероистов, в нем допущено довольно много нарочитых неточностей – для того чтобы столкнуть аввероистов с фомистами и вообще дискредитировать схоластические методы. Как бы там ни было, Сигер и его друг Боэтиус из Дасии, как известно из документов, были призваны к суду французской инквизиции по обвинению в ереси. Они обратились за помощью к Риму, ссылаясь на твердую приверженность Церкви и вере. Непонятно, что случилось с ними дальше, потому что нет документов, свидетельствующих о том, что они были отпущены или наказаны. Любопытно, однако, что в «Рае» в «Божественной комедии» Сигер появляется в компании известных Почтенного Бида и Ричарда из монастыря святого Виктора, великого мистика. Святой Фома, говоря о нем, замечает, что «...то вечный свет Сигера, что читал в соломенном проулке в оны лета и неугодным правдам поучал».^[182]

Высказывались предположения, что Данте не знал, какая репутация у Сигера, как не знал и того, что власти официально осудили его. Эта идея была недавно высказана мистером У. Г. В. Ридом в «Журнале теологических исследований».^[183] Он делает предположение о том, что Данте сам был одним из активных аввероистов и что эта теория настолько ребячлива, что ее не стоит и обсуждать. Мистер Турбервиль полагает, что, возможно, «он хотел отправить в рай кого-то, кто будет представлять философа, например, очень далекого от теологии. Было нелегко найти такого, а из возможных кандидатов Сигер оказался наиболее подходящим».^[184]

Мы полагаем, что истина была куда проще. На самом деле Данте очень уважал и восторгался – что было характерно для его времени – науками, учением и творческим мышлением. Святой Августин его устами выражает мнение многих средневековых ученых, что «без сомнения, мы ни в коем случае не должны обвинять в ереси тех, кто (какими бы ошибочными или извращенными ни были их мнения) защищается без лишнего упрямства и тщательно ищет истину, а, обнаружив ее, готов изменить свое мнение». Истина неделима и абсолютна, истина важнее всего. К ней можно приближаться по разным тропинкам. Тщательное изучение показаний и следующее за этим высказывание точек зрения, опровергаемых в процессе дискуссии, может служить лишь на пользу делу. Иными словами, можно сказать, что все формы дискуссии и распросов представляли собою углубление основы, на которой и строилась вся структура истины. А основной темой многочисленных дискуссий в разных ученых школах был основополагающий вопрос о том, является ли разум врагом или сторонником религии. Вообще-то, по словам святого Фомы, разум – это сторонник религии. Церковь канонизировала Фому и этим доказала, что она принимает его суждение. А если дойти до основ учения Аввероза, то можно понять, что он как раз отрицал ценность разума.

Хочется еще раз обратиться к «Божественной комедии». Иоахим из Флоры был святым человеком; его дар предвидения заслужил ему еще при жизни славу по всей Европе. Сейчас трудно сказать, насколько он приложил руку к написанию «Вечного Евангелия». Однако он, без сомнения, в XIII веке считался основателем религии Святого Духа, пророками и толкователями которой считали себя францисканцы. Больше того, «Вечное Евангелие» навлекло на себя громкое недовольство церковной цензуры. Правда, в ортодоксии самого Иоахима никогда не сомневались. Однако, если кто-то не понимает истинного значения средневековой ереси, то его должен удивить тот факт, что Иоахим в раю оказывается в компании таких знаменитых особ, как Сент-Джон Крайсостом, святой Ансельм, Хью из монастыря Сент-Виктор и Рабанус Маурис. «А здесь, в двенадцатом, – говорит святой Бонавентура, – Так вот,

... а здесь, в двенадцатом
...огне сияет вещей Иоахим,
который был в Калабрии аббатом».^[185]

Неправильное понимание Средних веков выражается в таких фразах, как «интеллектуальное рабство», «раблепное суеверие» и так далее. А мы сейчас поговорим о сходной вещи – о связи папства с подавлением ереси. Следует сразу же заметить, что в XII и XIII веках папский авторитет не приходилось никому навязывать, и его власть не представляла из себя удушающего деспотизма, как кто-то мог бы подумать. В самом деле, как точно замечает Генри Адамс, «Церковь, которая с равной симпатией относилась в течение каких-нибудь ста лет к Деве, Сен-Бернарду, Вильяму из Шампо, а также к ученым школам святого Виктора, Преподобного Петра, святого Франциска Ассизского, святого Доминика, святого Фомы Аквинского и святого Бонавентуры, была более либеральна, чем может быть любое современное государство... Подобная гибкость давно исчезла под влиянием человеческих мыслей».

Итак, становится ясно, что еретики, которыми занималась инквизиция, вступили в прямой конфликт с папской властью и объединились в воинственной враждебности против его учений. Верно, что Папы Римские много работали для того, чтобы все силы Церкви и государства направить на подавление ереси. Именно по этой причине множество современных писателей высказывали свою симпатию к еретикам и выставляли их пионерами борьбы против того, что обычно называют «самонадеянной властью Церкви». В настоящем исследовании мы сделали попытку показать, что эта позиция подразумевает серьезное сужение реального положения дел. Эти еретики конфликтовали с Папами не потому, что все ненавидели и боялись Пап, а потому что понтификат был явным и осязаемым центром европейского христианства. Любое секретное общество, любое анархистское и антисоциальное движение относилось к Папе как к врагу. И выражать симпатию еретической секте лишь по той причине, что она делала это, значит, выставлять героем всякого безумного анархиста, который целится своими бомбами в Папу.

Это – главное. Инквизиторы со всеми своими неудачами и недостатками, со всеми своими любопытными отклонениями в видении обыденных вещей и со всеми своими странностями все же боролись за цивилизацию и прогресс против еретических сил, направленных на уничтожение и гниение. Каким бы ни было чье-то личное мнение о папстве, человек должен четко видеть (если у него, вообще, развито историческое зрение), что в Средние века институт папства защищал закон, порядок и социальную стабильность. Верно, что позиция Папы была на самом деле весьма сложной и что он очень часто вступал со светскими принцами в серьезные конфликты, касающиеся дисциплины, администрации и личного поведения. Однако подобные диспуты не требовали отречения института папства; еще меньше, к примеру, ссора с Папой означала, что какой-нибудь правитель решился возглавить кампанию по борьбе с верой и Церковью. Человек вполне может быть в ссоре с местным викарием и не чувствовать себя при этом воинствующим атеистом. То же самое, только в иной степени, можно отнести и к отношениям пап и правителей Средних веков. Ссора может быть пустяковой или серьезной; обязанностью правителя было защищать веру – это было так естественно, что не требовало дискуссий.

Подавление ереси в те времена – и, как мы часто повторяли, *ad pauseam* – не было всего лишь простой демонстрацией агрессии Папы, направленной на еретиков, нет, это была необходимая мера, поддерживаемая большинством светских законодательств. Ни одна средневековая ересь, какими бы дикими не были ее теории и какими бы чистыми не были ее политические цели, не могла не быть антипапской. Потому что папство просто представляло единство Церкви и общества. Даже такие неверные, как Фридрих II, четко понимали это. Он мог быть – и, без сомнения, был – шипом в теле папства, однако существовало еще несколько горячих сторонников веры, для которых подавление ереси было очень важно. Однако не стоит недооценивать исключительно политический аспект этой борьбы. В Лангедоке Святая палата имела склонность (не думаю, что здесь было бы уместно использовать более сильное выражение) представлять интересы французской короны наперекор лангедокской знати. В Северной Италии ее действия, направленные на распознавание фракции гвельфов, стали более заметными, а в Испании – в поздний период – она практически погрязла в политике. На протяжении всего периода Средних веков интересы Церкви и государства были сходными, и, оценивая деятельность инквизиции, об этом нельзя забывать. Мы должны помнить, что они вместе занимались искоренением грехов и борьбой с преступлениями. И если мы начнем думать о деятельности каждого из этих институтов в отдельности, то пропустим самое главное.

Потому что мы должны признать существование дуалистического аспекта тех средневековых ересей, которые серьезно преследовались. Они угрожали не только объединению верующих, но и безопасности общественного порядка. Сам факт того, что человек состоял в еретической секте, был преступлением, наказываемым смертной казнью.

Важно заметить, что когда мы говорим, например, об альбигойской ереси, то говорим об обществе, а не просто о научной школе мысли – о ясном, конкретном обществе, члены которого обязаны были соблюдать определенную дисциплину, придерживаться определенных доктрин и принимать участие в определенных церемониях. Они сами на себя смотрели (и другие так же относились к ним), как на членов этого общества, а не как на приверженцев каких-то названных верований. Этот факт демонстрируется многочисленными примерами из записей инквизиции. Вопрос стоит, скорее, в том, состоит ли обвиняемый в еретическом обществе, а не в том, принимает ли он на веру некоторые еретические доктрины. «Он видел еретиков, принимал их в своем доме, присутствовал на их церемониях, принимал участие в таких-то еретических службах, восхищался «идеальными», получал их благословение, пользовался определенной формой приветствия, которая известна только еретикам...» – фразы, подобные этим, то и дело встречаются в документах инквизиции. Очень редко случалось, когда осуждаемый был главарем еретиков или какой-то заметной фигурой в их секте, и для его допроса потребовалось бы изучать еретическую доктрину.

Здесь мы подходим к обсуждению фундаментальной разницы между теми ересями, которые преследовались, и теми, которые не преследовались, – как, скажем, ересь альбигойцев и аввероистов. Первые образовали целое общество, отдельное и отдаленное от Церкви, которое, ко всему прочему, яростно выступало против нее. Последние представляли всего-навсего научную школу мысли, существующую в рамках христианского содружества. Существовала разница между толпой, марширующей по улицам и выкрикивающей: «Долой короля!», и пожилым университетским ученым, который за стаканчиком хорошего портвейна спокойно рассуждает о недостатках правительства при монархическом строе. Альбигоец был членом подрывной секты, которую государство не могло ни терпеть, ни как-то изменить. Аввероист, как и любой ортодоксальный схоласт, был философом, в чью задачу входила координация знаний и продвижение вперед в изучении наук.

Возвращаясь к деталям инквизиторских методов и процедур, мы ограничимся одним-двумя общими замечаниями. Совершенно ясно, что не может быть одного или двух мнений о мерах, необходимых для подавления ереси. Такие процессуальные формы, как соблюдение тайны следствия и суда, ведение расследования независимо от узника, применение пыток, отрицание возможности защиты – все эти способы были, по мнению Вакандарда, «деспотичными и варварскими». В наше время даже сама мысль о том, что преступника, какие бы страшные преступления он ни совершил, могут сжечь живьем, кажется ужасной и отвратительной. Однако мы помним, что гуманное отношение к преступникам появилось совсем недавно. Мы должны полностью отменить идею о том, что в жестоком обращении к еретикам в Средние века кто-то видел что-то ненормальное или необычное. В 1788 (!) году женщина по имени Фоб Харрис была сожжена живьем на костре за изготовление фальшивых денег, причем, судя по документам, «множество людей присутствовали на этой печальной церемонии». Страшно подумать, что некоторым из ныне живущих людей подробности ужасной церемонии сожжения мог пересказать живой ее свидетель. За 1837 год 437 человек были казнены в Англии за различные преступления; до принятия билля о реформе парламента в Англии смерть считалась заслуженным наказанием за подлог, изготовление фальшивых денег, конокрадство, поджог сена, разбой, ночные кражи со взломом, поджоги, вмешательство в работу почты и богохульство.

Тела умерщвленных было принято выставлять на всеобщее обозрение чуть не до середины XIX века. В 1811 году убийца Вильяме совершил самоубийство в тюрьме; было принято решение выставить его тело рядом с местом совершенного им преступления.

«Образовалась длинная процессия, возглавляемая констеблями, которые расчищали дорогу своими дубинками. Дальше шел недавно сформированный конный патруль, вооруженный саблями, церковные офицеры, военные офицеры, констебль графства Мидлсекс верхом на коне, а затем везли тело самого Вильямса, выложенное на приподнятой

платформе, которую установили на повозке... – так, чтобы все могли увидеть его тело, одетое в синие брюки и синий с белым полосатый жилет... Выражение лица покойного было ужасным, да и, вообще, все это действо производило удручающее впечатление. Процессия,, остановившаяся на четверть часа у дома жертвы Вильямса, шла в сопровождении целой толпы людей, рвущихся вперед, чтобы воочию увидеть мертвого убийцу».^[186]

Поступок этого человека, Вильямса, вдохновил де Кинси написать его знаменитое эссе «Убийство как одно из произведений искусства».

Пепис сделал несколько замечаний о публичной казни некоего полковника Джона Тернера, состоявшейся в 1662 году; он описывает, как «заплатил шиллинг, для того чтобы встать у колеса телеги за час до казни». В 1784 году с обычного места, где проводились экзекуции, с Тайберна, место казни было переведено на «великую арену перед Ньюгейтом». Шериф Лондона, объясняя, чем это было вызвано, говорит, что «в будущем, вместо того чтобы везти осужденных на телегах к Тайберну, их будут казнить прямо у тюрьмы Ньюгейт, на площади перед которой могут собраться пять тысяч человек».^[187] Лишь в 1868 году публичные казни были запрещены постановлением парламента.

Совершенно ясно, что, обвиняя инквизицию в жестокости и грубости по отношению к еретикам-преступникам, мы должны быть весьма осмотрительны. Призыв лорда Эктона «никогда не унижать современную мораль и не сомневаться в честности, а подходить к остальным с теми же мерками, какими мы меряем собственную жизнь, верить в то, что ни человек, ни дурной поступок не останутся безнаказанными, потому что история может и ошибаться», так вот этот призыв просто чудесен; было бы хорошо, если бы историки вняли ему в полной мере. Мы не можем порицать целую цивилизацию, целый континент, целую эру за человеческую деятельность. Может, мы стали более добрыми, более чувствительными к жестокости, более готовыми к пониманию, более благоотерпимыми в таких делах. Хотелось бы надеяться, что за две тысячи лет существования христианства истинная мораль наконец-то восторжествует. Хотя и в современном мире есть грубость, абсурд, мерзость, извращения – множество вещей, которые привели бы в ужас наших предков. Мы не можем сказать, что выносим абсолютное, окончательное суждение о действиях, мыслях и манерах прошлых времен. Мы не имеем права утверждать и предполагать, что наша система ценностей в таких делах более совершенна, чем та, которая была принята в Средние века. Больше того, некоторые из нас могут счесть, что, напротив, люди Средневековья имели для жизни более устойчивую основу. Правда, они боролись с бедами, как могли, и потерпели неудачу в этой борьбе; просто мы, люди так называемой «новой эры», терпели меньше неудач, но мы и не прилагали таких усилий. Мы не пробовали и не достигли того синтеза, которого достигли умы средневековых ученых. Мы потеряли саму концепцию единства, а потому средневековое общество, бесконечно разнообразное, однако основанное в первую и последнюю очередь на общности культуры, кажется нам странным и экзотическим обществом с его великой ненавистью и еще более великой любовью. Мы чувствуем себя дома в Римской империи. Потому что на каждую хорошую книгу, написанную о Средних веках, было написано по двадцать книг о Римской империи. Мы чувствуем, что Цицерон с легкостью мог бы занять свое место на скамье в палате общин. Но разве мы не испытываем благоговейного страха и восхищения Сенбернармом? Разве нет у нас ощущения, что из нашего мира ушла какая-то движущая сила – сила, впитавшая в себя жар полуденного южного солнца, и свежесть ветра, дующего с болот?

Мы уже много места посвятили несправедливости и неправильности инквизиторского процесса. Наиболее серьезным, «возможно, наихудшим аспектом, касающимся деятельности инквизиции», можно счесть факт, что «...пагубные методы ее процедуры были заимствованы восхищавшимися ими светскими принцами для использования в собственных судах, причем никто не пытался объяснить (может, даже простить), почему, собственно, сама инквизиция прибегла к ним. Так, светские суды в Европе стали использовать систему inquisitio, тайные

допросы, нагромождения вопросов один на другой, чтобы человек не успевал ответить на них и терялся, применение пыток – словом, все то, что было высочайше разрешено использовать в инквизиции».^[188]

Довольно любопытно обнаружить, что мсье де Козон не рассматривает этот факт (то есть принятие инквизиторских методов светскими судами) как нечто прискорбное. Он даже считает, что «преступные кодексы и кодексы наказаний современной цивилизации все больше напоминают (практически и духовно) отношение инквизиции к еретикам.^[189] Инквизиция была особым трибуналом, созданным при особых обстоятельствах для выполнения особого задания. К ней нельзя относиться, как мы видели, как к чисто карательной организации либо как к трибуналу над преступниками. Конечно же, важнее было первое, однако, учитывая особые обстоятельства, при которых она была создана, инквизиция превратилась, по сути, в объединение этих двух институтов. Полагаю, что попытка организовать светские законные формы на основе инквизиторской модели несла бы в себе столько же аномалий и несправедливостей, как и попытка подключить допросы и обвинения третьих сторон к процедуре признания.

Историк не может вскозь изучать методы борьбы со средневековыми ересями. В записях инквизиции мы встречаем факты невероятного притеснения и глупости. Однако можно с уверенностью утверждать, что они редко уходили от внимания властей. Настоящий бандит Робер де Бурж был временно отстранен от ведения дел, а потом приговорен к пожизненному заключению. Папские уполномоченные в Лангедоке в 1305 году приказали снять с должностей некоторых людей, злоупотребляющих данной им властью. После первых процессов над рыцарями тамплиерами Папа Клемент V освободил всех французских инквизиторов от исполнения ими своих обязанностей. Было признано, что они злоупотребляли своим положением, а потому их осудили; игнорировать этот факт точно также как и их существование. Наконец, не следует забывать, что первые инквизиторы были весьма далеки от агрессии. Многие годы они сражались в Лангедоке с ересью, не имея никакого оружия, однако еретики отлично понимали, что битва будет до конца. Сомнительно, что в Европе когда-либо появлялся такой же могущественный и отвратительный, по сути, заговор, как альбигойская ересь. Сомнительно, что с такой явной угрозой обществу боролись бы так же эффективно, ведь было пролито совсем немного крови, и дело не дошло до насилия. Потому что совершенно ясно одно: в борьбе с этой ересью терпимость не была ни возможной, ни желанной.

Больше того, если мы взглянем на эту проблему отрешенно, то должны будем признать противоречия методов инквизиции «духу» Евангелий. Как говорит мистер Никерсон, «логический вывод непреодолим. Если (как и все христиане) мы примем доктрину Господа нашего и – как пример – решим, что жизнь человеческая бесценна, то должны признать, что любая попытка извратить эту доктрину или пример, приведет к тому, что мы усомнимся в действиях и словах Господа нашего, а это преступление гораздо более серьезное, чем те, которые признаны законом. Далее. Этот разумный аргумент в некоторой степени поддерживается и поступком самого Господа, который с горечью обвинил фарисеев в извращении религии».^[190]

Все это приводит к важному соображению, что Святая палата существует и по сей день, хотя сейчас в ней и не состоят в большом количестве члены монашеских орденов. Монашеская инквизиция, как мы видели, представляла собой всего лишь расширенный вариант епископской инквизиции, которая была организована в 1184 году по приказу Люция III; в настоящее время Святая палата занимается теми же расследованиями, или инквизицией, как и во времена Иннокентия III или Клемента V. Важно, конечно, заметить, что ее методы изменились; в существовании такой организации, какой она была раньше, больше нет необходимости; костер и дыба, монополистом на применение которых она являлась, больше не используются для наказания. Однако ее цели и функции остались неизменными.

Святая палата занимается сохранением веры и надзором за ней; в настоящее время она так же немного времени уделяет цензорской работе, точнее, она изучает содержание некоторых книг и при необходимости официально осуждает их.

Однако Церковь как проповедовала, так и продолжает проповедовать свободу совести. Она руководствуется теми же принципами, хотя, к счастью, методы монашеской инквизиции забыты. В заключение нам хотелось бы привести еще одну цитату Вакандарда: «Инквизиция, образованная для того чтобы судить еретиков, стала, таким образом, общественным институтом, чья суровость и жестокость объясняются идеалами и правилами поведения того времени. Нам никогда не понять ее, если мы не поймем реалий Средних веков, не начнем смотреть на них глазами святого Фомы Аквинского и святого Людовика, которые осветили Средневековье своим гением. Критики, которых возмущает то, что творилось в Средние века, могут свободно высказывать презрение и оскорблять средневековую политическую систему, суровость которой действительно отвратительна. Однако презрение не всегда подразумевает трезвое суждение, и не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы порицать какой-то общественный институт. Если мы хотим дать верную оценку целой эпохе, то должны учитывать и точки зрения других людей, пусть даже живших задолго до нас.

«Но, несмотря на то, что мы признаем добрую волю и стремление утвердить Веру основателей и судей инквизиции (постарайтесь понять, что мы говорим сейчас о тех, кто действовал разумно), мы не должны ни на секунду забывать, что их понятие справедливости в корне отличалось от нашего понятия. Взятая же сама по себе или по сравнению с другими криминальными процессами, инквизиция была, – если рассматривать ее беспристрастно – без сомнения, несправедливой и неправильной, если можно так выразиться».^[191]

Мы не можем рассматривать средневековую инквизицию отдельно от ее окружения и выносить о ней какие-то суждения, потому что наши чувства, наше отношение к происходящему сильно отличаются от тех, которые владели людьми в Средние века. В настоящее время Святая палата с присущей ей мудростью, щедро используя свой заслуженный авторитет, по-прежнему исполняет те же функции (то есть ведет расследования и устанавливает при необходимости надзор), что и раньше, только в прежние, беспокойные времена исполнение этих функций требовало более эффективных и страшных методов.

Приложение

О верованиях и практике еретиков-альбигойцев

Организованное совместное наступление Церкви и государства на альбигойскую ересь было предпринято в начале XIII века и завершено в первую четверть века XIV. За время этого наступления было уничтожено несколько предводителей альбигойцев; большое количество приверженцев альбигойства получили наказание в виде тюремного заключения, ссылки, лишения гражданства, а также насильственного отправления на военную службу. Кроме этого, за годы борьбы с альбигойской ересью было уничтожено много еретической литературы – учебные пособия с изложением доктрины альбигойства и альбигойских церемоний, а также несанкционированные властью переводы священного Писания и так далее. Насколько мне известно, ни одна из названных книг не сохранилась до наших дней. У нас нет документов о секте, составленных самими альбигойцами. Строго говоря, все наши познания об альбигойстве основаны на записях людей, которые были настроены весьма враждебно по отношению к этой секте, больше того, многие из этих людей всю свою жизнь положили на алтарь борьбы с альбигойством.

В результате этого факта, вызывающего немалое сожаление, я вынужден признать, что суть альбигойской ереси стала предметом горячего диспута между историками. Потому что невозможно принимать на веру оценку ереси ее современниками, которые не скрывали, что ненавидят ее и все, что с нею связано, и которые намеренно преувеличивали все факты, какие можно было использовать против нее. Перед тем, как выносить суждение, мы должны

выслушать и противную сторону. Однако, к сожалению, благодаря неустанной и эффективной деятельности инквизиторов, нам, собственно, некого выслушивать.

Так что неудивительно, что многие современные историки, вынужденно оказавшиеся в таком положении, приняли противоположную сторону. Они стали утверждать, что единственной причиной преследования еретиков-альбигойцев мог стать конфликт, в который они вступали, с властью Римского Папы. И не думая выдвигать какие-то антисоциальные доктрины или доктрины бессмертия, эти еретики, говорят нам такие историки, были обычными библейскими христианами, которые выступали против вездесущего фанатизма Пап и продажности священнослужителей, а сами боролись за чистоту, которая была присуща Церкви ранних времен. Их ненавидели ненавистью, основанной на страхе и осознании чувства вины. Церковь имела, если можно так выразиться, комплекс неполноценности. И этот комплекс в сочетании с ненавистью ко всему, что может угрожать ее влиянию на души, тела и кошельки людей, определил ее поведение и привел к уничтожению альбигойской ереси.

Эту точку зрения мы принять не можем. Во второй главе мы дали описание альбигойства и на протяжении всей книги то и дело обращали внимание читателя на то, что альбигойство – это полностью охваченная коррупцией система этики и верований, триумф которой мог угрожать европейской цивилизации. Мы признали, что было бы полным абсурдом верить скандальным историям, связанным с поведением еретиков, – к примеру, историям о безобразных оргиях, устраиваемых в темных комнатах, и так далее. Между прочим, подобные рассказы всегда ходят о любом тайном обществе. Однако мы утверждали, что в основном ортодоксальные средневековые авторы, пишущие об альбигойстве, недалеко ушли от истины в своих описаниях. Поэтому считаю, что будет недурно привести тут один-два примера, подтверждающих их правоту.

Во-первых, во всем, что касается наиболее важных пунктов еретической практики и верований, средневековые авторы с XI до XIV века пишут практически одно и то же, причем их утверждения не противоречат утверждениям апологетов средневековой Церкви. В автобиографии знаменитого аббата Гюйберта из Ноджента мы встречаем живое описание наказания еретиков в Суассоне в 1114 году. Причем любопытно, что автор описывает новые манихейские верования в тех терминах, которые вполне могли бы выйти из-под пера Бернара Гуи в его книге «Practica». В 1177 году граф Раймон V Тулузский с отчаянием пишет, как на его семейную жизнь повлияло распространение ереси, и эти его слова словно эхом отзываются от святого Афанасия и Папы Льва I. Все, пишущие о ереси, начиная от Пап Римских утверждают, что альбигойские верования весьма напоминали верования манихеев старой империи. В этом согласны абсолютно все, а потому альбигойцев даже часто называли современными манихеями.

Следующий пример более важен. Говорить, что вся наша информация, касающаяся альбигойцев, исходит от людей, которые ненавидели ересь, – правда лишь наполовину. Или, точнее, в некотором роде это всего лишь часть правды. Потому что мы обладаем огромным количеством информации, содержащейся в инквизиторских документах. Все эти записи велись официальными представителями Святой палаты. И никто никогда не говорил, что записи были фальсифицированными или что к ним кто-то впоследствии приложил руку. В этих документах мы видим точные записи слов еретиков. В каждом деле также есть показания полудюжины свидетелей, которые говорят о действиях или речах обвиняемого человека. Мы видим, как человек, защищая себя, утверждает: «Я не еретик, потому что у меня есть жена, с которой я живу. И у нас есть сыновья». По сути, инквизиторские документы предоставляют нам полную информацию об альбигойских церемониях и верованиях – ее совсем нетрудно получить, если внимательно читать их. Давайте рассмотрим парочку соответствующих примеров.

У нас есть полная запись процедур, проводимых Бернаром из Ко и Жаном де Сен-Пьером в период между 22 августа и 1 декабря 1247 года, против известного еретика Петра

Гарсиаса.^[192] Свидетели, чьи показания дополняются и подтверждаются одно другим, клятвенно заверяют, что Гарсиас часто и публично делал следующие заявления:

что Христос, Святая Дева и святой Иоанн-евангелист спустились с небес и не были существами из плоти;

что святой Иоанн Креститель был одним из самых злейших дьяволов, когда-либо живших на земле;

что правосудие ни при каких обстоятельствах не может приговорить человека к смертной казни;

что брак – это прелюбодеяние (*purum meretricum*) и что никто, имеющий жену, не сможет спастись;

что все проповедники, участвующие в Крестовых походах, были убийцами.

Эти слова Гарсиаса приводятся множеством свидетелей, и их показания занимают двадцать пять страниц. В журнале инквизитора Жоффрея д'Абли отмечено, что осужденный еретик говорит: «единственный брак – это лишь брак между Господом и душой. Огромный грех – ложиться с женой или другой женщиной, поскольку это делается открыто и без стыда». В присутствии Бернара Гуи еретик Пьер Отье утверждал, что «акт брака всегда греховен, и обязанности супругов не могут исполняться без совершения греха», и что «таинство брака не было благословлено Господом». То же мнение было высказано (только в несколько иных словах) Петером Раймоном, приговор которому был вынесен 30 апреля 1312 года.^[193]

Разумеется, весьма спорно, что такие экстравагантные точки зрения, как приведенные выше, высказывались всего лишь некоторыми экстремистами. Большое число еретиков, которые были допрошены на Церковном соборе в Ломбере в 1176 году, яростно протестовали против утверждения, что они осуждают брак. Однако по вынесенному Церковным собором суждению «все они привыкли учить тому, что мужчина и женщина, познавшие плотские отношения, не смогут спастись». На это еретики ответили весьма специфично: они заявили, что брак не сам по себе греховен. Епископ, председательствующий на заседании Собора, сухо поинтересовался, что заставило их произнести подобное утверждение – страх перед Господом или перед людьми. Как бы там ни было, они отказались подтвердить свою веру, дав клятву очищения, а потому Церковный собор не стал менять свое суждение.^[194] Великий ученый Алан Лилльский утверждает, что альбигойцы осуждали брак. Они говорили, сообщает он нам, если бы не существовало брака, то не было бы и измен в браке.^[195] Судя по всему, осуждение брака было, с точки зрения альбигойцев, вполне логичным и основывалось на принципе дуализма. Кстати, похоже, что в тех районах, где альбигойская ересь была наиболее могущественна и распространена, подобные этические утверждения высказывались без опаски и безапелляционно. Ересь была безобидной до тех пор, пока ее не начинали принимать серьезно.

Потом нельзя забывать об *endura* – «варварской практике, – по замечанию мсье Танона, – в существование которой мы едва ли поверили бы, если бы о ней так часто не говорилось».^[196] Она, по сути, являлась обычаем совершать самоубийство под эгидой религии. Иногда, разумеется, она обретала форму смерти от голода, последовавшей после ареста инквизицией. Однако самоубийство всегда осуществлялось как отдельное, исключительно добровольное действие, одобряемое «идеальными» и оцениваемое как высокая добродетель. Мы уже обсуждали эту церемонию (Глава 2), но сейчас здесь необходимо повторить уже сказанное нами. Достаточно лишь сказать, что *endura* – самоубийство – часто совершалось людьми, совершенно здоровыми. В одном из описаний судебных процессов, проводимых Бернаром Гуи, отмечено, что «*consolamentum*» проводилось по отношению к маленькой девочке. Матери строго запретили ухаживать за малышкой, и та через несколько дней умерла.^[197]

Нам следует обратить внимание на то, с какой ненавистью люди повсеместно относились к ереси. Еретиков-альбигойцев презирали буквально все. Их наиболее безжалостным врагом был император Фридрих II. Даже еретики-вальденсы не вызывали столько возмущения; в начале XIII века ареста альбигойцев добивались с немалым рвением. С тех пор, как они впервые появились в Европе, на альбигойцев везде смотрели как на врагов общества и соответственно обращались с ними.

Кстати, следует отметить, что в их учении было немало и привлекательного. Ни одной, подобной альбигойству философии (столь же антисоциальной и абсолютно ошибочной), не удавалось обратить на себя внимание такого количества людей. Дуализм решает множество проблем, занимающих людские умы в течение многих веков. Однако он представляет собой слабый, хрупкий цветок, который может расцвести лишь в парниковой атмосфере чувств, благочестивых эмоций и ленивого иррационализма. Когда его выносят на дневной свет, когда прожектор логики и разума направляет на него свой яркий свет, он отвратительно изменяется. Он превращается в нечто остроугольное, искореженное. Он напоминает огромную гору, которая с расстояния так и манит своими мягкими очертаниями, вызывая у путника желание подняться на ее высоты. Однако сделав эту попытку, путешественник обнаруживает, что не все так приятно: на него могут свалиться и задавить огромные валуны, ему некуда поставить ногу, и к тому же его окружает атмосфера страха и отчуждения.

Стало быть, можно заключить, что альбигойская ересь была идеальной и логической дуалистической философией – не больше и не меньше. Она была одной из наиболее разумных религий, когда-либо возникавших в человеческом обществе. Материальное, заявляла она, было злом, созданным злым Богом. Таким образом, разрушение материального было уничтожением зла. Человеческое тело материально – таким образом, самоубийство – это добродетель, а зачатие детей – грех. Альбигойская ересь была настолько обоснованной, насколько могла. И она была одним из наиболее сильных ядов, когда-либо впрыснутых в кровотоки общества.

Примечания

1

О. Гирке. Политические теории средних веков. (Пер. Ф. У. Мейтленда). – С. 10–11.

2

Суд архиепископа Кентерберийского. – *Примеч. переводника.*

3

Манихейство – религиозное дуалистическое учение о борьбе добра и зла, света и тьмы, как изначальных и равноправных принципов бытия. Его последователи – манихеи. – *Примеч. переводчика.*

4

Анабаптисты – участники радикального сектантского движения эпохи Реформации XVI века. Требовали вторичного крещения в сознательном возрасте, отрицали церковную иерархию, осуждали богатство, призывали к введению общности имущества. – *Примеч. переводчика.*

5

В уставе монастыря святого Бенедикта несколько раз упоминаются телесные наказания. Например, «... и не позволять ему (аббату) скрывать грехи заблудших... Наиболее умным и честным из них он может сделать выговор и на первый-второй раз ограничиться внушением. Но злых, жестокосердных, гордых, а также не желающих проявлять послушание следует наказывать бичеванием с применением хлыста, дабы они не грешили больше». Устав Сент-Бенедикта, абз. 2. Цитата взята из книги Хендерсона Е. Ф. Избранные документы Средневековья. – С. 274.

6

«Интересно заметить, что именно церковники стали использовать заточение в тюрьму как наказание за преступления. В римских законах такое наказание не предусматривалось». Вакандард Е. Инквизиция. – С. 25.

7

Преобразования, направленные на укрепление Католической церкви. Главные требования клюницев – суровые условия в монастырях, независимость их от светской власти и епископов, непосредственное подчинение папе и т. д. – *Примеч. переводчика.*

8

Крам Ральф Адамс. Сущность готики. – С. 64.

9

Монахи и светское духовенство. – В кн. «Средневековая Англия». – С. 372.

10

Идеи, оказавшие влияние на цивилизацию. – Том IV, с. 342.

11

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 23.

12

Г. Адамс. Гора Сен-Мишель и Шартр. – С. 246.

13

Крам Ральф Адамс. Великое тысячелетие.

14

Р. Х. Тоуни. Религия и появление капитализма. (Джон Мюррей, 1926). – С. 28, 29.

15

В. Е. Г. Леки. Возникновение и влияние рационализма. – С. 317.

16

«Люди Средневековья, которым летописцы приписывают бесчисленные акты буйства, так ревностно относящиеся к своей свободе, такие веселые даже в церквях, эти люди боялись? Что за мысль?! Эти сильные, неутомимые мужчины, известные всему свету своей воинственностью, описываются хлюпиками, стонущими под гнетом монахов? Ну и ну! Мы не хотим сказать, что в те времена не было горя, злоупотреблений властью, чудовищных бедствий, однако не следует верить тому, что все это так уж действовало на людей, о радостной жизни и независимом существовании которых написано в тысяче и одном документе... Когда еще университеты были так сильны, так отчаянны, так готовы вступить в спор? Когда еще в истории люди обсуждали такой широкий круг всевозможных вопросов и выстраивали такое количество метафизических, философских, социальных и экономических теорий?» (Т. де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. 2, стр. XXII. *Прим. автора.*)

17

Дж. Дж. Уолша. «Исцеляющие религии в Соединенных Штатах» – Стадиз, 1924, декабрь.

18

Дж. К. Ла Бас. Хейсманс (Его цитату приводит Г. Никерсон в книге «Инквизиция», с. 59. – *Прим. автора.*)

19

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 57, 213.

20

Т. Ф. Тоут. Франция и Англия в Средние века и сейчас. – С. 25.

21

Джонсон: Каждое общество имеет право сохранять публичный мир и порядок, а потому имеет право на запрещение пропаганды тех взглядов, которые могут быть опасными... *Майо:* Я придерживаюсь той точки зрения, сэр, что каждый человек имеет право на свободу сознания в религии. *Джонсон:* Сэр, я с вами согласен. Каждый человек имеет право на свободу сознания, и даже судья не имеет права интересоваться ею. Однако люди часто путают свободу мышления со свободой слова, даже точнее со свободой проповедования. Да, каждый человек имеет право думать, что хочет, потому что его мысли невозможно прочитать. При этом у него нет морального права, потому что и в мыслях он не должен забывать о справедливости. Однако, сэр, ни один член общества не имеет права проповедовать какие-то идеалы, которые противоречат основным догмам данного общества... *Майо:* Как же так, сэр? Выходит, я не могу учить своих детей тому, что считаю правильным? *Джонсон:* Ну да, предположим, вы учите своих детей воровству... *Майо:* Вы шутите? *Джонсон:* Нет, сэр, отнюдь. Этим вы можете преподать им общность владения имуществом, а ведь можно высказать множество аргументов «за» и «против» подобного предмета. Вы обучаете детей тому, что изначально все вещи были общими, тому, что ни один человек не может завладеть чем-то до тех пор, пока не заберет это что-то себе. Таким образом, сэр, вы посягаете на священную корову общества: на собственность. Так почему же, по-вашему, судья не может остановить вас? Или, к примеру, вы захотите сделать ваших детей адамитами, и они станут носиться по улицам голыми... Что, разве в таком случае судья не будет иметь права остановить их? *Дама сверху:* Сэр, вы очень ловко выкрутились. (Боусвелл. Жизнь Джонсона. – О. У. Пресса, 1922, т. I, с. 511–513.)

22

Энциклика «*Liberias Praestantissimum*», 1888, июнь. Я взял эту цитату из письма, написанного Дж. В. Пойнтером, в журнале «Девятнадцатый век и после», 1925, сентябрь. – *Прим. автора.*

23

В. Малсбери. Хроника короля Английского. Изд-во Бона. – С. 314.

24

Г. Адамс. Гора Сен-Мишель и Шартр. – С. 299.

25

«Такое впечатление, что подобные философские идеи – это всего лишь обломки поздней античности... Подобные средневековые ереси не развиваются так же постоянно, как истинная схоластика... Как, несомненно, уже было сказано, ересь одного поколения становится ортодоксией для другого, однако это утверждение применимо лишь к идеям Абеяра, например, благодаря которым схоластический процесс широко распространяется и очищается. Сначала их можно обвинить, к примеру, в том, что они могли показаться вздорными и бестолковыми потенциальному мыслителю, однако потом они начинают казаться приемлемыми. (Тэйлор Г. О. Средневековый ум. – Том II, с. 313, сноски).

26

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 42.

27

Возможно, это частично объясняет, каким образом различные еретические секты могли своим учением проникнуть в разум простых людей и даже инквизиторов. А потому в более поздний период катары, манихеи и альбигойцы стали родоначальниками всех еретиков. – *Примеч. автора.*

28

Похоже, это неприятие было широко распространено. Вот что пишет об этом А. Люшер в книге «Французское общество в годы правления Филиппа-Августа» (пер. на англ. А. Кребиля, с. 52.)

29

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 43.

30

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 93.

31

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 21.

32

Симония – в Средние века в Западной Европе продажа и покупка церковных должностей или духовного сана. Продажа практиковалась папством, королями, крупными феодалами. – *Примеч. переводчика.*

33

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 22.

34

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 19.

35

Там же. С. 19. Также см. Г. О.Тэйлор. – Т. 1, с. 381, сноски.

36

Practica Inquisitionis, с.131 (Британский музей, Эджертон манускрипт № 1897), где дается полный перечень их верований и обычаев. Наиболее доступное издание «Автобиографии» Гюйберта выпущено в бродвейских переводах.

37

Эзебиус, vii 31. Филострогиус, iii. 16, 17. Сократ также упоминает Мани, основателя секты.

38

Н. Эмерикус. Directorium. – (Венеция, 1607). – С. 273, 274, 278.

Б. Гуидонис. Practica Inquisitionis. – (Париж, 1886). – С. 236.

См. также А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 24.

Е. Вакандард. Инквизиция. (Пер. на англ. Бернард Конвей). – С. 55.

39

См. Liber Sententiarum Inquisitionis Tolonsanae. Ред. П. А. Лимборг. – Амстердам, 1692. – С. 104, 143, 190 и т. д.

40

Аве Жюльен L'heresie et le bras séculier au moyen-age. – В кн. «Euvres», т. И, С.130, 131. – *Пер. автора.*

41

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 31.

42

Так святой Макариус из Александрии «услышав, что монахи из Табеннисси весь Великий пост едят только ту еду, которая не приближалась к огню, решил целых семь лет не есть приготовленной на огне пищи, и он действительно ничего не ел, кроме овощей и размоченных бобов». (Палладиус. История Лаузиака, т. XVIII.)

43

Г. С. Леа. «История средневековой инквизиции. – Т. 1, с. 71.

44

Генри Осборн Тэйлор справедливо замечает, что «Сен-Бернар... за четверть века расшатал христианство больше, чем все святые до или после него. Свои деяния он творил в первой половине XII века». («Средневековый ум», т. 1, с. 408.)

45

Г. Адамс. Гора Сен-Мишель и Шартр. – С. 290.

46

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 30.

47

«Милорд король запрещает любому англичанину принимать на своей земле, в своих владениях или в своем доме любого из секты ренегатов, которых отлучили от Церкви и заклеили в Оксфорде. А если кто-то все-таки впустит их в свое жилище, то ему придется положиться на милость милорда короля. Дом, в котором примут ренегата, будет вывезен из города и сожжен». («Постановления суда присяжных в Кларендоне», стат. 21 в главе «Идеи, которые повлияли на цивилизацию», т. IV, с. 400.)

48

См. также «Французскую цивилизацию» А. Л. Гуерара, с. 234, где развивается эта же мысль.

49

А. Л. Гуерар. Французская цивилизация. – С. 259.

50

Разумеется, я имею в виду поздний период, а не чрезвычайно тяжелые времена Шарля Мартеля и Ронсесвалля.

51

По сложившейся традиции, Абдельрамен I женился на дочери герцога Аквитании – один из первых примеров брака между христианкой и мусульманином. (Баллестерос. История Испании. – Т. II, с. 9.)

52

Цитата приводится Мигуэлем Асином в книге «Ислам и Божественная комедия», с. 258. (Пер. на англ. Гарольда Сандерленда.)

53

«С тех пор, как Адам съел яблоко, – замечает Рембо в одной из своих поэм, – на земле больше нет поэта, который мог бы громко заявить о себе, и чье искусство стоило бы хоть ломаный грош и его можно было бы сравнить с моим».

54

Отрывок приводится в книге Генри Адамса «Гора Сен-Мишель и Шартр», с. 231. Критик обсуждает наиболее завораживающую поэму трубадуров «Окассен и Николетт».

55

Г. Адамс. Гора Сен-Мишель и Шартр. – С. 272–275.

56

Цитата приводится в книге Вакандарда «Инквизиция», с. 184.

57

Там же, с. 235.

58

Цитата приводится А. Люшером в книге «Общество Франции в годы правления Филиппа-Августа», с. 49.

59

Г. Дж. Чейтор. Трубадуры. – С. 85–86. Обратите внимание на то, что автор ставит священников в один ряд с французами, подразумевая, конечно же, французов – северян.

60

«Окассен и Николетт и другие средневековые романы». (Всеобщая библиотека).

61

Г. Дж. Чейтор. Трубадуры. – С. 71.

62

Аве Жюльен. L'heresie et le bras séculier au moyen-age в кн. «Труды». – Т. II, с. 150.

63

Г. Никерсон. «Инквизиция». – С. 61.

64

А. Люшер. Французское общество в годы правления Филиппа-Августа. – С. 249–250.

65

Официальное описание этой церемонии можно прочитать в кн. «Букет». Recueil des Historiens des Gaules, том XIV, с. 448–450.

66

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 1, с. 106.

67

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 21.

68

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 64.

69

Цитата Фиркоу приводится Дж. Уолшем в книге «Тринадцатый – величайший из веков», с. 343.

70

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 96.

71

Грабежи, поджоги и резня, сопровождавшие взятие Безьера, – это события, которые больше всего запомнились людям, пострадавшим от Крестового похода. Однако есть две определенные причины, заставляющие сомневаться в том, что резня была такая уж страшная. Первая состоит в том, что жизнь города была так быстро налажена, что его жители смогли вскоре снова противостоять Крестовому походу; вторая причина, как указал мистер Никерсон, в том, что «церковь святой Марии, где, по предположению, резня была самой кровавой, так мала, что даже треть из семи тысяч пострадавших пришлось бы заталкивать туда силой».

72

Фарнелл. Жизнь трубадуrows. – С. 186–187.

73

Ж. Гуиро. Святой Доминик. – С. 88.

74

Никерсон. Инквизиция. – С. 197; Т. де Козон. «История инквизиции во Франции». – Т. 1, с. 420.

75

См. книгу лорда Эктона «История свободы и другие очерки», с. 554; Ж. Гуирар. Святой Доминик. – С. 40.

76

Ж. Гуиро. Святой Доминик. – С. 40.

77

По римскому праву, сжигание заживо применялось за отцеубийство, богохульство, поджог, разбой и измену. Первый эдикт против манихеев был издан языческим императором Диоклетианом.

78

«Animadversio débita» – традиционная, обычная фраза, используемая в связи с этим.

79

Е. Вакандард. Инквизиция. – С. 46.

80

Это сравнение далеко не оригинально. В своем письме к магистратам Витербо, датированном 25 марта 1199 года, Иннокентий III заявил, что «светский закон карает государственных изменников конфискацией имущества и смертной казнью; лишь благодаря нашей доброте их детям сохраняется жизнь. Из этого следует, что мы тем более должны отлучать от Церкви и конфисковывать имущество тех, кто предал веру в Иисуса Христа. Потому что оскорбить Святое величество – это куда более страшный грех, чем оскорбить величество суверена».

81

Е. Вакандард. Инквизиция. – С. 81.

82

Г. С. Леа. История средневековой инквизиции. – Т. 1, с. 325.

83

Г. С. Леа. История средневековой инквизиции. – Т. 1, с. 318.

84

«Помощники епископам, – говорит М. де Козон, – вот кем Папа Григорий IX считал доминиканцев». (Г. С. Леа. История средневековой инквизиции. – Т. 1, с. 451.)

85

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 217.

86

Тайный верховный суд в Англии, упраздненный в 1641 году. – *Примеч. переводчика.*

87

Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. 1, с. 296, сноска. – *Пер. автора.*

88

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 241.

89

Беде Джарретт. Жизнь святого Доминика. – С. 59.

90

От латинского inquisitio – розыск.

91

Г. С. Леа. История средневековой инквизиции. – Т. 1, с. 401.

92

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 210.

93

Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 39, ремарка. – *Пер. автора.*

94

В 1376 году Григорий XI передал инквизитору Венскому дом, который раньше принадлежал капитулу, расположенному неподалеку от городской больницы. Причиной этого называлось отсутствие другого подходящего помещения для штаб-квартиры. (Видаль. Bullaire de l'Inquisition au xiv-e siècle. – С. 434.)

95

М. Видаль обращает внимание на один-два случая, когда Папа, имеющий на то причину, специальным указом продлевал службу инквизитора. (Bullaire, с. 117, 444, 466.)

96

В 1228 году в Лангедоке был издан закон о том, что у людей, подозреваемых в ереси, могли конфисковать всю собственность. Эта оговорка была записана в мирном договоре 1229 года и в законодательном акте Церковного собора в Тулузе, проводимого в том же году. При Филиппе Смелом в 1271 году в законодательный акт были внесены усиливающие его изменения; в 1301 году, Филипп Справедливый, заявив, что престиж и власть Церкви не зависят от этого законодательства, отменил его. (Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 237.)

97

Б. Гуи. Practica Inquisitionis. – Изд. Дуэ, 1886. С. 232, 233.

98

Детальное описание его деятельности можно найти в книге Бозара «Les Heresies pendant le Moyen-Age et La Reforme» (Le Puy, 1912.).

99

Дуэ. Документы. – Т. II, с. 301.

100

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 206. – *Пер. автора.*

101

Он попросту дал силу канонической власти тому, что уже давно вошло в практику. Первые инквизиторы Лангедока, Гийом Арно и Этьен де Сен-Тибери, почти всегда консультировались с группой экспертов, прежде чем выносить приговор. Похоже, подобная практика была в ходу с самого начала судов инквизиции.

102

Вакандард. Инквизиция – С. 99.

103

Вакандард. Инквизиция. – С. 101.

104

У. Г. Маллок. Стоит ли жизнь того, чтобы жить? – С. 217–218.

105

«Ego non sum hereticus; quia uxorem habeo et cum ipsa jaceo et filios habeo». См. Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 158.

106

В 1372 году Григорий XI обратился с предписанием к доминиканским и францисканским инквизиторам, в котором им приказывалось преследовать лиц, отступивших от ислама или

обращенных мусульман, которые вернулись к исповеданию магометанства (Видаль. «Bullaire», с. 391).

107

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 213.

108

«Practica Inquisitionis», с. 156 и далее.

109

Очень похожее определение колдовства было сделано Папой Александром IV еще в 1260 году. См. Видаль, «Bullaire» с. xlvi.

110

«Directirium». Венеция, 1607, с. 335–336.

111

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 250. – *Пер. автора.*

112

А. С. Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 199.

113

Эймерик. Directorium (римское издание 1585 года), с. 445. Гуи. Practica. – С. 189–190.

114

М. де Козон. История инквизиции во Франции. – Том II. с. 209, ремарка.

115

Liber Sententiarum. – (Издатель Лимброк), с. 269.

116

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 355–356. – *Пер. автора.* См. также Гуи. Practica Inquisitionis. – С. 253–254.

117

Важно понять, что признание вины вовсе не означает, что к обвиняемому применяли подходящие методы дознания. Оно предполагает полное признание обвиняемым совершенных ошибок и желание исправиться – признание, что ересь отвратительна и заслуживает наказания. Это сильно отличается от простого признания в том, что человек считает себя еретиком.

118

Цитата приводится де Козоном в книге «История инквизиции по Франции». – Т. II, с. 185.

119

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 1, с. 421.

120

Текст этой буллы приводится в журнале «Практика», с. 310 и т. д. Обрати те внимание на признание, что в светских судах пытки уже применялись.

121

Вакандард Е. Инквизиция. – С. 111.

122

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 1, с. 247.

123

Fiat (лат.) – указ, приказ, распоряжение судьи или суда. – *Примеч. переводчика.*

124

Дуэ. Документы. – Т II, с. 117 и дальше, где приводится множество примеров подобных сделок.

125

На самом деле auto-de-fe – слово португальское, буквально означающее акт веры. – *Примеч. переводчика.*

126

Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 279.

127

Этот вид наказания мы обсудим в Главе 8. Здесь мы только заметим, что он заключался в ношении полосок ткани на одежде в форме креста, что означало принадлежность этого человека к секте еретиков.

128

Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 205.

129

Ш. В. Ланглуа. L'Inquisition d'après les travaux récents.

130

Взлет и падение Римской империи. – Издание «Мировая классика», т. IV, с. 135, ремарка.

131

Наиболее доступный современный пример приводится в книге Ги де Пюи Лоранса «Historia Albigensium», стр. xlvi; Bouquet, «Recueil des Historiens des Gaules», том XX, с. 770; См. также Молинье, там же, с. 24; Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 331.

132

Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 157; Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 472.

133

Е. Вакандард. Инквизиция. – С. 143.

134

Дуэ. Документы. – Т. II, с. 69–72. – *Пер. автора.*

135

Средневековая ересь и инквизиция. – С. 221 и далее.

136

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 1, с. 484.

137

Дуэ. Документы. – Т. II, с. 8 – 10; Де Козон, т. II, с. 371; Г. С. Леа. История инквизиции Средних веков. – Т. I, с. 486.

138

Молинье, с 445.

139

Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 280.

140

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 1, с. 486 и далее. Этот приговор приводится в книге Дуэ, том 2, с. 31. Инквизитором, который вынес его, был Бернар из Ко.

141

См. Главу 4.

- 142**
- Дуэ. Документы. – Т. 2, с. 159; Молинье, с. 404.
- 143**
- Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 498.
- 144**
- Этот случай приводится в книге «Корабль дураков». См. новый перевод Фр. Аурелиуса Помпена, О. Ф. М, с. 157–158.
- 145**
- Е. Л. Гилдфорд. Путешественники и путешествия в Средние века. – с. 23.
- 146**
- Дуэ. Документы. – Т. II, с. 135. – *Пер. автора.*
- 147**
- Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 298. – *Пер. автора.*
- 148**
- Дуэ. Документы. – Т. II, с. 210; Молинье, с. 408.
- 149**
- Разумеется, в этом контексте нелепо говорить об «иностранным населении».
- 150**
- Автор ошибается – это не Вторая, а Четвертая Книга Царств. – *Примеч. переводчика.*
- 151**
- Четвертая Книга Царств, глава 23, стих 16.
- 152**
- См. Главу 2.
- 153**
- Танон. – С. 410. – *Пер. автора.*
- 154**
- См. Главу 2.
- 155**
- Это письмо приводится в книге Видаля «Bullaire», с. 404.
- 156**
- Видадь. Bullaire. – С. 295, 296.
- 157**
- Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 321, сноска; См. также кн. Танона, с. 527.
- 158**
- Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 534. – *Пер. автора.*
- 159**
- Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 215–216.
- 160**
- Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. II, с. 331, сноска; Молинье, с. 25.
- 161**
- См. Главу 7.
- 162**

Об этих событиях читайте в книге Вэссетта «Histoire Generale de Langedoc», т. VI, с. 738–770, а также у Танона, с. 55–65, в книге «Жизни братьев Ордена проповедников» (из серии «Orchard Classics»), с. 213 и далее, «Historia Albigensium в сборнике «Bouquet», т. XX.

163

Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 189.

164

Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 192–202; Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 66–70; Видаль. Bullaire. – С. 4–6.

165

См. Главу 7.

166

Сборник «Bouquet» «Recueil des Historiens des Gaules», XXI Passim, Ж. Молла, «Les Papes d'Avignon» – Париж, 1924 – С. 240–244, Лавока «Proces des Frères et de l'Ordre du Temple», с. 141–146, Леа, т. VIII, с. 258–263 и т. д.

167

Инквизитор Прованса, Бернар Дюпуи, кажется, был с коротким визитом в Кастилии в 1359 году. См. «Bullaire» Видаля, с. 340.

168

«Practica Inquisitionis», с. 353.

169

«Средневековая ересь и инквизиция», с. 173.

170

Ллорент «Histoire Critique de l'Inquisition d'Espagne» – Т. 1, с. 73–94, Ланглуа, там же, с. 99 – 102, Вакандард, с. 166 и далее, Турбервиль, с. 171 и далее, Леки «Подъем и влияние рационализма» – Т. 2, с. 278 и так далее, Леа, т. 2, с. 162–180.

171

Жан де Мейн. Романы о Розе, 7013 и далее; «Temple Classics», т. II, с. 237.

172

Г. С. Леа История инквизиции в Средние века – Т II, с 270, Также см книгу VII Виллани Флорентийские хроники – Т. 2, с. 191–289, Т. Окей Венеция, passim, Турбервиль Средневековая ересь и инквизиция – С. 166–171 и так далее.

173

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 2, с. 349–350.

174

Ф. С. Хекер Дж. Повальные увлечения в Средние века. – С. 37–38.

175

Г. С. Леа. История инквизиции в Средние века. – Т. 2, с. 316–395; Хекер. Повальные увлечения в Средние века. – С. 32–49; Турбервиль и Вакандард, passim; Монталамбер. Святая Елизавета Венгерская. – С. 176 и т. п.

176

Де Козон. История инквизиции во Франции. – Т. 2, с. 326.

177

Танон. История судов инквизиции во Франции. – С. 105–106. – *Пер. автора.*

178

Жан де Мейн. Романы о Розе. – 12449 – 12536.

179

Видаль. Bullaire. – С. li-lvii, 35–40, 48–51, 161–164, 330–332, и т. д.; Танон. – С. 71–87; Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 34–54; Дуэ. Документы. – Т. 1, с. 117–127 и т. д.; «Liber Sententiarum». – Издательство Лимброша, с. 268–273.

180

Аввероисты – последователи аввероизма, направления в западно-европейской философии XIII–XVI веков, развивавшего идеи Ибн Рушда (Аввероэса) о вечности и несотворенности мира, о едином, общем для всех людей мировом разуме как субстанциональной основе индивидуальных душ (отсюда следовало отрицание их бессмертия), а также учение о двойственной истине. – *Примеч. переводчика.*

181

Данте. «Божественная комедия», «Видение Господне», «Ад», песнь IV, с. 32–34. (Здесь и далее перевод М. Лозинского).

182

Данте. «Божественная комедия», «Рай», песнь X. – С. 139–141.

183

«Журнал теологических исследований», 1925, октябрь. См. также «Ислам» и «Божественная комедия» Мигуэля Асина. – Пер. на англ. Г. Сандерленда, с. 262–263.

184

Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 69.

185

Данте. «Божественная комедия», «Рай», песнь XII, с. 130–132.

186

Гриффитс Артур. Хроника Ньюгейта. – С. 437–438.

187

Гриффитс Артур. Хроники Ньюгейта. – С. 177.

188

Турбервиль. Средневековая ересь и инквизиция. – С. 242.

189

Де Козон. – Т. II, с. xliv.

190

Г. Никерсон. Инквизиция. – С. 251–252.

191

Вакандард. Инквизиция. – С. 185–186.

192

Эти записи приводятся в книге Дуэ. «Документы». – Т. II, с. 90 – 114.

193

Liber Sententiarum. – Издательство Лимборха, с. 92, 178.

194

«Chronica Rogeri de Hoveden», anno 1176, (Серия «Ролле», 51, ii, с. 105–117).

195

Аланус де Инсулис. «Contra hereticos» iv, 62 in Migne, P.L. 210, cols. 365–367.

196

Танон, с. 224.

«Liber Sententiarum». – Издательство Лимборха, с. 104.